

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

СЕРДЦА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2021

ИЮЛЬ –
АВГУСТ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2021

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2021

**JULY-
AUGUST**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *М. Л. Каленчук.* Варианты произношения гласных в 1-м предупредном слоге после твердых шипящих и *ц* на месте букв *о* и *а*
- 17..... *Т. Л. Колосовская.* Чувство юмора — «Камеди клуб» отдыхает: об одной устойчивой оценочной конструкции в русском языке, или Кто может отдыхать?
- 33..... *Е. С. Скачедубова.* К вопросу о месте ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени
- 45..... *О. Е. Фролова.* Речевая агрессия и реакция на нее

Из истории русского языка

- 61..... *Е. Л. Березович.* Из русской народной геммонимии: *тальян*
- 77..... *Л. П. Крысин.* Век девятнадцатый — век нынешний: сравнение процессов иноязычного влияния на русский язык
- 85..... *А. В. Растягаев, Ю. В. Сложеникина.* О происхождении термина *крылатые слова* в русском языке

Язык художественной литературы

- 97..... *И. А. Маринченко, Е. В. Васильева.* «Таежные стюпризы» в детской прозе Михаила Деменка
- 108..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова.* Образное поле «музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен»

Книжные новинки

- 120..... *О. В. Никитин.* Славяно-русская палеография как искусство (о новой книге Л. П. Жуковской)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Maria L. Kalenchuk*. Variants of Pronunciation of Vowels in the 1st Pre-stressed Syllable After Hard Sibilants and *ц* in Place of the Letters *о* and *а*
- 17..... *Tatyana L. Kolosovskaya*. *Sense of Humor — “Comedy Club” is Resting: One Stable Evaluative Structure in Russian*
- 33..... *Ekaterina S. Skachedubova*. Place of Stress in the Forms of the Passive Participles of the Past Tense
- 45..... *Olga E. Frolova*. Speech Aggression and Reaction to It

From the History of the Russian Language

- 61..... *Elena L. Berezovich*. On the Russian Folk Gemonymy: *Tal’yan*
- 77..... *Leonid P. Krysin*. The Nineteenth Century and Present Time: the Comparison of Foreign Language Influence on the Russian Language
- 85..... *Andrei V. Rastyagaev, Julia V. Slozhenikina*. On the Origin of the Term *Krilatye Slova (Winged Words)* in Russian

The Language of Fiction

- 97..... *Irina A. Marinchenko, Elena V. Vasil’eva*. “Taiga Surprises” in Children’s Prose by Mikhail Demenok
- 108..... *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova*. Figurative Field “Music” in the Novel “Brisbane” by E. Vodolazkin

Book News

- 120..... *Oleg V. Nikitin*. Slavic-Russian Paleography as an Art (On a New Book by L. P. Zhukovskaya)

Варианты произношения гласных в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и *ц* на месте букв *о* и *а*

Мария Леонидовна Каленчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), mkalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170016211-1

АННОТАЦИЯ: В статье исследуется один из участков русской орфоэпической системы, подвергшийся серьезному изменению за последние сто лет — варианты произношения гласных в 1-м предударном слоге после [ш, ж, ц] на месте букв *о* и *а*. Рассматриваемая позиция была изначально противоречивой: согласные [ш, ж, ц] ранее были мягкими, затем они отвердели, но гласные после них продолжали вести себя как после мягких. В первой трети XX века установилась норма, согласно которой в подавляющем большинстве случаев в позиции 1-го предударного слога после [ж, ш, ц] в соответствии с ударным [о] произносится [ы^э], а в соответствии с ударным [а] — [а^э]. Но в современной норме есть немногочисленные отступления от этого правила. Результаты проведенного экспериментального исследования во многом противоречат лексикографическим рекомендациям. В словах на месте буквы *о* фиксируются варианты [ы^э], [э], [а^э], [о], но их распределение отличается по конкретным словам и определяется набором разных факторов: 1) наличием условий для межслоговой ассимиляции гласных (*жокей*, *шоссе*), 2) безударный звук [о] позволяет либо подчеркнуть «чуждость» заимствованного слова (*креп-ж[о]ржёт*, *ш[о]кировать*), либо нечастотность лексики (*ж[о]нкиль*, *ш[о]ртгорн*), либо выделить слово в сильной просодической позиции. В словах на месте буквы *а* зафиксированы

варианты [ы^э] и [а^э]. При этом можно констатировать, что большинство слов с рассматриваемой нормой уже «пережили» стадию орфоэпической вариантности и произносятся по общему правилу со звуком [а^э] (*жара, шаги, цари*), а в других словах «законсервировалось» соотношение вариантов, присущее предыдущему орфоэпическому срезу, и нет на данный момент примет того, что процесс вытеснения варианта [ы^э] вариантом [а^э] в этих словах продолжается.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфоэпия, варианты произношения, произносительная позиция, динамика норм

для цитирования: Каленчук М. Л. Варианты произношения гласных в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и *ц* на месте букв *о* и *а* // Русская речь. 2021. № 4. С. 7–16. DOI: 10.31857/S013161170016211-1.

Issues of Modern Russian Language

Variants of Pronunciation of Vowels in the 1st Pre-stressed Syllable After Hard Sibilants and *ц* in Place of the Letters *о* and *а*

Maria L. Kalenchuk, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), mkalenchuk@yandex.ru

ABSTRACT: The article examines one of the sections of the Russian orthoepic system that has undergone a major change over the past hundred years — the pronunciation of vowel letters *о* and *а* in the 1st pre-stressed syllable after [ш, ж, ц]. The position under consideration was initially contradictory: the consonants [ш, ж, ц] were previously soft, then they hardened, but the vowels after them continued to behave as if they were positioned after the soft ones. In the first third of the twentieth century, the norm

was established, according to which in the vast majority of cases, in the position of the 1st pre-stressed syllable after [ш, ж, ц], in accordance with the stressed [o] — [ы^э] is pronounced, and in accordance with the stressed [a] — [a^э]. However, in the modern norm there are a few deviations from this rule. The results of the experimental study largely contradict the lexicographic recommendations. In the words with *o*, this letter can be pronounced as [ы^э], [э], [a^э], [o], but their distribution differs for specific words and is determined by a set of different factors: 1) the presence of conditions for inter-syllabic assimilation of vowels (*жокей, шоссэ*), 2) the unstressed sound [o] allows you to either emphasize the “alienness” of the borrowed word (*креп-жоржет, шокировать*), or the infrequency of the vocabulary (*жонкиль, шортгорн*), or highlight the word in a strong prosodic position. In the words with *a*, this letter could be pronounced [ы^э] и [a^э] are fixed. At the same time, it can be stated that most words with the norm under consideration have already “survived” the stage of orthoepic variation and are pronounced as a general rule with the sound [a^э] (*жара, шаги, цари*), and in other words, the ratio of variants inherent in the previous orthoepic section has been ‘preserved’. There is no evidence at the moment that the process of replacing the variant [ы^э] with the variant [a^э] in these words continues.

KEYWORDS: orthoepy, pronunciation variants, pronouncing position, dynamics of norms

FOR CITATION: Kalenchuk M. L. Variants of Pronunciation of Vowels in the 1st Pre-stressed Syllable After Hard Sibilants and *ц* in Place of the Letters *o* and *a*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 4. Pp. 7–16. DOI: 10.31857/S013161170016211-1.

1. История появления вариантов произношения гласных в 1-м предударном слоге после [ш, ж, ц]

В конце XIX — начале XX века в соответствии с ударными гласными [а, о, э] (*шаг, жёлтый, шест*) в первом предударном слоге, то есть в слоге, непосредственно предшествующем ударному, после твердых звуков [ш, ж, ц] по действующей в то время произносительной норме реализовались звуком [э^{б1}] — звуком, средним между [э] и [ы], но ближе к [э]. Это соответствовало действующей в то время экающей норме, согласна которой ударные звуки [э], [о], [а] совпадали, не различались в рассматриваемой позиции в одном и том же безударном гласном [э^{б1}]: *ш[э]ст (шест) — ш[э^{б1}]ст^{б1} (шесты), ж[б¹]ны (жёны) — ж[э^{б1}]н^{б1} (жена), ш[a]г (шаг) — ш[э^{б1}]г^{б1}ать (шагать)*. «Позиция после [ж, ш, ц] была внутренне

противоречивой: согласные [ж, ш, ц] — твердые, но гласные “вели себя” после них не так, как после твердых согласных, а так, как после парных мягких. (В этом сказывалась былая мягкость всех шипящих и ц.)» [Касаткин 1989: 47].

Известно, что в первой трети XX века произошло серьезное изменение системы русских гласных — на смену экающему произношению пришло йкающее, при котором в безударных слогах после мягких согласных вместо предупредного [э^и] стали произносить [и^э], то есть звук, средний между [и] и [э], но ближе к [и] — *ст[и^э]на́ (стена), в[и^э]сна́ (весна), ч[и^э]сы́ (часы)*. По аналогии с позицией после мягких изменилось и произношение после твердых, после [ж, ш, ц] звук [э^б] закономерно заменился на звук [ы^э]: *ш[ы^э]сты́ (шесть), ж[ы^э]на́ (жена), ц[ы^э]на́ (цена)*.

Можно было бы ожидать подобной замены в рассматриваемой безударной позиции и на месте ударного [а], то есть по общему правилу *ш[э^б]га́ть, ж[э^б]ра́, ц[э^б]ри́ (шагать, жара, цари)* должно было измениться на *ш[ы^э]га́ть, ж[ы^э]ра́, ц[ы^э]ри́ (шагать, жара, цари)*. Но этого не произошло: звуки на месте ударного [а] в этой позиции совпали с реализацией этой нормы в позиции после парных твердых, стали произносить *ш[а^э]га́ть, ш[а^э]ги́ (шагать, шаги)* — так же, как *д[а^э]ва́ть, тр[а^э]ва́ (давать, трава)* и т. д. При существовании двух сильных тенденций развития — стремления к упрощению системы гласных и стремления к равновесности системы, к действию общего правила, «подстройкой» исключений под единую закономерность — язык выбрал в данном случае второе направление, что, как полагают, могло произойти под воздействием письма. Подробный анализ причин и характера проявления этого фонетического изменения см. в [Панов 1967: 308–315; Панов (ред.) 1968: 105–110; Аванесов 1984: 92–94; Касаткин 1989: 48 и др.].

Итак, в подавляющем большинстве случаев в позиции 1-го предупредного слога после [ж, ш, ц] в соответствии с ударными [э] и [о] произносится [ы^э], а в соответствии с ударным [а] — [а^э] (ср. *ш[ы^э]сты́ (шесть), ж[ы^э]тók (желток), но ж[а^э]ра́ (жара), ц[а^э]ри́ (цари)*).

Казалось бы, реализация этой нормы не должна вызывать затруднения у говорящих, чередование ударных и безударных звуков выглядит вполне закономерным. Но в современной произносительной норме есть немногочисленные отступления от этого позиционного правила, требующие отдельного рассмотрения для формулирования кодификационных рекомендаций. Для достижения этой цели был проведен эксперимент, в ходе которого 100 дикторов, носителей «младшей» произносительной литературной нормы читали специально составленные фразы достаточно большой длины, в которые были включены слова, анализ произношения которых представлен ниже.

2. Варианты произношения на месте буквы *о* в 1-м предударном после [ш, ж, ц]

В экспериментальные тексты было включено 9 слов, с каждым из которых было составлено по два предложения, в одном из которых слово с анализируемым произносительным вариантом стояло в позиции просодического выделения, а во второй — в просодически слабой позиции. Всего было получено 1800 дикторских ответов. Результаты распределения вариантов произношения по данным аудирования приведены в следующей таблице.

Табл. 1. Варианты произношения на месте буквы *о* в 1-м предударном после [ш, ж, ц]
 Table 1. Pronunciation variants of the letter *o* in the 1st pre-stressed after [ш, ж, ц]

Слово в эксперименте	[ы ^э]	[э]	[а ^э]	[о]
жокéй	16 %	10 %	64 %	10 %
жонглёр	0 %	0 %	100 %	0 %
креп-жоржéт	24 %	9 %	27 %	40 %
шокíровать	0 %	0 %	60 %	40 %
жонкíль	0 %	0 %	38 %	62 %
шортгóрн	0 %	0 %	20 %	80 %
шоссé	30 %	12 %	38 %	20 %
шотлáндка	0 %	0 %	100 %	0 %
шофё́р	0 %	0 %	100 %	0 %

Полученные в ходе исследования данные во многом противоречат лексикографическим рекомендациям. Так, например, в [Аванесов (ред.) 1989] слова *жокей*, *креп-жоржет*, *шокировать* приводятся без произносительной пометы, что, по правилам этого словаря, означает, что их надо произносить по общим закономерностям чтения — с безударным звуком [а^э]. В слове *шоссе*, согласно рекомендациям [Аванесов (ред.) 1989], допускаются варианты [а^э] и [о], что не полностью соответствует полученным экспериментальным данным, и т. д.

Анализ результатов показал различия в распределении орфоэпических вариантов по отдельным словам при тождестве фонетических и графических условий. Является ли это случайностью или нет?

В словах *жокей*, *креп-жоржет* и *шоссе* в отличие от всех остальных слов фиксируется большой процент произнесений с [э] и [ы^э]. Эти варианты появляются только в тех случаях, где есть условия для проявления

межслоговой ассимиляции гласных [Пауфошима 1980], то есть гласные первого предударного слова «подстраиваются» под качество ударного звука.

Появление безударного качественно нередуцированного [o] объясняется разными причинами.

В одних случаях этот орфоэпический вариант является маркером заимствованного происхождения слова: произношение *креп-ж[o]ржёт* или *ш[o]кíровать* позволяет подчеркнуть «чуждость» слова (аналогично произношениям *б[o]нтóн* или *р[o]к[o]кó*).

В других словах безударный вариант [o] типичен для нечастотных мало освоенных слов — *ж[o]нкíль* (62 %), *ш[o]ртóрн* (80 %). При чтении мало знакомых слов возрастает число побуквенных произношений, реализуется так называемый сверхполный тип произношения. А поскольку в этих двух словах сочетаются два орфоэпических фактора — заимствованный характер слова и его недостаточная освоенность, — частотность варианта [o] резко возрастает.

Кроме того, распределение рассматриваемых вариантов произношения может зависеть и от просодической позиции слова во фразе — позиция просодической выделенности, маркированности часто отмечается появлением звука [o], ср.:

1. Чтобы достичь предмета своих мечтаний, мы делаем невозможное; мы готовы преодолеть любую преграду, рисковать жизнью и положением, мы, как *жокей* на скачках, программируем себя во что бы то ни стало дойти до желанного финиша; нет ничего другого, что так бы воодушевляло человека и мобилизовывало все его силы, как неосуществленная мечта.
2. Для него слово *жокей* было оскорбительным, так называли профессионалов, скакавших за деньги, себя же он называл только наездником.

В первом предложении слово *жокей* стоит в семантической тени, не выделяется просодическими средствами, а во втором — в сильной позиции. И это сразу проявляется в распределении вариантов: в первом предложении вариант [o] зафиксирован всего в 7 % случаев, а во втором — в 58 %.

3. Варианты произношения на месте буквы *а* в 1-м предударном слогe после [ш, ж, ц]

В экспериментальные тексты было включено 16 слов, с каждым из которых было составлено по два предложения. Было получено 3200 дикторских ответов. Результаты аудирования представлены в следующей таблице.

Табл. 2. Варианты произношения на месте буквы *а* в 1-м предударном после [ш, ж, ц]
 Table 2. Pronunciation variants of the letter *a* in the 1st pre-stressed after [ш, ж, ц]

Слово в эксперименте	[ы ^э]	[а ^э]
вожака́	0 %	100 %
двадцати́	98 %	2 %
жавéль	70 %	30 %
жакéт	59 %	41 %
жалéть	56 %	44 %
жасми́н	51 %	49 %
жара́	0 %	100 %
кашалóт	12 %	88 %
лошадéй	94 %	6 %
пожалéй	74 %	26 %
ржанóй	43 %	57 %
к сожалéнию	90 %	10 %
тридцати́	94 %	6 %
шали́ть	0 %	100 %
шаблóн	0 %	100 %
шалáш	0 %	100 %

Если сравнивать реализацию рассматриваемой нормы, описанную в [Панов (ред.) 1968] и [Крысин (ред.) 1974], а также произносительные рекомендации, представленные в различных орфоэпических словарях, с результатами проведенного эксперимента, то можно сделать следующие выводы.

Круг слов, в которых возможно произношение [ы^э], сужается с каждым новым поколением носителей литературного произношения. Если раньше, хоть и достаточно редко, этот вариант встречался в словах и словоформах *жара*, *вожака*, *шалаш*, *шаблон*, то в системе современной «младшей» нормы он полностью изжит; произносится только *ж[а^э]ра́*, *вож[а^э]ка́*, *ш[а^э]ла́ш*, *ш[а^э]блóн*.

Сравнение частоты появления орфоэпических вариантов [ы^э] и [а^э], по данным социолингвистических опросов 60-х гг. XX в. [Панов (ред.) 1968; Крысин (ред.) 1974], показало, что резких изменений рассматриваемой нормы за прошедшие полвека не произошло.

Лингвисты, изучавшие эволюцию этой произносительной закономерности на протяжении XX века, пришли к выводу, что «процесс у каждого слова направлен в одну сторону: у слов *жара*, *вожака* от поколения к поколению [э^{бл}]-произношение убывает, у... остальных слов — становится все более распространенным» [Панов (ред.) 1968: 36]. Но, по материалам проведенного исследования, можно констатировать, что слова первой группы уже «пережили» стадию орфоэпической вариантности, а в словах второй группы «законсервировалось» соотношение вариантов, присущее предыдущему орфоэпическому срезу, и нет на данный момент примет того, что процесс вытеснения варианта [ы^э] вариантом [а^э] в этих словах продолжается.

Можно было бы предположить, что вариант [ы^э] в большинстве случаев задерживается в тех корнях, где имеются условия для проявления межслоговой ассимиляции гласных, то есть там, где в ударном слоге произносятся гласные [э] или [и]. Но эта тенденция подтверждается для одних слов и словоформ (*двадцати*, *тридцати*, *жакет*, *жасмин*, *жалеть*, *к сожалению*, *пожалеть*, *жавель*) и не подтверждается для других (например, в слове *ржаной*, в котором нет условий для проявления межслоговой ассимиляции, «упорно» задерживается вариант [ы^э]). Нельзя не отметить, что, например, в слове *шалить*, в котором под ударением произносится звук [и], давно победил орфоэпический вариант [а^э].

Л. Л. Касаткин считал, что фактором, поддерживающим сохранение старого произношения с [ы^э], является позиция перед мягким [Касаткин 2014: 201]. Но, например, в слове *ржаной*, в котором рассматриваемый вариант находится в положении перед твердым звуком, в 57 % произносится [а^э].

Различные лексикографические источники допускают три разных способа произношения слов с рассматриваемой орфоэпической особенностью:

- 1) только с [а^э], то есть по новой норме — абсолютное большинство слов, в которых имеется анализируемая позиция (*шаги*, *шампанское*, *жара*, *жаркое*, *царизм*);
- 2) только с [ы^э], то есть с сохранением старого произношения (косвенные падежи числительных *двадцать* и *тридцать*, *жавель*, *жалеть*, косвенные падежи слова *лошадь* во мн. ч. и производные от этого слова, *пожалеть*);
- 3) с сосуществующими вариантами [ы^э] и [а^э] (*жакет*, *жасмин*) [Аванесов (ред.) 1989; Еськова (ред.) 2014; Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012].

Но результаты проведенного исследования позволяют пересмотреть и уточнить произносительные рекомендации к некоторым словам, сохранив общую картину описания этого участка произносительной системы.

Литература

- Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 383 с.
- Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1989. 704 с.
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А., под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: Lingua: АСТ, 2014. 1007 с.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.
- Касаткин Л. Л. Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного: Доклады. Материалы 1-го Международного симпозиума МАПРЯЛ. М.: Наука, 1989. С. 39–45.
- Касаткин Л. Л. Современный русский язык: Фонетика. М.: Академия, 2014. 282 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1974. 352 с.
- Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 458 с.
- Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1–4 / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Пауфوشима Р. Ф. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные процессы безударных гласных) // Известия ОЛЯ Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1980, т. 39, № 1. С. 61–69.
-

References

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.
- Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian orthoepic dictionary: Pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. 5th edition. Moscow, Rus. Yaz. Publ., 1989. 704 p.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian orthoepic dictionary: Pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by N. A. Es'kova. 10th edition. Moscow, AST Publ., 2014. 1007 p.

- Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoi orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The large orthoepic dictionary of Russian language. Literary pronunciation and stress in the beginning of XXI century: the norm and its variants]. 2nd edition. Moscow, AST-PRESS Publ., 2012. 1001 p.
- Kasatkin L. L. [Vowel alternation after [ш, ж, ц] in the Russian literary language]. *Voprosy fonologii v aspekte russkogo yazyka kak inostrannogo: Doklady. Materialy 1 Mezhdunarodnogo simpoziuma MAPRYAL* [Questions of phonology in the aspect of Russian as a foreign language: Reports. Materials of the 1st MAPRYAL International Symposium]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 39–45. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. *Sovremenniy russkiy yazyk: Fonetika* [Modern Russian: Phonetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2014. 282 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Russkiy yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian language according to the mass screening. The experience of social linguistic research]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p.
- Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 438 p.
- Panov M. V. (ed.) *Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie* [Russian language and Soviet society. Sociological and linguistic research]. Vol. 1–4. Ed. by M. V. Panov. Moscow, 1968.
- Paufoshima R. F. [Active processes in modern Russian literary pronunciation (assimilative processes of unstressed vowels)]. *Izvestiya OLYa Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 39, n. 1, pp. 61–69. (In Russ.)

Чувство юмора — «Камеди клуб» отдыхает: об одной устойчивой оценочной конструкции в русском языке, или Кто может отдыхать?

Татьяна Леонидовна Колосовская, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170016212-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию синтаксически устойчивой оценочной конструкции (*синтаксической фраземы*) <P — N₁ отдыхает>, не закрепленной в нормативных лексикографических источниках (*Это местная кинозвезда с гонором. — Шэрон Стоун отдыхает; 82 000 зрителей <...>. Мадонна отдыхает!*). P — это предмет, признак или обстоятельство, находящиеся во главе сравнения, а N₁ — компонент, с которым сравнивают P. Рассматриваются значения глагола *отдыхать* в разных типах словарей, где иллюстрируется его использование в составе подобной конструкции. Уделяется внимание различным подходам и, соответственно, терминологии, связанной с грамматикой конструкций. Поднимается номинативная проблема описываемой в рамках данной статьи модели. Особое внимание уделено вариантам номинации в позиции N₁, которые представлены в последовательной классификации. Материалом для конкретного анализа послужили примеры таких синтаксических фразем из Национального корпуса русского языка, СМИ и устной повседневной речи (речевой практики) носителей русского языка. Весь этот материал рассматривается как элементы *лингвистики креатива*, а приведенные наблюдения могут

быть полезны в лексикографической практике, лингводидактике (особенно в преподавании русского языка как иностранного), в практике перевода, а также при теоретическом осмыслении переходных случаев между лексикой и синтаксисом, обладающих определенной идиоматичностью и статистической воспроизводимостью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистика креатива, синтаксическая фразема, апеллятив, номинация, оним, эргоним

для цитирования: Колосовская Т. Л. *Чувство юмора — «Камеди клуб» отдыхает*: об одной устойчивой оценочной конструкции в русском языке, или Кто может отдыхать? // Русская речь. 2021. № 4. С. 17–32. DOI: 10.31857/S013161170016212-2.

Issues of Modern Russian Language

Sense of Humor — “Comedy Club” is Resting: One Stable Evaluative Structure in Russian

Tatyana L. Kolosovskaya, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg),
kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

АБСТРАКТ: The article is devoted to the description of a syntactically stable evaluative construction (*syntactic phraseme*) $\langle P - N_1 \text{ is resting} \rangle$, not fixed in the normative lexicographic sources (*This is a local movie star with ambition. — Sharon Stone otdykhaet (is resting); 82,000 viewers <...> — Madonna otdykhaet!*). P is the subject, attribute, or circumstance at the head of the comparison, and N₁ is the component with which P is compared. The ironical meaning behind this construction is that N₁ much more inferior and meaningless compared to P, whereas it is obvious that it is not true. The author considers the meanings of the verb *otdykhat'* (*to rest*) in different types of dictionaries, which illustrates its use as part of a similar construction. The article pays attention to various approaches and, accordingly, to terminology related to the grammar of constructions. The paper raises

a nominative problem of the model. Particular attention is paid to the variants of the nomination in position N_1 , which are presented in the sequential classification. Examples of such syntactic phrases from the National Corpus of the Russian Language, the media and everyday oral speech (speech practice) of Russian speakers served as material for a specific analysis. All this material is considered as elements of *creative linguistics*, and the above mentioned observations can be useful in lexicographic practice, linguodidactics (especially in teaching Russian as a foreign language), in translation practice, as well as in the theoretical understanding of transitional cases between vocabulary and syntax, which have a certain idiomaticity and statistical reproducibility.

KEYWORDS: linguistics of creativity, syntactic phraseme, appellative, nomination, onym, ergonym

FOR CITATION: Kolosovskaya T. L. *Sense of Humor – “Comedy Club” is Resting: One Stable Evaluation Structure in Russian*. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2021. No. 4. Pp. 17–32. DOI: 10.31857/S013161170016212-2.

Введение

В современном русском языке достаточно частотны *сложные номинации*, объемом превосходящие слово. Такие конструкции часто реализуют нестандартные для литературной речи значения входящих в них слов и редко попадают в сферу внимания академической лексикографии. Это ставит задачу их выявления в языке и речи, анализа их структуры и особенностей функционирования, установления их значения/функции — с целью их дальнейшего лексикографического описания, или *портретирования*. Принцип такого *лексикографического портретирования* был обоснован в монографии Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика. Синонимические средства языка», в которой автор исходит из убеждения, что «каждая лексема предстает как автономный и неповторимо своеобразный мир, который хотелось бы описать во всем его богатстве» (см.: [Апресян 1995]). Нет сомнения, что каждая устойчивая конструкция нашей речи — это не менее «автономный и неповторимо своеобразный мир», чем отдельная лексема, и также достойна детального исследования и описания, ср., например, подобные лексикографические портреты русских дискурсивных [Баранов и др. 1993] и служебных слов [Служебные слова... 2017], а также прагматических маркеров [Богданова-Бегларян (ред.) 2021].

Изучение таких сложных языковых явлений интересно еще и потому, что они находятся на стыке лексики и синтаксиса, а также обладают определенной идиоматичностью и статистической воспроизводимостью.

Значительных усилий требует описание устойчивых *неономинаций-предложений*. Фиксация и анализ синтаксических моделей, образующих порой целые предложения, вызывают трудности по разным причинам, начиная от точности передачи текста, заканчивая тем смыслом, который вкладывает в них говорящий или пишущий. Главной проблемой, возникающей в процессе описания таких конструкций, выступает номинативная: как обозначить подобные единицы?

Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук в своих исследованиях идиоматики используют термин *фразема*, которую определяют «как такое словосочетание, означаемое и означающее которого не могут быть построены без ограничений и регулярно» [Иорданская, Мельчук 2007: 226]. Авторы предлагают типологию фразем, выделяемых на трех уровнях языковой системы — лексическом, морфологическом и синтаксическом. Далее они предлагают четыре стратегии описания подобных единиц, на основе которых строится исчисление всех возможных типов фразем. *Синтаксическая фразема* относится к тому типу, который затрагивает *идиоматизация* [Копотев, Стексова 2016: 12]. К синтаксическим фраземам, в рамках типологии Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, относятся *идиомы, коллокации и квазиидиомы*. О синтаксических фраземах много писал также Л. Л. Иомдин (см.: [Иомдин 2006] и ряд др. его работ).

А. Г. Хорошавина использует для описания сложных идиоматизированных номинаций термин *фразеомодель*, под которым понимает «синтаксическую конструкцию, находящуюся на определенной стадии фразеологизации, грамматическая и семантическая природа которой носит явный переходный характер» [Хорошавина 2003].

Под *конструкциями* понимаются «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения», это любое «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19]. Связь конструкции и коллокации дала основания некоторым исследователям ввести понятие *конструкции-коллокации*, которая отличается и ярко выраженной грамматической природой: «Можно сказать, что такие конструкции-коллокации стали результатом действия сразу двух активных процессов современной русской речи: *грамматикализации* и *идиоматизации* — в полном соответствии с наблюдениями Ч. Филлмора и его соавторов» [Богданова-Бегларян, Цуй Лили 2019: 467].

Можно упомянуть и еще один термин, который используется в лингвистике для описания устойчивых неоднословных сущностей: *коллостракция* (*collostruction*). Понятия *коллостракции* и *коллостракционного анализа* были предложены С. Грисом и А. Стефановичем, которые предлагали

понимать под коллостракционным анализом «набор методов для исследования взаимосвязи между лексическими единицами и (значимыми) грамматическими структурами на основе их наблюдаемого и ожидаемого совместного появления в больших корпусах» [Gries, Stefanowitsch 2004] (см. также: [Stefanowitsch, Gries 2003, 2005]).

В настоящей работе — для обозначения рассматриваемого типа оценочных конструкций (ОК) — принимается термин *синтаксическая фразема*.

Объектом исследования стала оценочная конструкция <P — N₁ отдыхает> (примеры см. ниже). Рассмотрим имеющиеся в словарях значения глагола *отдыхать* и выясним, существует ли в них то толкование, которое необходимо для исследования.

Словарные данные

В классических толковых словарях русского языка иллюстрируются стандартные, привычные для носителей языка значения. Так, словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает два значения глагола *отдыхать*: (1) 'отдыхом восстанавливать силы; проводить свой отдых где-н.' (*Спортсмены **отдыхают** после тренировок*), (2) 'восстанавливать свои силы сном (прост.)' (*Не буди его: **отдыхает** после обеда*) [Ожегов, Шведова 1999: 486].

«Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой предлагает следующее толкование глагола *отдыхать*: 'восстанавливать силы после утомления (изменением или прекращением деятельности, пребыванием в состоянии бездействия или покоя)' [Ефремова 2000: 856].

В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова единица *отдыхать* отсутствует, а словарная статья на существительное *отдых* отсылает к глаголу *отдохнуть*: (1) 'восстановить силы (после утомления)' (*Ей хотелось поскорее прилечь, **отдохнуть***), (2) 'пробыть где-н., ничем не занимаясь, для восстановления сил' (***Отдохнуть бы Григорию, отоспаться!***) [Ушаков 2014: 418].

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, глагол *отдыхать* имеет значение: 'отдохнуть, покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши, сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами. Покоиться, спать, почивать, особ. днем после обеда' (*И голове надо **отдохнуть**, не только рукам*) [Даль 1905: 1874–1875].

Видно, что все рассмотренные словари никаких дополнительных, оценочно окрашенных, значений единице *отдыхать* не приписывают, в отличие от некоторых других. Так, в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика находим следующие два толкования: (1) '*шутл.-ирон. разг.* развлекаться, выпивать спиртное в компании'

(*Отдыхали мужики с двумя пол-литрами белой (плюс порожняя под столом) и пятилитровой канистрой пива*), (2) 'кроме проиш., насмешл. жарг. значительно уступать кому-л. в чем-л.' (*Все, «Зенит» не догонишь, остальные могут отдохнуть*) [Химик 2004: 402]. Следует обратить внимание, что во втором значении стоит ограничение на употребление данного глагола в прошедшем времени. И именно это значение соответствует рассматриваемой ОК.

В словники «Толкового словаря современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под ред. Г. Н. Складаревской [Складаревская 2001] и «Толкового словаря русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина [Крысин 2017] данный глагол вообще не попал.

«Словарь русского арго» В. С. Елистратова полнее всего описывает значение, которое отражается в той ОК, которая стала объектом настоящего исследования: (1) 'быть не у дел, быть отстраненным от чего-л., не участвовать в чем-л.; быть в проигрыше, быть поверженным, униженным и т. п.' (*ЦСКА отдыхает (проиграл)*), (2) 'кто-л. не может состязаться в чем-л. с кем-л.' (*Немцы сняли «Достучаться до небес» (фильм) — Тарантино отдыхает!*) [Елистратов 2000: 303–304]. Именно второе значение глагола *отдыхать* представляется оценочным и заслуживает отдельного внимания.

Анализ материала

Следует отметить, что эта ОК включает в себе иронию, поскольку употребляется не с целью выделить действительное превосходство кого-то в сравнении с известными личностями, а с целью показать казус ситуаций, когда люди сравнивают себя или знакомых с великими мастерами своего дела, достигшими больших успехов в своей области.

В качестве N_1 в контекстах могут выступать различные единицы. Рассмотрим их классификацию. Существует ряд соответствующих контекстов, где позицию N_1 занимает *оним*¹; так, найдено большое количество примеров, где употребляются имена известных людей:

- 1) — *Пожалуйста, хотя бы сто пятьдесят! — Только для тебя, дорогая. Сто двадцать — последняя цена. Иван Семенович имел вид человека, разоренного вконец. — Станиславский отдыхает!* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда. 2006).

В контексте (1) глагол *отдыхает* употребляется в сравнительном значении: 'Станиславский не может состязаться в актерской игре с местным продавцом'. Сформулированное значение появляется как результат функционирования двухкомпонентной модели $P - N_1$ *отдыхает*, где N_1 — имя

¹ *Оним* — это имя собственное (слово, служащее индивидуальным обозначением лиц и животных, географических и астрономических объектов, учреждений, органов и т. п.) [Жеребило 2010: 234; 119].

собственное. В роли N_1 выступает фамилия. Конструкция используется для негативной, насмешливой характеристики: Иван Семенович скупает антикварные вещи за бесценок, обманывая продавцов, при этом, по мнению героини, «переигрывает», изображая свою бедность. Здесь используется очевидная ирония, т. к. актерская игра является притворством и обманом.

В контекст могут вводиться как русскоязычные, так и зарубежные фамилии:

- 2) *Долгострой за 12 миллиардов стал «аттракционом страха». «Спилберг отдыхает!»*, — очевидцы ЧП. По результатам технической экспертизы шатающегося нового моста через Волгу, открытого осенью прошлого года, может быть возбуждено уголовное дело (Видеосеанс с В. Кичиным // Известия. 07.09.2001).

Стивен Спилберг известен как режиссер высокобюджетных блокбастеров — фильмов ужасов и боевиков.

Шатающийся от волн мост в Волгограде, построенный за 12 миллиардов рублей и представляющий опасность для людей, сочетает в себе признак высокобюджетности и опасности для жизни людей, поэтому автор иронично вспоминает Спилберга.

- 3) *У буфета меня обгоняет роскошная блондинка в черном. Это местная кинозвезда с гонором. — Шэррон Стоун отдыхает*, — расплываюсь я в улыбке. — У тебя работы не найдется часом? После лета на нуле (Н. Щербак. Роман с филфаком. 2010).

Шэррон Стоун сыграла множество ролей и запомнилась как роскошная блондинка, вскружившая многим головы. Героиня делает «шикарной блондинке» шуточный комплимент, сравнивая ее с американской актрисой. Однако слово «гонор» в авторской речи показывает, что комплимент этот не стоит воспринимать всерьез.

Наряду с известными существующими людьми в позиции N_1 используются имена литературных героев:

- 4) *Семейка Адамс отдыхает!* (О. Новикова. Каждый убивал. 2012).

Сюжет комикса и фильма построен на «ненормальных» увлечениях семьи, члены которой демонстрируют сверхъестественные способности и искренне не понимают, что своим поведением и образом жизни вызывают у окружающих ужас и раздражение. Данная ОК предполагает сравнение двух субъектов, один из которых (P) превосходит другой (N_1) по определенным качествам.

- 5) *Мама, ты мое лицо не видела. Оно уродливое. Квазимодо отдыхает!* (Из личных записей автора // Симферополь, девушка 14–16 лет, 2019).

Квазимодо — горбатый и уродливый звонарь из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Именно на этом признаке строится сопоставление Р и N_1 в контексте (5).

В данной группе выделяем примеры употребления трехкомпонентной модели N_1 : *имя + отчество + фамилия*:

- 6) **Полиграф Полиграфович Шариков отдыхает.** Реальные фамилии москвичей дадут сто очков вперед булгаковской фантазии (В. Кудрикова. На десять Пугачевых один Лермонтов // Труд. 2007).

Полиграф Полиграфович Шариков — персонаж повести М. Булгакова «Собачье сердце», фамилия которого родилась из клички *Шарик*, а имя и отчество были придуманными. В контексте (6) принимается во внимание странность и необычность московских фамилий, которые диковиннее, чем фантазия М. Булгакова.

Далее можно отметить в качестве N_1 группу *писатель и его произведение, а также основная идея его произведения*, использующиеся в качестве цельного компонента:

- 7) **Послушайте, каково сказано! Человек должен быть хозяином своей страны! Талант, брат, большой талант, Кампанелла с его «Городом Солнца» отдыхает...** (Н. Дежнев. Принцип неопределенности. 2009).

Книга *Томмазо Кампанелла* — философская, в ней описывается идеальное и светлое общество, как его себе представлял автор. В данном контексте некий объект сопоставляется с писателем и его книгой и превосходит его своим талантом. Для усиления эффекта модель расширяется за счет конструкции с тв. п., уточняющей признак, по которому должно производиться сравнение.

- 8) **Польский предприниматель и филантроп построил дом вверх тормашками. Жюль Верн и его «Вверх дном» отдыхает!** Купив билет, вы сможете почувствовать себя бэтменом или человеком-пауком, прогулявшись по дому вверх тормашками (И. Козицкий // В Польше построен дом вверх тормашками. 2007).

В научно-фантастическом романе Ж. Верна «Вверх дном» описываются странные для обычной жизни вещи. Сам факт смещения орбиты Земли кажется удивительным, таким же, как и *дом вверх тормашками*. Подобные здания не распространены в современном мире, поэтому такое изобретение — нонсенс для публики, нечто оригинальное, фантастическое.

- 9) **Далее он стал расписывать мне адские мучения, которые меня ожидают. Данте со своими девятью кругами ада отдыхает** (А. Мешков, Ю. Снегирев. Как мы лечились от алкоголизма (Часть 3) // Комсомольская правда. 15.02.2007).

Модель N_1 расширяется за счет конструкции с главной идеей произведения — *со своими девятью кругами ада*, которая носит уточняющий характер и помогает раскрыть смысл контекста (9). Известно, что в девятом круге ада, по мнению Данте, находятся Иуда, Брут и Кассий. Наказание в девятом круге самое безжалостное. Все попавшие вмерзают в лед по шею и испытывают вечные муки холода.

Наконец, в письменных источниках можно наблюдать *расширенное за-полнение конструкции*, что дает основание выделить еще одну группу N_1 , ср.:

- 10) *Мало того, что допросы велись без всякого участия адвокатов, так еще и ни для кого не секрет, что американцы на протяжении всех четырех лет с момента задержания в Пакистане Халида Шейха Мохаммеда без зазрения совести пытали его. Да так, что прокурор сталинской эпохи Вышинский с его системой дознания просто отдыхает в сравнении с современными коллегами из США* (Узник Гуантанамо сознался в терактах 11 сентября // Комсомольская правда. 2007).

В контексте (10) расширение онима происходит за счет уточнения личности А. Я. Вышинского: *прокурор сталинской эпохи*. В модели не только расширен оним, но и добавлена предложная конструкция и оборот *в сравнении с...*, что позволяет полностью раскрыть суть контекста.

Оценочная конструкция $P - N_1$ *отдыхает* допускает использование в позиции N_1 не только личных имен, но и *топонимов*, ср.:

- 11) *А как они нас «возили» во втором матче в Торонто! Канада в Суперсерии-72 отдыхает! Может, по именам канадцы в 74-м и проигрывали сборной, собранной из звезд НХЛ, но по самоотверженности, подготовленности и дисциплине превосходили* (В. Третьяк // Советский спорт. 2020).

Особый интерес представляет метонимия. Модель N_1 в контексте (11) расширяется благодаря обстоятельству, которое указывает на одну из конкретных игр команды и представляет собой вместе с топонимом цельную единицу. В данном случае с использованием ОК передается оценка языковой ситуации и априори возбужденное эмоциональное состояние футбольного фаната.

Примечательно, что в позиции N_1 встретились и двухкомпонентные онимы с адъективными распространителями — см. пример (12):

- 12) *Йоханнесбург уже за пять часов до начала матча открытия парализовали многокилометровые пробки. Чтобы добраться до стадиона, у ваших корреспондентов ушло два с половиной часа — Москва со своим «часом пик» отдыхает!* (С. Пряхин, А. Лисин // Советский спорт. 2020).

Каждый день в Москву приезжает огромное количество туристов. Многие пользуются автомобилями, такси и другими видами транспорта, способными создавать пробки, которые увеличиваются в дни значимых мероприятий. Благодаря конструкции с тв. п., расширенная модель в позиции N_1 описывает всю сложность ситуации, возникшей перед матчем в Йоханнесбурге.

- 13) *Мистер Галлахер показывает мне дома Тони Блэра и Маргарет Тэтчер — нынешнего и прежнего премьеров, других знаменитых политиков, бизнесменов, актеров. Короче, даже Рублевка с ее запредельными ценами и снобизмом отдыхает!* (Рублевка отдыхает // Комсомольская правда. 2007).

В контексте примера, рассказывающем о жизни российских миллиардеров в Лондоне, наблюдаем расширение модели в позиции N_1 : во-первых, присоединяется частица *даже*, демонстрирующая превосходство объекта над топонимом *Рублевка*. Во-вторых, конструкция с тв. п. носит уточняющий характер, дополняющий важную информацию о признаке, по которому сравниваются объекты Р и N_1 .

Еще одним типом онимов, способных занимать позицию N_1 , являются *эргонимы*². Посмотрим примеры.

- 14) *Мои родители тут рыбу ловили еще с корейцами и японцами, — перекрикивая чаек, сипло рассказывает мне рыбак Александр Григорьевич. Ему 56 лет. Но в море нет равных — таскает тяжеленную сеть, зрение как у орла, чувство юмора — «Камеди клуб» отдыхает* (А. Рябцев. Далекие. Рыбные. Наши // Комсомольская правда. 2014).

Comedy Club — развлекательное, юмористическое шоу, собирающее на свои выступления огромную аудиторию. Публика ценит их программу за высокий уровень юмора, который лежит в основе ОК и является фактором сравнения.

- 15) *Как-то дала старшему сыну кассету с записью ансамбля «Казачий клуб» и говорю: «Послушай». А сама думаю: русский человек, если он не мертвый, сразу услышит здесь свое, родное. Вечером подходит, протягивает кассету и говорит: «Да, мама, Рамштайн отдыхает перед этими музыкантами* (А. Юдашкина, Л. Кононова. Исповедь сердца // Наука и религия. 2007).

Музыкальный стиль «*Rammstein*» очень своеобразен. Группа исполняет тяжелый рок и известна своим скандальным поведением. В контексте (15)

² *Эргоним* — разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [Подольская 1978: 40].

оним используется как антипод объекта, с которым сравнивается. «Казачий хор» и «Rammstein» — абсолютно противоположные исполнители. Использование данной конструкции можно объяснить желанием возвысить значение русской музыки.

- 16) *Нынче ключевая роль отводилась костюмам. Не купальникам, а именно костюмам. — Диснейленд отдыхает! — восклицали мы, накладывая в гримерке последние штрихи на неузнаваемые лица* (А. Насекина. Точней отдай. На клюшку, мисс! // Советский спорт. 30.12.2009).

В *Диснейленде* можно найти все: от прогулок в замке Спящей красавицы до приключений пиратов Карибского моря. Сотни персонажей, разгуливающих по всей территории, привлекают внимание своими костюмами, необычным обликом. Используя данный топоним, говорящий сосредотачивает внимание именно на маскарадной составляющей *Диснейленда*, которая меркнет на фоне костюмов и грима в контексте (16).

Модель N_1 в рамках этой конструкции подвергается вариациям и во многих случаях предполагает расширение благодаря не только использованию разных типов онимов, но и употреблению нарицательных имен, ср.:

- 17) *Репетиция, как праздновать гол, даром не прошла. Публика на хвале- ном «Миллениуме» отдыхает! Шум в зале не утихает до перерыва* (В. Домрачев. Мы еще встретимся! // Советский спорт. 11.09.2009).

Ярославский Концертно-зрелищный центр «Миллениум» — место большого скопления людей, где проходят крупные мероприятия, а благодарная публика всегда рада выразить признательность участникам за выступления. В позиции N_1 используется не просто одиночное нарицательное имя, оно расширяется и уточняется благодаря предложной конструкции. Таким образом можно понять, с чем сопоставлять шум в зале, празднование и пережитые эмоции в данной ситуации.

- 18) *Чего только не обещает — от снятия порчи, поиска пропавшего по фотографии до исцеления от рака экстрактами мухомора. Официальная медицина тут просто отдыхает* (Е. Владимирова. Нашли управу на Айболита Мухоморыча // Труд-7. 06.12.2006).

В контексте (18) наблюдается расширение модели N_1 : <прилагательное + апеллятив + наречие + частица>. Такая конструкция уточняет, о какой именно медицине идет речь. Частица *просто* усиливает иронический характер высказывания.

В моделях с употреблением в качестве N_1 апеллятивов, как и в прецедентных именах, наблюдается эксплицитное и имплицитное сравнение. В большинстве случаев сопоставление в языковой ситуации скрытое

и легко узнаваемое в контекстах, но встречаются случаи, когда в модель включаются сравнительные обороты:

- 19) *После просмотра он вышел взволнованный, со слезами на глазах. Через два дня я получил список и обомлел. Потому что **редактура и цензура Госкино отдыхает по сравнению с этой запиской*** (Т. Зимняя. Кевин Костнер чуть не расплакался, посмотрев фильм Михалкова // Комсомольская правда. 28.06.2013).

Расширение модели происходит за счет конструкции *по сравнению с...* и уточнения того предмета, с которым происходит сопоставление, а также употребления сразу двух нарицательных имен: *цензура* и *редактура*.

Выводы

Носитель языка — это творец, который занимается порождением необычных образований в языке, в результате чего появляются слова и выражения, приобретающие устойчивый характер. Многие из них входят в повседневную жизнь людей и закрепляются в активном словарном составе языка. Вычлняя различные признаки и функции оценочной конструкции, мы пытались проиллюстрировать сложность всех вариаций и значений, наполняющих устойчивую модель. Материал исследования может быть полезен для лексикографической практики. Важно учитывать подобные значения при составлении словарей новых номинаций, а также в области фразеологии и перевода. Появление значений, не закреплённых в нормативных словарях, может вызвать когнитивный диссонанс у представителей других стран, не знающих особенностей употребления той или иной единицы. Изучение неоминаций в практике русского языка как иностранного способствует корректному употреблению их в языке, пополнению словарного состава русского языка и развитию языковой культуры. Подобные явления требуют систематического, детального анализа в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах, поэтому данная работа выступает опорой для дальнейшего развития темы и является малой частью возможных исследований в области лингвистики креатива.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.

- Баранов А. Н., Плуныян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 208 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Цуй Лили. Грамматическая специфика повседневной русской речи: на стыке конструкции и коллокации // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. О. И. Глазуновой и К. А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 466–475.
- Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография. СПб.: Нестор-История, 2021. 528 с. (в печати).
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 2: И–О. СПб.; М.: Тов-во М. О. Вольф, 1905. 2030 стб.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
- Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16), 2010. С. 136–143.
- Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006» / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: РГГУ, 2006. С. 202–206.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
- Копотев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 170 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К – О. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 860 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–81.
- Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: Астрель, Аст, 2001. 894 с.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.
- Хорошавина А. Г. Фразеомодель *не + пп, чтобы* с точки зрения теории речевого воздействия // Сопоставительная филология и полилингвизм. Сб. научных трудов / Под общ. ред. А. Аминовой и Н. А. Андромоновой. Казань: Казанский гос. ун-т, 2003. С. 187–190.
- Шереметьева Е. С. (ред.). Служебные слова в лексикографическом аспекте: монография. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 377 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/47147468-Sluzhebnye-slova-v-leksikograficheskom-aspekte.html> (дата обращения: 01.06.2021).
- Fillmore Ch. J., Kay P. Grammatical construction and linguistic generalization: The what's X doing Y construction // *Language*, vol. 75, 1988, pp. 1–33.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomatcity in grammatical constructions: The case of let alone // *Language*, vol. 64, no. 3, 1988, pp. 501–538.
- Firth J. R. A synopsis of linguistic theory. 1930–1955, pp. 1–32.
- Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press. 1995. 265 p.
- Gries S. Th., Stefanowitsch A. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'Alternations' // *International Journal of Corpus Linguistics*, no. 9 (1), 2004, pp. 97–129.
- Stefanowitsch A., Gries S. Th. Collocations: investigating the interaction between words and constructions // *International Journal of Corpus Linguistics*, no. 8 (2), 2003, pp. 209–243.
- Stefanowitsch A., Gries S. Th. Covarying collexemes // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, no. 1 (1), 2005, pp. 1–43.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic terms]. Moscow. Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1969. 607 p.
- Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow. Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995. 472 p.
- Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow. Pomovskii I Partnery Publ., 1993. 208 p.
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Tsui Lili. [Grammatical specificity of everyday Russian speech: at the junction of construction and collocation]. *Russkaya grammatika: strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya (pod red. O. I. Glazunovoi, K. A. Rogovoi)* [Russian grammar: the structural organization of the language and the processes of language functioning (O. I. Glazunova, K. A. Rogova eds.)]. Moscow, LENAND Publ., 2019, pp. 466–475. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglaryan N. V. (ed.) *Pragmaticcheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: Slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. 2021. 403 p. In print.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t. 3-e izd., ispr. I znach. dop., izd. pod red. [i s predisl.] prof. I. A. Boduena-de-Kurtene, t. 2: I – O* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vols. 3rd ed. rev. and add. [and with a foreword] prof. I. A. Baudouin-de-Courtenay ed., vol. 2: I – O]. St. Petersburg, Moscow, Tov-vo M. O. Vol'f, 1905. 2030 stb.
- Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyi v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word building in 2 vols.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. 1209 p.
- Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo. Materialy 1980–1990 gg.* [Dictionary of the Russian slang (materials of 1980–1990)]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2000. 694 p.
- Fillmore Ch. J.; Kay P. Grammatical construction and linguistic generalization: the what's X doing Y construction. *Language*, Vol. 75, 1988, pp. 1–33.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomatcity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*, vol. 64, no. 3, 1988, pp. 501–538.
- Firth J. R. A synopsis of linguistic theory. 1930–1955, pp. 1–32.
- Goldberg A. E. *Constructions: a construction grammar approach to argument structure*. Chicago, University of Chicago Press, 1995. 265 p.
- Gries S. Th., Stefanowitsch A. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'Alternations' // *International Journal of Corpus Linguistics*, no. 9 (1), 2004, pp. 97–129.
- Iomdin L. L. [Polysemous syntactic idioms: between the vocabulary and the syntax]. *Kom-p'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferencii "Dialog-2006" / Pod red. N. I. Laufer, A. S. Narin'yan, V. P. Selegeya*. Moscow, RGGU Publ., 2006, pp. 202–206. (In Russ.)
- Iordanskaya L. H., Melchuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and compatibility in the dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 672 p.
- Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [The big dictionary of the Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 708 p.
- Khoroshavina A. G. *Frazeomodel' ne + nn, chtoby s tochki zreniya teorii rechevogo vozdeistviya* [Phrase model *ne + nn, chtoby* from the point of view of the theory of speech influence]. *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm. Sb. nauchnykh trudov / Pod obshch. red. A. Aminovoi i N. A. Andramonovoi*. Kazan', Kazanskii Gos. Un-t, 2003, pp. 187–190. (In Russ.)
- Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [The exception as a rule: transitional units in the grammar and the dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2016. 170 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi, vyp. 2. K – O* [An explanatory dictionary of the Russian oral speech, issue 2: K – O]. Moscow. Izd. Dom YASK Publ., 2017. 860 p.

- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*, 4-e izd. i dop [Dictionary of the Russian language, 4th ed., rev. and add.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
- Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [The dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 198 p.
- Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. [Construction grammar: Theory, followers, similar ideas]. *Lingvistika konstrukcii / Otv. red. E. V. Rakhilina*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 18–81. (In Russ.)
- Sheremet'eva E. S. (ed.). *Sluzhebnyye slova v leksikograficheskom aspekte: monografiya* [Auxiliary words in the lexicographic aspect: monograph]. Vladivostok: Dal'nevost. Federal. Un-t, 2017. 377 p. Available at: <https://docplayer.ru/47147468-Sluzhebnye-slova-v-leksikograficheskom-aspekte.html> (accessed 01.06.2021).
- Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the late 20th century: language changes]. Moscow, Astrel' Publ., Ast, 2001. 894 p.
- Stefanowitsch A., Gries S. Th. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*, no. 8 (2), 2003, pp. 209–243.
- Stefanowitsch A., Gries S. Th. Covarying collexemes. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, no. 1 (1), 2005, pp. 1–43.
- Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.
- Zakharov V. P., Khokhlova M. V. [Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"*. Vyp. 9 (16), 2010, pp. 136–143. (In Russ.)
- Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov, izd. 5-e, ispr. I dop.* [Dictionary of linguistic terms, 5th ed. rev. and add.]. Nazran, OOO "Pilgrim" Publ., 2010. 486 p.

К вопросу о месте ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени

Екатерина Сергеевна Скачедубова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), skaekaterina@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170016213-3

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена акцентуации полных и кратких форм страдательных причастий прошедшего времени, образованных с помощью суффикса *-т-* от глагольных основ *бы-*, *ви-*, *жи-*, *ли-*, *пи-*, *-я-* (*-ня-*) с различными приставками (*завитый*, *развитый*, *обвитый*; *занятый*, *принятый*; *запитый*, *отпитый* и тому подобные формы). В полной форме страдательных причастий, образованных от рассматриваемых глаголов, а также в краткой форме ед. ч. м. р. и ср. р. и мн. ч. ударение может падать на приставку или на корень: *до́питый* и *допíтый*, *до́пит* и *допíт*, *обжи́тый* и *обжítый*, *обжи́т* и *обжít*. Современные орфоэпические словари фиксируют эту акцентную вариативность, но, во-первых, в различных изданиях нет единообразия кодификации, а во-вторых, зачастую рекомендации расходятся с узусом. На основе данных, полученных в серии экспериментов, в анализируемых формах выявляются основные закономерности постановки ударения, результаты эксперимента сопоставляются с кодифицированными вариантами ударения и поднимается вопрос о необходимости пересмотра норм в орфоэпических источниках. Кроме того, в статье поднимается вопрос о статусе в современном русском литературном языке форм с ударным окончанием *-бй*: *нали́бй*, *зави́бй*, *обжи́бй*, — а также вероятности употребления в речи кратких форм причастий среднего рода единственного числа и множественного числа с ударным окончанием типа *вли́тб*, *сня́тб*, *зави́тб* и подобных форм, которые фиксируются орфоэпическими словарями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страдательные причастия прошедшего времени, акцентуация, современный русский литературный язык, ударение, орфоэпический словарь

для цитирования: Скачедубова Е. С. К вопросу о месте ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени // Русская речь. 2021. № 4. С. 33–44. DOI: 10.31857/S013161170016213-3.

Issues of Modern Russian Language

Place of Stress in the Forms of the Passive Participles of the Past Tense

Ekaterina S. Skachedubova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Moscow, Russia), skaekaterina@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the accentuation of full and short forms of passive past participles, formed with the suffix *-t-* from the verb stems *by-*, *vi-*, *zh-*, *li-*, *pi-*, *-ya-* (*nya-*) with various prefixes (*zavitiy*, *razvitiy*, *obvitiy*, *zaniyatiy*, *prinyatiy*, *zapitiy*, *otpitiy* and similar forms). In the full form of the passive participles formed from the verbs under consideration, as well as in the short form singular (masculine and neuter) and plural forms the stress can fall either on the prefix or on the root: *dopitiy* — *dopitiy*, *dopit* — *dopit*, *obzhitiy* — *obzhitiy*, *obzhit* — *obzhit*. Modern orthoepic dictionaries record this accentual variability, but, firstly, there is no uniformity of codification in different editions, and secondly, the recommendations are often at odds with the usus. On the basis of the data obtained in a series of experiments in the analyzed forms, the article reveals the main patterns of stressing and compares the results of the experiment with codified variants of stress, and raises the question of the need to revise the norms in orthoepic source. In addition, the article raises the question of the status in the modern Russian literary language of forms with a stressed ending *-oy*: *nalitoy*, *zavitoy*, *obzhitoy*, as well as the likelihood of using short forms of the neuter singular

and plural participles with a stressed ending such as *nalito, zavito, obzhito* and similar forms, which are recorded by orthoepic dictionaries.

KEYWORDS: past passive participles, accentology, Modern Standard Russian, accent, orthoepic dictionary

FOR CITATION: Skachedubova E. S. Place of Stress in the Forms of the Passive Participles of the Past Tense. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 4. Pp. 33–44. DOI: 10.31857/S013161170016213-3.

0. Страдательные причастия прошедшего времени, образованные с помощью суффикса *-т-* от глагольных основ *бы-, ви-, жи-, ли-, пи-, -я- (-ня-)* с различными приставками (*завитый, развитый, обвитый; занятый, принятый* и т. п.), отличаются особыми явлениями в области ударения. И хотя об акцентологических вариантах полных и кратких страдательных причастий, существующих в современном разговорном языке носителей русского литературного языка, лингвисты писали не раз [Шапиро 1948: 101–129; Зданевич 1959; Суханова 1980: 693–702], вопросов остается довольно много. Во-первых, до конца не ясен статус форм с ударным окончанием *-ой: налитой, завитой, обжитой* и т. п. Это причастия или прилагательные? Во-вторых, орфоэпические словари от некоторых из указанных глаголов приводят краткие формы причастий ср. р. ед. ч. и мн. ч. с запретительными пометами, причем набор этих форм во всех словарях различается: *влитó, сняты́, завиты́* и т. п. Каков статус этих форм? Употребляются ли они в современной речи? И наконец, в полной форме страдательных причастий, образованных от рассматриваемых глаголов, а также в краткой форме ед. ч. м. р. и ср. р. и мн. ч. ударение может падать на приставку или на корень: *допитый* и *допíтый*, *допит* и *допít*, *обжитый* и *обжítый*, *обжит* и *обжít* и т. д. Современные орфоэпические словари¹ фиксируют эту акцентную вариативность, но, во-первых, в различных изданиях нет единообразия кодификации, а во-вторых, зачастую рекомендации расходятся с узусом. Каково соотношение этих форм и можно ли выделить дальнейшую тенденцию развития их произношения?

Чтобы ответить на вышеперечисленные вопросы и определить основные закономерности постановки ударения в полных и кратких формах страдательных причастий, образованных от указанных глаголов и их

¹ Здесь и далее анализ проводился по орфоэпическим словарям: [Аванесов (ред.) 1999], [Касаткин (ред.) 2017], [Резниченко 2015].

префиксальных производных, была проведена серия экспериментов, в которой участвовали респонденты обоих полов, москвичи минимум во втором-третьем поколении, носители литературной нормы русского языка, имеющие высшее образование. Они были распределены на три возрастные группы: младшая — до 29 лет, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше (по 10 информантов в каждой). Респонденты читали тексты, которые содержали причастные формы, имеющие в разговорной речи варианты ударения.

1. В данном разделе рассматривается возможность произнесения с ударным окончанием кратких форм ед. ч. ср. р. и мн. ч.² тех страдательных причастий, которые ранее имели в русском литературном языке дублетные формы: с безударным окончанием *-ый* и ударным окончанием *-ой* (*ви́тый / витой, нали́тый / налитой* и др.). В первой части материал рассматривается в исторической перспективе, во второй анализируются данные проведенного эксперимента.

1.1. Современные словари русского литературного языка выделяют небольшую группу прилагательных, образованных от причастий с помощью суффикса *-т-*, с ударением на окончании: *витой, завитой, развитой, извитой* (разг.); *нажитой, обжитой; литой, влитой, налитой; занятый, понятый, снятый; пропитой, испитой, спитой*³. Однако в русской литературе XIX–XX вв. достаточно примеров, где многие из этих слов функционируют также как причастия. Примеры таких употреблений встречаются у русских поэтов: *Пускай от сердца, полного тоской // И желчью тайных тщетных сожалений, // Подобно чаше, ядом налитой, Следов не остается...* (М. Ю. Лермонтов, 1839); *Пою дремучий огород, // Укроп и сельдерей, // И завитой бобами вход, // И ноготки-плебеи...* (Саша Черный, 1924); *Лес, белым светом залитой* (И. А. Бунин, 1900); *Да чтоб тот внучонок // С меня был снятой* (М. И. Цветаева, 1920). Единичные примеры можно найти и в прозе, причем как в литературе XIX в., так и в современной: «*капиталец, нажитой и сбереженный им*» (А. Ф. Писемский, 1861), «*витой золотыми нитями аксельбант*» (С. Г. Бабаян, 1994); «*попяtilась в обжитой божьими углом*» (А. М. Терехов, 1997).

В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков (ред.) 1935–1940], отражающем нормы литературного языка первой трети XX в., слова *ввитой, извитой, обвитой; нажитой, обжитой; налитой, облитой, политой, пролитой; пропитой* даются как причастия, наряду с формами с безударным

² Особенности ударения в кратких формах причастий ед. ч. ж. р. объясняются иными причинами, чем особенности ударения в формах ед. ч. ср. р. и мн. ч.; подробнее см. в [Скачедубова 2021: 178–191].

³ В русской литературе XIX в. встречается также прилагательное *забытой*: «...*Сужденья черпают из забытых газет...*» (А. С. Грибоедов, 1824); «*Сотворить молитву забытую* хочет...» (Л. А. Мей, 1850–1856).

окончанием *-ый*: *вв́тый*, *изв́тый* и т. п. А слова *завитой* и *залитой* автор уже тогда считал прилагательными, несмотря на существование литературных примеров (см. выше), где они функционируют как причастия.

Позднее А. Б. Шапиро также отмечал, что в полных формах страдательных причастий ударение изредка может падать на окончание, которое «в таких случаях звучит как *-ой* (*прожитой*)» [Шапиро 1948: 101].

Все это свидетельствует о том, что вышеперечисленные слова ранее функционировали как причастия, наряду с формами с безударным окончанием. В дальнейшем эти причастия с ударным окончанием *-ой* прошли процесс адъективизации, т. е. перешли в прилагательные. В. В. Колесов отмечает, что архаическое ударение на флексии закрепляется за прилагательным [Колесов 2010: 111].

Встречающиеся в русской поэзии XIX–XX вв. краткие формы ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании, по всей видимости, образованы именно от причастий с ударной флексией: *влиты́*, *налитó*, *залитó*, *завиты́*, *привиты́*, *взяты́*, *наняты́*, *сняты́* и т. д. Приведем некоторые примеры: *Я и забыл: день святочный был то. // Зажгли огни; мы с Варенькой сидели; // Большое блюдо было **налитó**...* (А. А. Фет, 1842); *Что огнем сожжено и свинцом **залитó** — // Того разорвать не посмеет никто!* (А. А. Блок, 1906); *Сплетались травы, // И медленно пели и млели цветы, // Дыханьем отравы // Зеленой, осенней светло **залиты́*** (Н. С. Гумилев, 1905); *Нити длинные, свивавшиеся // От Ивана Калиты́, // В тьме столетий затерявшиеся // Были в узел **завиты́*** (В. Я. Брюсов, 1920); *...Бессмысленно казалось чувство то, // Чтоб жить преданьями и призывать обратно, // Что в свой черед, как должно, **прожитó*** (Н. Ф. Щербина, 1848); *Все абрисы казались сходны; // Лица размеры и черты // Как будто с зеркала **сняты́**...* (В. А. Жуковский, 1815).

В настоящее время орфоэпические словари такие формы дают с запретительной пометой или вовсе не упоминают об их существовании. Орфоэпический словарь [Аванесов (ред.) 1999] фиксирует от префиксальных производных глаголов *вить*, *лечь*, а также глаголов *занять* и *снять* с флексивным ударением только формы мн. ч., которые даются с запретительной пометой *завиты́*, *развиты́*, *залиты́*, *сняты́* и т. д.; форма ср. р. упоминается только от глагола *снять*: неправ. *снятó*. «Большой орфоэпический словарь» [Касаткин (ред.) 2017] формы мн. ч. от некоторых глаголов запрещает: *завиты́*, *развиты́*, *заняты́*; от некоторых не рекомендует: *влиты́*; от некоторых допускает: *извиты́*, а иногда такие формы вовсе не упоминаются, например от глаголов *пролить*, *налить*, *полить*. Зато в этом словаре дважды упоминается форма ср. р.: *извитó* с пометой *неправ.* и *влитó* с пометой *не рек.* Словарь И. Л. Резниченко [Резниченко 2015], приводя единичные примеры подобных форм (*разлиты́*, *залитó*), указывает, что такое произношение является отступлением от литературной нормы.

1.2. Проведенный эксперимент показал, что в современном узусе краткие формы страдательных причастий ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании встречаются крайне редко. В каждой возрастной группе отмечены единичные произнесения таких словоформ: *излиты* (мл.)⁴, *налитб* (ст.), *привиты* (ср.). Словоформу *завиты* с ударением на окончании произнесли 10 % респондентов в каждой возрастной группе.

Такое произношение может свидетельствовать о том, что ранее в языке существовали параллельно две формы причастий: с ударением на основе и на окончании, — и каждая из этих форм образовывала краткие формы, соответственно с ударением на основе или на окончании: *изв́итый*, *изв́ит*, *изв́ито*, *изв́иты* и *извитб́й*, *изв́ит*, *извитб́*, *извиты́*. Впоследствии причастия с ударным окончанием или были вытеснены формами с ударной основой, или прошли процесс адъективизации. Сохранение произнесения форм кратких причастий ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударным окончанием подтверждает существование ранее полной формы причастия с ударным окончанием *-б́й*.

2. В данном разделе рассматривается возможность произнесения с ударением на приставке или на корне полных форм страдательных причастий и кратких форм ед. ч. м. р. и ср. р. и мн. ч.: *дб́птый* и *доп́тый*, *дб́пит* и *доп́ит*, *дб́пито* и *доп́ито*, *дб́питы* и *доп́иты*; *обж́птый* и *обж́птый*, *обж́пит* и *обж́ит*, *обж́пито* и *обж́ито*, *обж́питы* и *обж́иты* и т. д. Как и в предыдущем разделе, обратимся сначала к фактам истории акцентуации анализируемых форм, необходимым для понимания современных тенденций в ударении, затем — к результатам проведенного эксперимента.

2.1. Работы, посвященные изучению памятников старорусского языка, свидетельствуют, что уже в XVI–XVII вв. в кратких формах страдательных причастий в живом русском языке имелись диалектные акцентные различия [Зализняк 2010: 188–198; Колесов 2010: 107–112].

По данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ, ruscorpora.ru], вариативность в постановке ударения в формах причастий с ударением на основе существовала как минимум с XVIII–XIX вв. Приведем некоторые примеры: *Нáлит* кубок: «*Будьте здоровы...*» (П. А. Катенин, 1814); *Уж нал́ит*. *Шнуровку отпусти вольнее...* (А. С. Грибоедов, 1824); *А другой уже был стар, // Помогал ему тот опыт, // Что в сраженьях частых дб́быт...* (Н. А. Некрасов, 1840); *За что ж прелестницу злословью // Ты предаешь, о злобный свет? // Добы́т* трудом и куплен кровью // Венок нелегких ей побед (В. Г. Бенедиктов, 1842); *Прыгнет тень и в травы ляжет, // Новый будет ужас на́жит...* (И. Ф. Анненский, 1880); *И живут хоть домком, да на́жит он трудом, // А не так... но зачем пояснять!* (К. А. Бахтурин, 1838); *...Но мне твой*

⁴ В дальнейшем описании рядом с цифрой, указывающей процент произнесений, будут приняты сокращения: старшая возрастная группа — ст., средняя — ср., младшая — мл.

ус красноречивый, // Возвращенный, **завитый** в полях // И дымом брани окуренный... (П. А. Вяземский, 1814); А она, лахудрица, только знает — пудрится да сует **завитый** локон под начальственное око (В. В. Маяковский, 1927).

Современные орфоэпические словари также фиксируют акцентную вариативность в этих формах. Так, в причастиях, образованных от глаголов с корнем *ви-* с различными приставками, ударение в основном зафиксировано на корне: *изв́итый, прив́итый, ув́итый* и т. д. Только в формах от глагола *развить* в значении 'углубить содержание чего-л.' признаются равноправными оба варианта. А при полной форме *завитый* даются равноправные варианты произнесения краткой формы: *завит* и *завít*, хотя *завитый* не рекомендуется.

Полную форму причастий от глагола *добыть* [Аванесов (ред.) 1999] рекомендует произносить с ударением на корне, произнесение *дб́битый* допускается. Для краткой формы рекомендации носят противоположный характер: *дб́бит* и допуст. *дб́йт*. «Большой орфоэпический словарь» [Касаткин (ред.) 2017] дополнительно указывает, что *дб́битый* устарелое, а *дб́йт* младш. Между тем, данные проведенного эксперимента говорят о том, что краткая и полная форма причастий имеют одинаковую акцентуацию.

В причастиях от производных глагола *жить* с приставками *до-, на-, про-* нормативным признается вариант с ударением на приставке, а допустимым — с ударением на корне; с приставками *об-, от-, пере-* рекомендуются оба варианта. В причастии *изж́итый* ударение только на корне.

В причастиях от производных глагола *лить* с приставками *за-, на-, по-, про-*, обладающими способностью притягивать ударение (т. е. акцентогенными), основным признается вариант с ударением на приставке, а на корне допускается; с приставками *до-, об-, от-* рекомендуются оба варианта. В формах *перел́итый, подл́итый, разл́итый, изл́итый* ударение возможно только на корне.

Причастия с элементом *-я- (-ня-)* словари рекомендуют произносить всегда с ударением на приставке, кроме форм *уня́тый* и *разня́тый*.

В формах, образованных от глаголов с корнем *пи-*, нормативными признаются оба варианта, за исключением причастий *зап́итый, исп́итый* и *расп́итый* с исключительно накоренным ударением.

2.2. Анализ данных, полученных в ходе эксперимента, показал четко проявляющуюся тенденцию к переходу ударения в описываемых формах с префикса на корень.

Причастия с корнями *бы-* и *ви-*. Формы полных страдательных причастий и формы кратких страдательных причастий ед. ч. м. р. и ср. р. и мн. ч., образованных от глаголов с корнями *бы-* и *ви-*, 90–100 % респондентов всех возрастных групп произносят с ударением на корне.

Табл. 1. Произнесение причастий с корнями *бы-* и *ви-*
Fig. 1. Pronunciation of participles with roots *-by-* and *-vi-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>дóбый</i>	---	---	---	<i>дóбый</i>	100 %	100 %	100 %
<i>дóбит</i>	---	10 %	10 %	<i>дóбит</i>	100 %	90 %	90 %
<i>дóбиты</i>	---	---	---	<i>дóбиты</i>	100 %	100 %	100 %
<i>зáвий</i>	---	---	---	<i>зáвий</i>	100 %	100 %	100 %
<i>зáвит</i>	10 %	---	---	<i>зáвит</i>	90 %	100 %	100 %
<i>зáвиты</i> ⁵	20 %	10 %	10 %	<i>зáвиты</i>	70 %	80 %	80 %

Исключением являются причастия от глагола *развить* в значении ‘*постепенно совершенствуя, довести до высокого уровня, сделать сильнее, крепче*’, в которых ударение с высокой степенью вероятности падает на приставку: *не по годам рáзвитый мальчик; рынок в стране рáзвит*. По всей видимости, здесь мы можем наблюдать лексикализацию формы.

Причастия с корнем *пи-*. В причастиях с корнем *пи-* ударение в подавляющем большинстве случаев падает на корень.

Табл. 2. Произнесение причастий с корнем *пи-*
Fig. 2. Pronunciation of participles with the root *-pi-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>дóпитый</i>	---	10 %	20 %	<i>дóпитый</i>	100 %	90 %	80 %
<i>дóпиты</i>	40 %	30 %	30 %	<i>дóпиты</i>	60 %	70 %	70 %
<i>от́питый</i>	10 %	---	10 %	<i>от́питый</i>	90 %	100 %	90 %
<i>от́пит</i>	10 %	15 %	10 %	<i>от́пит</i>	90 %	85 %	90 %
<i>от́пито</i>	10 %	25 %	20 %	<i>от́пито</i>	90 %	75 %	80 %
<i>пóпитый</i>	---	10 %	10 %	<i>пóпитый</i>	100 %	90 %	90 %
<i>пóпит</i>	10 %	10 %	10 %	<i>пóпит</i>	90 %	90 %	90 %
<i>пóпито</i>	40 %	30 %	40 %	<i>пóпито</i>	60 %	70 %	60 %

Исключением являются причастия с приставкой *про-*, в которых процент произнесений с ударением на приставке достигает до 60 %: *прóпитый*.

Причастия с корнем *ли-*. У причастий, образованных от глаголов с корнем *ли-*, у всех возрастных групп четко прослеживается тенденция к увеличению количества произнесений с ударением на корне, причем даже с теми приставками, с которыми ранее такой вариант произношения лишь допускался.

⁵ Более низкий процент произнесений с ударением на корне в этой форме объясняется, возможно, наличием небольшого процента произнесений с ударением на окончании (см. выше).

Табл. 3. Произнесение причастий с корнем *ли-* и приставками *за-*, *на-*, *по-*
Fig. 3. Pronunciation participles with the root *-li-* and the prefixes *za-*, *na-*, *po-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>за́литый</i>	80 %	70 %	50 %	<i>за́литый</i>	20 %	30 %	50 %
<i>за́лит</i>	50 %	15 %	20 %	<i>за́лит</i>	50 %	85 %	80 %
<i>за́литы</i>	60 %	50 %	40 %	<i>за́литы</i>	40 %	50 %	60 %
<i>на́литый</i>	60 %	40 %	40 %	<i>на́литый</i>	40 %	60 %	60 %
<i>на́лит</i>	20 %	50 %	50 %	<i>на́лит</i>	80 %	50 %	50 %
<i>на́лито</i>	50 %	15 %	50 %	<i>на́лито</i>	40 % ⁶	85 %	50 %
<i>по́литый</i>	40 %	25 %	20 %	<i>по́литый</i>	60 %	75 %	80 %
<i>по́лит</i>	10 %	15 %	20 %	<i>по́лит</i>	90 %	85 %	80 %
<i>по́литы</i>	50 %	10 %	30 %	<i>по́литы</i>	50 %	90 %	70 %

Дольше остальных приставок удерживает ударение приставка *про-*.

Табл. 4. Произнесение причастий с корнем *ли-* и приставкой *про-*
Fig. 4. Pronunciation participles with the root *-li-* and the prefixes *pro-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>про́литый</i>	60 %	75 %	80 %	<i>про́литый</i>	40 %	25 %	20 %
<i>про́лит</i>	80 %	40 %	60 %	<i>про́лит</i>	20 %	60 %	40 %
<i>про́лито</i>	60 %	60 %	60 %	<i>про́лито</i>	40 %	40 %	40 %

Причастия с корнем *жи-*. В причастиях от производных глагола *жить* с приставкой *об-* ударение в 90–100 % случаев падает на корень. Формы с приставкой *от-* сохраняют ударение на приставке максимально всего в 30 % случаев, а с приставкой *пере-* — в 20 %.

Табл. 5. Произнесение причастий с корнем *жи-* и приставками *об-*, *от-*, *пере-*
Fig. 5. Pronunciation participles with the root *-ji-* and the prefixes *ob-*, *ot-*, *pere-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>обж́итый</i>	10 %	---	---	<i>обж́итый</i>	90 %	100 %	100 %
<i>обж́ит</i>	---	---	10 %	<i>обж́ит</i>	100 %	100 %	90 %
<i>обж́ито</i>	---	---	---	<i>обж́ито</i>	100 %	100 %	100 %
<i>отж́итый</i>	10 %	---	---	<i>отж́итый</i>	90 %	100 %	100 %
<i>отж́ит</i>	30 %	15 %	30 %	<i>отж́ит</i>	70 %	85 %	70 %
<i>переж́итый</i>	---	10 %	---	<i>переж́итый</i>	100 %	90 %	100 %
<i>переж́ит</i>	10 %	---	20 %	<i>переж́ит</i>	90 %	100 %	80 %
<i>переж́ито</i>	---	10 %	---	<i>переж́ито</i>	100 %	90 %	100 %

⁶ 10 % представителей старшей группы произнесли эту форму с ударением на окончании (см. выше).

В формах же с приставками *до-*, *на-*, *про-* вариант с ударением на приставке, по данным эксперимента, продолжает оставаться основным, как и указывают словари.

Табл. 6. Произнесение причастий с корнем *жи-* и приставками *до-*, *на-*, *про-*
Fig. 6. Pronunciation of participles with the root *-ji-* and prefixes *do-*, *na-*, *pro-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>до́житый</i>	40 %	30 %	60 %	<i>дожѐтый</i>	60 %	70 %	40 %
<i>до́жит</i>	50 %	50 %	80 %	<i>дожѐт</i>	50 %	50 %	20 %
<i>до́жито</i>	40 %	60 %	80 %	<i>дожѐто</i>	60 %	40 %	20 %
<i>на́житый</i>	60 %	75 %	90 %	<i>нажѐтый</i>	40 %	25 %	10 %
<i>на́житы</i>	80 %	90 %	100 %	<i>нажѐты</i>	20 %	10 %	---
<i>про́житый</i>	40 %	85 %	100 %	<i>прожѐтый</i>	60 %	15 %	0 %
<i>про́житы</i>	80 %	100 %	100 %	<i>прожѐты</i>	20 %	---	---

Как видно из табл. 6, процент произнесений с ударением на приставке у младшей группы выше, чем у старшей и средней.

Причастия с элементом *-я-* (*-ня-*). Причастия с элементом *-я-* (*-ня-*) в речи литературно говорящих респондентов сохраняют ударение на приставке: *за́нятый*, *на́нятый*, *об́нятый*, *от́нятый*. Исключение составляет форма с приставкой *пере-*.

Табл. 7. Произнесение причастий с элементом *-я-* (*-ня-*) и приставкой *пере-*
Fig. 7. Pronunciation of the participles with the element *-ya-* (*-nya-*) and the prefix *pere-*

	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.		Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
<i>пе́ренятый</i>	40 %	40 %	70 %	<i>перенѐтый</i>	60 %	30 %	30 %
<i>пе́реняты</i>	50 %	30 %	70 %	<i>перенѐты</i>	50 %	70 %	30 %

3. Итак, исследование показало, что, во-первых, краткие формы причастий ср. р. ед. ч. и мн. ч. с ударным окончанием типа *влитѐ*, *снятѐ*, *завитѐ* являются формами ушедших причастий с ударным окончанием *-ѐй* (*влитѐй*, *снятѐй*, *завитѐй*). Во-вторых, итоги эксперимента дают возможность констатировать практически их полную утрату в языке, в связи с чем встает вопрос о целесообразности внесения в орфоэпические словари запретительных помет для этих форм. В-третьих, как в полных формах причастий, так и в кратких формах м. р. и ср. р. ед. ч. и мн. ч. из двух других возможных вариантов места ударения — префикс или корень — последний все чаще оказывается ударным, хотя акцентогенные приставки продолжают удерживать ударение.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].
URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.03.2020).

Литература

- Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. М. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М.: Русский язык, 1999. 688 с.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. 848 с.
- Зданевич И. К. Система ударений причастий в современном русском языке. Горький: Горьк. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1959. 103 с.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2017. 1024 с.
- Колесов В. В. Русская акцентология. Т. II. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 521 с.
- Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2015. 943 с.
- Сkachедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация страдательных причастий прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1. С. 178–191.
- Суханова М. С. Ударение в атрибутивных формах глаголов. Русская грамматика. Т. I. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 693–702.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.
- Шапиро А. Б. Об ударении в страдательных причастиях. Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 101–129.
-

References

- Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. M. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. 6th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 688 p.
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varyant* [The large orthoepic dictionary of Russian

- language. Literary pronunciation and stress in the beginning of XXI century: the norm and its variants]. M. L. Kalenchuk, R. F. Kasatkina, L. L. Kasatkin. Ed. by L. L. Kasatkin. 2th edition. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p.
- Kolesov V. V. *Russkaya aktsentologiya* [Russian accentology]. Vol. II. St. Petersburg, Peterburgskoe Lingvisticheskoe Obshchestvo Publ., 2010. 521 p.
- Reznichenko I. L. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. Moscow, AST-Press Publ., 2015. 943 p.
- Shapiro A. B. [About the stress in the passive participles]. *Doklady I soobshcheniya instituta russkogo yazyka*. Iss. 2. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948, pp. 101–129. (In Russ.)
- Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of past passive participles]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, no. 1, pp. 178–191. (In Russ.)
- Sukhanova M. S. [Stress in attributive forms of verbs]. *Russkaya grammatika*. Vol. I. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 693–702. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* T. 1–4 [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 1–4]. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. I Nats. Slov Publ., 1935–1940.
- Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. Vol. I. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010. 848 p.
- Zdanevich I. K. *Sistema udarenii prichastii v sovremennom russkom yazyke* [The system of participle accents in modern Russian]. Gor'kii: Gor'k. Gos. Ped. In-t im. A. M. Gor'kogo Publ., 1959. 103 p.

Речевая агрессия и реакция на нее

Ольга Евгеньевна Фролова, МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), olga_frolova@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170016214-4

аннотация: В статье рассматривается агрессивное речевое поведение на материале интервью. Речевая агрессия понимается как оскорбление и преднамеренное нанесение вреда адресату. Агрессия осуществляется, когда отправитель вторгается в пространство адресата. В качестве материала для анализа были выбраны десять интервью программы «А-Тем» на радио «Эхо Москвы». Особенностью этих записей является заявление журналистов о том, что они будут вести диалог в агрессивной манере. Рассматриваются типы вопросов отправителя и типы реакции получателя на речевую агрессию. Отправитель обращается к системе ценностей, биографическим данным и описанию поступков приглашенного на интервью гостя и вынуждает адресата оправдываться, апеллируя к чувству вины. Адресаты демонстрируют как неконфликтное, так и конфликтное ответное речевое поведение. Избегая конфликта, гость может уходить от ответа, переводя диалог в шутку, ссылаясь на незнание и границы своей компетенции. Конфликтная и агрессивная реакция выражается в попытке адресата дискредитировать вопросы отправителя и построить с ним неравноправные отношения, представляя себя в качестве победителя, а журналиста как проигравшего.

ключевые слова: речевая агрессия, интервью, полилог, зона уязвимости, реакция на агрессию, равноправные и неравноправные отношения коммуникантов, оправдание и объяснение

для цитирования: Фролова О. Е. Речевая агрессия и реакция на нее // Русская речь. 2021. № 4. С. 45–60. DOI: 10.31857/S013161170016214-4.

Issues of Modern Russian Language

Speech Aggression and Reaction to It

Olga E. Frolova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), olga_frolova@list.ru

ABSTRACT: The article deals with aggressive speech behavior in the genre of interview. Speech aggression is understood as an insult and deliberate harm done to the addressee. Aggression occurs when the sender invades the space of the addressee. Ten interviews of the “A-Team” program on the radio “Echo of Moscow” were selected as material. The main feature of the material is the stated intention of the journalists to conduct a dialogue in an aggressive manner. The article considers types of questions of the sender and types of reactions to speech aggression of the recipient. The sender refers to the system of values, biographical data and descriptions of the actions of the guest invited to the interview and forces the addressee to make excuses by appealing to a sense of guilt. The addressees demonstrate responsive non-conflicting and conflicting speech behavior. Avoiding conflict, the guest can evade an answer, translating the dialogue into a joke, referring to ignorance and the boundaries of his competence. Conflicting and aggressive reaction is expressed in the addressee’s attempt to discredit the sender’s questions and build unequal relations with them, presenting themselves as a winner and the journalist as a loser.

KEYWORDS: speech aggression, interview, polylogue, zone of vulnerability, reaction to aggression, equal and unequal relations of communicants, justification and explanation

FOR CITATION: Frolova O. E. Speech Aggression and Reaction to It. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2021. No. 4. Pp. 45–60. DOI: 10.31857/S013161170016214-4.

Введение

В статье представлены результаты исследования речевой агрессии в жанре интервью. Речевая агрессия возникает как реализация намерения адресанта вторгнуться в пространство адресата, в котором он уязвим. И в этом обнаруживается сходство агрессии с манипулированием, когда отправитель ведет поиск мишеней, в которых его действия достигнут успеха. Сходство с провокацией заключается в создании некомфортных условий для адресата, в которых он не сможет контролировать свое речевое поведение.

Предметом рассмотрения стали вопросы журналистов, направленные на мишени в пространстве уязвимости адресата, и ответная реакция приглашенного на интервью гостя на агрессию адресанта.

Исследовательский подход к речевой агрессии

Агрессия имеет сложную природу: намеренная враждебность изучается биологией, антропологией, социологией и психологией [Бэрн, Ричардсон 2001; Лоренц 1998], речевая же агрессия — предмет анализа лингвистики [Воронцова 2006; Завьялова 2003; Рацибурская, Петрова 2017; Шаронов 2004а; Шаронов 2004б; Щербинина 2008; Щербинина 2012].

Словарь толкует значение существительного *агрессия* в антропоцентричном ключе: «[лат. *agressio* — нападение]. 1. Вооружённое нападение государства или нескольких государств на какое-л. государство с целью захвата его территории, уничтожения или ограничения его независимости, изменения его политического или общественного строя и т. п. 2. Словесное выражение вражды, ненависти к кому-л.; угроза причинения вреда кому-л.» [Кузнецов 1998]. Таким образом, по мнению лексикографа, агрессию проявляют люди. Между тем, агрессия существует и в животном мире, имеет спонтанный характер, направлена только на особей своего вида, служит средством естественного внутривидового отбора, а также является инструментом регуляции пищевых и репродуктивных территорий [Лоренц 1998: 89, 92]. Вывод психологов относительно мира людей заключается в следующем: «Чтобы те или иные действия были квалифицированы как агрессия, они должны включать в себя намерение обиды или оскорбления, а не просто приводить к таким последствиям» [Бэрн, Ричардсон 2001: 25]. Понятие намерения является здесь ключевым, поскольку позволяет отделить высказывания, воспринимаемые как агрессивные адресатом, от тех, враждебность которых предполагалась адресантом.

В лингвистике речевая агрессия определяется как «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»

[Завьялова 2003а: 562]. Причастие *нацеленный* и прилагательное *преднамеренный* указывают на наличие соответствующей коммуникативной интенции. Соотношение высказывания с нормами речевого общения позволяет выявить нарушение речевой культуры: высказывания, грубые по форме, но не являющиеся агрессивными по коммуникативному намерению. И наоборот, далеко не всегда речевая агрессия сопровождается употреблением грубой или нецензурной лексики. В энциклопедии «Культура русской речи» выделены различные формы речевой агрессии: 1) активная прямая, 2) активная непрямая, 3) пассивная прямая, 4) пассивная непрямая [Завьялова 2003а: 562]. Диапазон варьирует от «прямого поношения» до «демонстративного молчания» [Там же].

Цель речевой агрессии — контроль и подавление адресата [Иссерс 2008: 107], она направлена на предмет речи или адресата и не может анализироваться вне дискурса [Воронцова 2006: 8]. Т. А. Воронцова рассматривает речевую агрессию как вторжение в речевое, аксиологическое и когнитивное пространство адресата [Воронцова 2006: 16, 17]. Под коммуникативным пространством понимается «зона реальных и потенциальных контактов каждого из участников коммуникации с точки зрения говорящего (адресанта). Создание гармоничного коммуникативного пространства — это ориентация коммуникантов на диалогическое общение в широком смысле слова» [Воронцова 2006: 15–16]. В результате адресант стремится выстроить неравноправные отношения с адресатом и подавить его речевую инициативу.

Речевая агрессия может быть направлена на нанесение оскорбления адресату, но часто имеет манипулятивный и провокативный характер, поскольку, выстраивая неравноправные отношения в коммуникативной ситуации, адресант стремится вынудить адресата покинуть зону комфорта и хочет добиться от адресата речевых и неречевых действий, не входящих в его намерения [Завьялова 2003а: 563; Завьялова 2003б: 566; Иссерс 2009: 167–176]. Под речевым манипулированием понимается «вид речевого воздействия, используемого для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Завьялова 2003б: 566]. В определении же провокации мы опираемся на дефиницию О. И. Иссерс: «Речевая провокация — это целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния. Оба вида провокации нередко осуществляются комплексно — через сознательный выбор речевых и языковых средств разных уровней» [Иссерс 2009: 93].

Лексические, словообразовательные и дискурсивные ресурсы речевой агрессии – жаргонная, оценочная инвективная, стилистически сниженная лексика, словообразовательные неологизмы, сравнения и метафоры, ирония – были проанализированы в [Рацибурская, Петрова 2017].

Исследование

Мы хотим рассмотреть агрессию в СМИ. Особенностью анализируемого материала является то, что адресант заранее оповещает адресата о том, что общение будет проходить в конфликтном, агрессивном, ключе. Предмет анализа – речевое поведение инициатора агрессии и адресата. Материал – десять выпусков программы «А-Team» (далее – АТ), выходящей в 2019–2020 гг. на радио «Эхо Москвы». Программа представляет собой интервью трех ведущих с приглашенными гостями, в качестве которых выступили журналисты, правозащитники, политики, общественные и государственные деятели: Мария Баронова, Марат Гельман, Дмитрий Гордон, Дмитрий Губерниев, Дмитрий Дибров, Константин Косачев, Валерий Рашкин, Зоя Светова, Артемий Троицкий, Сергей Удальцов. От традиционного интервью-диалога программа отличается тем, что представляет собой полилог, в котором три журналиста задают вопросы гостю. В качестве ведущих в разных выпусках выступали Алексей Нарышкин, Алексей Соломин, Алексей Голубев, Алексей Осин, Олег Овчаренко. Заметим, что журналисты «Эха» придерживаются разных общественно-политических взглядов. Расшифровки интервью размещены на сайте радиостанции.

Будет рассмотрена агрессивность адресанта и реакция на нее адресата.

В начале программы журналисты «Эха» предупреждают адресата о ее характере. Три программы из десяти проанализированных нами, начинались с такого предупреждения. Коммуникативное намерение предупреждения смягчает речевое общение интервьюируемого с журналистами, поскольку исключает фактор неожиданности.

- (1) А. Голубев: – *В эфире радиостанции «Эхо Москвы» самая сложная для наших гостей программа, которая называется «А-Team». <...> Здесь специально есть Голубев и Осин для острых вопросов» [АТ Светова].*

Далее ведущие «Эха» задают приглашенному гостю заведомо неприятные вопросы. И в этом речевое поведение адресанта обнаруживает черты, роднящие его с приемами манипулятора. Адресант-манипулятор, добываясь эффективности воздействия, ищет и выбирает те стороны личности адресата, которые оказываются наиболее уязвимыми. Психолог Е. Л. Доценко предлагает для таких зон уязвимости специальный термин:

«...представляется уместным при рассмотрении психологических механизмов использовать понятие “мишень” для обозначения тех психических структур, на которые оказывается влияние со стороны инициатора воздействия» [Доценко 1997: 115]. Психолог выделяет в качестве мишеней «1. Побудители активности: потребности, интересы, склонности, идеалы; 2. Регуляторы активности: смысловые, целевые и операциональные установки, групповые нормы, самооценка, мировоззрение, убеждения, верования; 3. Когнитивные (информационные) структуры: знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность» [Доценко 1997: 121].

В качестве мишеней избраны идеалы, установки, отношение к профессии, а также биографические сведения об адресате.

Членам КИРФ В. Рашкину и С. Удальцову были заданы вопросы о деятельности И. В. Сталина, до сих пор являющегося дискуссионной фигурой у части российского общества. По-видимому, данный антропоним обладает коннотацией социального плана, поскольку в зависимости от позиции говорящего наделяется положительной или отрицательной оценкой. Другим участникам интервью, которые мы анализировали, подобный вопрос не задавался.

(2) А. Голубев: — *Вот всем остальным, кто тоже не любит Сталина, вы тоже предложите покинуть Россию?* [АТ Рашкин].

Для современной России XXI века не теряет остроты вопрос о Крыме. Так, в ходе интервью с К. Косачевым, занимающимся международными отношениями, обсуждались российско-украинские контакты на высшем уровне, поэтому была затронута ситуация с полуостровом. Вопрос о Крыме также был задан М. Бароновой и М. Гельману как общественным деятелям.

(3) А. Голубев: — *Вы уезжали сразу после присоединения Крыма. За эти пять лет у вас взгляд на эту ситуацию с Крымом как-то менялся или вообще никак?* [АТ Гельман].

Вопросы биографического плана были наиболее частотными, имели дискредитирующий и провокационный характер по коммуникативному намерению. Подобные вопросы задавались гостям, покинувшим Россию.

(4) А. Нарышкин: — *Вы хотите, чтобы я как отец и Голубев как отец вам как отцу завидовали, что вы смотались отсюда, а мы здесь торчим?* [АТ Троицкий].

Ирония адресанта в примере 4 выражается в употреблении глагола *завидовать*, т. е. журналист намекает на то, что тоже стремился покинуть Россию, а свое пребывание на родине описывает с помощью глагола *торчать*, который в переносном значении семантизируется как «Разг.

Присутствовать, находиться где-л. (о присутствии неуместном, нежелательном или постоянном, бессменном)» [Кузнецов 1998].

- (5) А. Голубев: — *Зачем вы там вот эту крамолу начали нести на лекциях, за которую вас оттуда якобы и выгнали?* [АТ Троицкий].

А. Троицкий уехал в одну из прибалтийских стран. Вопрос, обращенный к нему, содержит презумцию того, что в Европе более спокойная и комфортная жизнь, чем в современной России (пример 4). Другой вопрос касается увольнения Троицкого с факультета журналистики, где Троицкий вел курс музыкальной журналистики. В примере 5 употреблена частица *якобы*, «указывающая на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности» [Кузнецов 1998]. Провокационность вопроса выражается в том, что адресант сомневается не в оценке содержания лекций, которые названы *крамолы* — «тем, что запрещено, противозаконно» [Кузнецов 1998], а в наличии причинно-следственной связи между содержанием лекций и увольнением музыкального обозревателя.

Такие вопросы были также заданы журналистам М. Бароновой и Д. Диброву, пересмотревшим свою позицию и начавшим сотрудничать с государственными СМИ.

- (6) А. Голубев: — *Вы, когда уходили с НТВ, сказали, что «я хочу посмотреть в глаза любого из вас, кто завтра понесет бумажку за подписью, любого нового..., но это буду не я». Вы всем показывали позицию. Но меньше чем через год, вы работали на ОРТ... [АТ Дибров].*

Вопрос 6 касался закрытия компании НТВ, когда журналистский коллектив раскололся и Д. Дибров был среди тех, кто не согласился работать в новой компании, утратившей независимый статус. Вопрос нейтрален по избранным языковым средствам. Существительное *бумажка* с разговорной стилистической окраской в значении 'документ' включено в прямую речь не интервьюера, а самого Диброва.

М. Баронова в 2011–2018 гг. поддерживала оппозицию и участвовала в протестных акциях, однако с 2019 г. начала работать в государственной компании RT, вещающей на зарубежные страны. Вопросы 7, 8 были направлены на то, чтобы вынудить адресата оценить ее приход в RT.

- (7) А. Нарышкин: — *А вам же должно быть обидно, вот это ощущение есть, что вы на стороне зла?* [АТ Баронова].

В примере 7 биографический вопрос трансформируется в вопрос о ценностях.

- (8) А. Нарышкин: — *Вы занимаетесь тем, что обеляете имидж RT, потому что RT, мне кажется, у кого ни спроси: «Что такое Russia Today?», RT — ...это Симоньян, пропаганда... [АТ Баронова].*

Вопрос, адресованный М. Гельману, касался непоследовательности его позиции. Когда начались ограничения свободы прессы, галерист согласился сотрудничать с официальным федеральным каналом.

- (9) О. Овчаренко: — *2002 год. Разогнано НТВ, закрыто ТВ-6. Вы приходите на Первый канал заместителем генерального директора. Почему? У вас были какие-то иллюзии?* [АТ Гельман].

В примере 9 актуализируется прямое значение глагола *разогнать* — «ликвидировать, прекратить существование чего-л. (организации, учреждения и т. п.)» [Кузнецов 1998].

В. Рашкина же попросили объяснить происхождение его диссертации. В вопросе журналиста допущена неточность, т. к. в материалах Вольного сетевого сообщества «Диссернет» фамилия В. Рашкина отсутствует.

- (10) А. Голубев: — *Благодаря Интернету в том числе стало известно, что Валерий Рашкин, он называет себя доктором экономических наук, а на самом деле таковым как будто бы и не является. По крайней мере, по утверждению Диссернета. Могли бы вы внести ясность по этому вопросу?* [АТ Рашкин].

Подобными вопросами (примеры 9–10) адресат поставлен в такое положение, что вынужден объяснять ситуацию или оправдываться.

Итак, вопросы адресанта показывают, что выбор мишени основывается на том, чтобы вывести адресата из зоны комфорта в пространство уязвимости вне зависимости от того, чего бы эта уязвимость ни касалась. При этом адресант не употребляет грубые слова, но использует разговорную лексику. Однако главным, с нашей точки зрения, в вопросах журналистов является денотативный принцип, когда адресант опирается на описываемую экстралингвистическую ситуацию.

Теперь обратимся к рассмотрению реакции адресата на речевую агрессию. Можно говорить о неконфликтном и конфликтном речевом поведении адресата.

Д. Губерниев избрал шутовую тональность общения и стратегию уклонения от вопросов, которую он объяснял собственной неинформированностью. Так, в ходе интервью он 13 раз употребил глагол *знать* с отрицанием.

- (11) А. Голубев: — *Но это позиция. Человек выходит с дагестанским флагом. Бой за боем.*

Д. Губерниев: — *Но Дагестан — это же республика, которая является частью Российской Федерации, привет Дагестану, у меня много там друзей. Поэтому почему нет?*

А. Голубев: — *У наших бойцов, я думаю, не возникло бы даже идеи выходить с московским флагом...*

Д. Губерниев: — *С флагом Сходни. Я вообще хочу сказать, что я так расстроен, я же сепаратист... мы были всегда городом, город Сходня* [АТ Губерниев].

В примере 11 обсуждается ситуация, когда борец из Дагестана на церемонию награждения выходит не с российским, а с флагом своей республики. Сначала Губерниев признает ситуацию, но избегает ее оценки. Далее адресат сводит обсуждение к шутке, сначала передавая приветы своим друзьям из Дагестана, а потом делает попытку перевести разговор на подмосковный город Сходня. Таким образом, с помощью шутки и перемены темы уходит от неприятного вопроса, касающегося отсутствия национальной российской символики на международных соревнованиях.

(12) А. Нарышкин: — *А вы сказали, в прекрасной России будущего будет демократия. Вы оговорились? То есть ее сейчас нет?*

Д. Губерниев: — *Не надо цепляться к словам, не надо цепляться. Я сказал, что мы свободная демократическая страна, которая поддерживает спорт, мы сейчас об этом говорим, значит, у нас демократия. Вы — молодцы, парни. Это была программа «А-Теат» и классные чуваки в эфире* [АТ Губерниев].

В финале интервью Губерниев в ответе употребил глагол *цепляться* — «разг.-сниж. придирааться, приставать» [Кузнецов 1998], представляя обращенный к нему вопрос как неважный. Однако тональность этого мини-диалога лишена конфликтности, Губерниев не соглашается с вопросом ведущего в оценке российской ситуации, но одновременно высоко оценивает мастерство журналистов «Эха», прибегая для этого к жаргонизму *чувак* «молодой мужчина, человек» [Кузнецов 1998] и разговорному прилагательному *классный* в значении «отличный» [Кузнецов 1998]. Существительное *молодец*, выражающее одобрение, нейтрально. Присутствие разговорных слов и выражений может интерпретироваться как намерение говорящего сократить дистанцию между коммуникантами и установить более тесный контакт с журналистами.

Подобную тактику, ссылаясь на незнание, избирает и К. Косачев. При обсуждении российско-украинских отношений, а также обмена задержанными адресат устраниается.

(13) А. Нарышкин: — *Если я ничего не путаю, Россия до сих пор не опубликовала список тех, кто вернулся?*

К. Косачев: — *Я не следил за этим, не знаю* [АТ Косачев].

(14) А. Нарышкин: — *Один из 35. А остальные люди? Они где, кто, где они живут?*

К. Косачев: — *Это не моя профессия* [АТ Косачев].

В примере 13 — та же реакция, что и у Губерниева, в примере 14 — отсылка к пределам профессиональной компетенции.

Важное, с нашей точки зрения, различие в речевом поведении Губерниева и Косачева — в понимании ролей участников коммуникативной ситуации: для первого эти роли равноправны, для второго выстроены иерархическим образом.

- (15) А. Нарышкин: — *Косачев отстранился, не готов Нарышкину помочь.*
К. Косачев: — *Не устранился, объяснил, почему занимается другими делами в пределах своих компетенций.*
А. Нарышкин: — *Но вам не интересно по-человечески?*
К. Косачев: — *Нет* [АТ Косачев].

Лаконичный отрицательный ответ делает невозможным продолжение дискуссии по поводу задержанных украинской стороной добровольцев, участвовавших в боевых действиях, а также апелляцию к сфере эмоций при обсуждении международных отношений. Подобный ответ можно назвать коммуникативно агрессивным, так он свидетельствует о нежелании одного из коммуникантов продолжать общение.

К нейтральной аргументативной тактике при равноправных отношениях адресанта и адресата прибегают М. Гельман и С. Удальцов. Первый признает собственную неправоту (пример 16).

- (16) О. Овчаренко: — *Просто если говорить о телевидении, вы приходите, и вас это не напугало. Ни ситуация с НТВ, ни с ТВ-6.*
М. Гельман: — *Я просто восстанавливаю некий контекст. Я же не говорю, что я был прав* [АТ Гельман].

Несмотря на различие в идеологических позициях с журналистами, Удальцов объясняет свою позицию в нейтральной стилистике.

- (17) С. Удальцов: — *Во все эпохи и времена были люди, страдавшие от государства. Поэтому...*
Е. Снегов: — *Масштаб.*
С. Удальцов: — *Любые незаконные действия массовые, культ какого-то страха, культ подавления мы отрицаем, на этом ставим точку. Поэтому видите, я не бегаю с портретом Сталина, но я и не сторонник полностью очернять, говорить, что это какой-то конец истории* [АТ Удальцов].

В своем ответе Удальцов сначала употребляет конструкцию с *мы* инклюзивным, а затем переходит на первое лицо единственного числа.

К конфликтному речевому поведению в условиях заранее объявленной агрессивности адресанта мы отнесли ответы вопросом на вопрос, а также утверждение об отсутствии профессионализма у интервьюера. Подозрения

в ангажированности, предвзятости и непрофессионализме воспринимаются журналистами довольно болезненно.

(18) А. Осин: — *А можно ли назвать независимым СМИ, которые работают в структурах человека с политическими амбициями?*

З. Светова: — *А можно ли назвать независимым «Эхо Москвы»? Что в акционерах 66% акций Газпрома, и ни у кого не возникает мысли, что «Эхо Москвы» работает на Газпром. Вы приглашаете разных людей с разными политическими... [АТ Светова].*

Журналист задает З. Световой вопрос о независимости СМИ, в котором она работает, в ответ она предлагает интервьюеру оценить степень независимости радио «Эхо Москвы».

(19) А. Осин: — *Я думаю, публикации тенденциозны в этом смысле.*

З. Светова: — *Ну так найдите публикацию. Я хочу заметить, что ваши вопросы совершенно не журналистские, они тенденциозны. Вы выступаете как пропагандист, вы хотите меня на чем-то поймать [АТ Светова].*

В примере 19 гость прибегает к оценочным характеристикам интервьюера, употребляя слова *тенденциозный* — «действующий предвзято, необъективно» [Кузнецов 1998] и *пропагандист* — занимающийся «политическим или идеологическим воздействием на широкие массы» [Кузнецов 1998]. В обоих случаях словарь не отмечает какой-либо стилистической окраски. Разговорность присуща только глаголу *поймать* — «Разг. Уличить, изобличить кого-л.» [Кузнецов 1998].

В примере 20 интервьюер также сталкивается с агрессивной реакцией адресата.

(20) А. Нарышкин: — *Крым на своем месте, в составе России?*

М. Баронова: — *Смириться [АТ Баронова].*

Данный пример иллюстрирует попытку адресата занять иерархически более высокую позицию по отношению к адресанту. На это указывает семантика глагола *смириться* — «1. Перестать упорствовать в чём-л., покориться обстоятельствам. ... 2. с чем. Привыкнув, примириться с чем-л.» [Кузнецов 1998]. Употребление данного глагола выстраивает отношения адресата-победителя и адресанта-проигравшего.

Что касается равноправных и неравноправных отношений отправителя и получателя, материал позволяет выделить некоторые диалогические единства, в которых адресант выше адресата, когда последний оправдывается. В других диалогах отношения отправителя и получателя равноправные и адресат объясняет ситуацию. Оправдание отличается от объяснения тем, что первое включает в свое значение сему вины: «объяснять

свою невиновность; приводить какие-л. доводы в свою защиту» [Кузнецов 1998], отсутствующее в объяснении.

(21) О. Овчаренко: — *Я правильно понял, что свобода слова — хорошо, но в противном случае вы потеряете карьеру, деньги и все такое? И вы выбрали карьеру и деньги?*

Д. Дибров: — *Если бы речь шла о деньгах, я бы к вам не пришел. А вы бы, наверное, читали обо мне в хрониках «Форбса». Да нет у меня денег. Что касается карьеры, то тут такое дело. <...> ...сидели несколько представителей определенных органов. «Ты что думаешь, что тебя хоть на один канал утром возьмут на работу? Нет» [АТ Дибров].*

В примере 21 интервьюируемый пытается представить свой переход с НТВ на Первый канал не как собственное решение, а как вынужденный шаг, сделанный под угрозой потери работы и невозможности вернуться к журналистке. Слово сочетание *определенные органы* эвфемистично и одновременно недостаточно конкретно.

В интервью с Д. Гордоном ведущий также пытается дискредитировать адресата, напоминая ему о невысоком статусе его программы благодаря участию в ней астролога П. Глобы и гадалок.

(22) А. Голубев: — *Дмитрий, вот поясните, вы говорите, что приглашали на выступления, но это же не совсем. Павел Глоба, вы сами говорили, что он вам составляет персональный гороскоп. <...> Всякие контактеры с космосом вот эти вот самые, гадалки. <...> Ну вот... Дмитрий?*

Д. Гордон: — *Не является дружба с Павлом Глобой чем-то предосудительным, это умнейший человек. Не является то, что он мне составлял личные гороскопы, чем-то плохим. Я вам хочу сказать... Если вы хотите построить наше общение на том, что вы попытаетесь меня где-то уципнуть, вам это не удастся [АТ Гордон].*

В данном микродиалоге коммуниканты прибегли к разговорной лексике: А. Голубев употребил существительное *контактер* — «Разг. По утверждениям сторонников существования внеземных цивилизаций: тот, кто вступил или вступает в контакт с гипотетическими жителями других планет, галактик» [Кузнецов 1998], а Гордон — глагол *уципнуть* в его третьем значении, которое словарь толкует также как разговорное: «причинить нравственную боль, задеть, уязвить кого-л.» [Кузнецов 1998].

Отличие реакции интервьюируемого в 21 и 22 примерах в том, что адресат 21 примера оправдывается, пытаясь доказать, что на нем нет вины за его поступки, которые были сделаны под принуждением. В 22 примере гость программы не признает за собой никакого предосудительного

поведения, более того, адресат прямо интерпретирует намерение интервьюера как враждебное и выставляет защиту против этой речевой агрессии.

Выводы

Подведем итоги. Мы рассматривали речевую агрессию адресанта и реакцию на нее адресата в жанре интервью. Отправитель строил свое агрессивное речевое поведение на вторжении в зону уязвимости получателя и мишенях, в которые можно направить неприятный для адресата вопрос. В языковом и речевом планах вопросы журналистов «Эха Москвы» были оформлены преимущественно нейтрально. Обращение к агрессивной и провокативной форме было направлено на утрату контроля адресата над коммуникативной ситуацией. Уязвимость касалась денотативной стороны высказывания. Адресата вынуждали либо объяснять свои поступки, либо оправдываться. В последнем случае выстраивались неравноправные отношения адресанта и адресата, поскольку, оправдываясь, последний доказывал отсутствие своей вины в той или иной ситуации.

В качестве мишеней были выбраны ценности, биографические сведения и поведение адресата. Приглашенных гостей просили выразить свое отношение к неоднозначно воспринимаемым историческим фигурам и событиям: деятельности И. В. Сталина и присоединению Крыма к России. Гостям, чья картина мира и общественно-политическая позиция претерпели изменения, были заданы вопросы о логике, ответственности и последовательности их поступков.

Встречались различные реакции на агрессивные вопросы — как неконфликтные, так и конфликтные. К неконфликтным мы отнесли уход от прямых ответов со ссылками на незнание и границы компетенции; сотрудничество — стремление объяснить свою позицию и поступки. Конфликтными являлись блокировка попыток адресанта апеллировать к эмоциональной сфере адресата; выстраивание иерархических отношений, в которых адресат играет роль победителя, а адресант — проигравшего, а также дискредитация адресанта.

Агрессивная коммуникация развивается в трех планах: во-первых, в денотативном — поиск зоны уязвимости в пространстве адресата и вторжение в нее, во-вторых, в языковом и речевом — выбор средств оформления «вторжения» в пространство адресата и защита адресата от такого вторжения, в третьих — в прагматическом — попытка создать неравноправные отношения в общении. Выбор языковых средств зависит от планируемого воздействия на адресата. В анализируемом материале коммуниканты преимущественно обращались к разговорной лексике.

Источники

- A-TEAM с М. Бароновой, 19 октября 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2523985-echo/
- A-TEAM с М. Гельманом, 30 октября 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2528233-echo/
- A-TEAM с Д. Гордоном, 14 июля 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2468729-echo/
- A-TEAM с Д. Губерниевым, 13 ноября 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2536103-echo/
- A-TEAM с Д. Дибровым, 2 октября 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2499001-echo/
- A-TEAM с К. Косачевым, 11 сентября 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2499001-echo/
- A-TEAM с В. Рашкиным, 13 марта 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2387279-echo/
- A-TEAM с З. Световой, 18 марта 2020 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2607424-echo/q.html
- A-TEAM с А. Троицким, 1 января 2020 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2563177-echo/
- A-TEAM с С. Удальцовым, 20 ноября 2019 г. [Электронный ресурс].
URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2540221-echo/

Литература

- Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., Питер, 2001. 352 с.
- Воронцова Т. А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с.
- Диссернет. Вольное сетевое сообщество [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissernet.org/>
- Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
- Завьялова О. Н.* Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Под ред. Л. Ю. Иванова, А. В. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта, 2003а. С. 562–564.
- Завьялова О. Н.* Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Под ред. Л. Ю. Иванова, А. В. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта, 2003б. С. 566–570.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
- Иссерс О. С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.

- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
- Рацибурская Л. В., Петрова Н. Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М.: Флинта, 2017. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/393270-yazyk-sovremennyh-smi-sredstva-rechevoy-agressii.html>
- Шаронов И. А. Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи. Сб. ст. Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004а. С. 5–6.
- Шаронов И. А. (ред.). Агрессия в языке и речи (сборник статей). М.: РГГУ, 2004б. 288 с.
- Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 360 с.
- Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: Флинта, 2012. 224 с.

References

- Baron R., Richardson D. *Agressiya* [Aggression]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 352 p.
- Dissernet. Vol'noe setevoe soobshhestvo [Dissernet. Volunteer community network]. URL: <https://www.dissernet.org/> (In Russ.)
- Docenko E. L. *Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow, CheRo, MSU Publ., 1997. 344 p.
- Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
- Issers O. S. [The strategy of speech provocation in public dialogue]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2009, no. 2 (18), pp. 92–104. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. Author's edition. 2014. 1534 p. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Lorenz K. *Obrotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 393 p.
- Ratsiburskaya L. V., Petrova N. E. *Yazyk sovremennykh SMI. Sredstva rechevoi agressii* [The language of modern media. Means of speech aggression]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 160 p. URL: <https://e-libra.ru/read/393270-yazyk-sovremennyh-smi-sredstva-rechevoy-agressii.html>
- Sharonov I. A. (ed.). *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in language and speech]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 288 p.
- Sharonov I. A. [The many faces of aggression] *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in language and speech]. Ed. by I. A. Sharonov. Moscow, RGGU Publ., 2004, pp. 5–6. (In Russ.)
- Shherbinina Ju. V. *Russkij jazyk: Rehevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [Russian language: Speech aggression and ways to overcome it]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 224 p. (In Russ.)

- Shherbinina Ju. V. *Verbal'naya agressiya, 2-e izd.* [Verbal aggression, 2nd ed.]. Moscow, LKI Publ., 2008. 360 p.
- Voroncova T. A. *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyi podkhod. Avtoref. dis... d-ra filol. nauk.* [Speech aggression: a communicative-discursive approach. Abstract of thesis. dis. ... dr. filol. sciences]. Chelyabinsk, 2006. 43 p. (In Russ.)
- Zav'yalova O. N. [Speech (linguistic, verbal) aggression]. *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary] Ed. by L. Ju. Ivanova, A. V. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva and etc. Moscow, Flinta Publ., 2003a, pp. 562–564. (In Russ.)
- Zav'yalova O. N. [Speech (language) manipulation]. *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary]. Ed. by L. Ju. Ivanova, A. V. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva and etc. Moscow, Flinta Publ., 2003b, pp. 566–570. (In Russ.)

Из истории русского языка

Из русской народной геммонимии: *тальян*

Елена Львовна Березович, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург), berezovich@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170016215-5

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена изучению русской народной геммонимии (системы названий драгоценных и полудрагоценных камней), которая практически не становилась объектом внимания лингвистов. Рассматривается геммоним *тальян* (*тальянчик*, *тальяшка*), который имеет как обобщенное значение ‘драгоценный (кристаллический) камень вообще’, так и конкретные — ‘аметист’, ‘горный хрусталь’, ‘дымчатый кварц (раухтопаз); светлый раухтопаз’, а также связанное с ним название горы (копи) *Тальян*, расположенной в Самоцветном поясе Урала у села Мурзинка. По распространенной версии, камень получил свое имя от горы Тальян, а гора названа в честь итальянцев братьев Тартори, которые в XVIII в. работали в этих краях в разведывательной экспедиции. Считая эту версию несостоятельной в плане лингвогеографии и словообразования, автор статьи предлагает иное решение, которое также основано на внутренней форме «итальянский», но мотивация не связана с посвящением конкретным лицам. Первичен не ороним, а название камня *тальян* (отмеченное не только на Урале). Камень входит в круг других реалий, которым народная традиция приписывала итальянское («заморское», «романское», «европейское») происхождение и ценность (гармонь *тальянка*, *тальянский плат*, *тальянское окно* и др.). Он был поименован «итальянским» по причине сходства с итальянским (венедианским) стеклом, хорошо известным в Европе и России. Мотивационной параллелью, поддерживающей это решение, служит старорусское слово *вениса*, обозначающее другой цветной камень — гранат, которое имеет внутреннюю форму «венедианский».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геммонимия, историческая лексикология, семантико-мотивационная реконструкция, этимология, словообразование, мотивационная параллель

для цитирования: Березович Е. Л. Из русской народной геммонимии: *тальян* // Русская речь. 2021. № 4. С. 61–76. DOI: 10.31857/S013161170016215-5.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет). Автор благодарит И. И. Артемьева, С. А. Белобородова, Л. А. Будрину, Г. И. Кабакову и Д. В. Спиридонова за ценные консультации при подготовке статьи.

From the History of the Russian Language

On the Russian Folk Gemonymy: *Tal'yan*

Elena L. Berezovich, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Ekaterinburg), berezovich@yandex.ru

ABSTRACT: The article studies the Russian folk gemstone names (the system of names of precious and semiprecious stones), which practically did not become the object of attention of many linguists. The paper considers the gemstone name *tal'yan* (*tal'yanchik*, *tal'yashka*) is considered, which has both a generalized meaning of 'precious (crystal) stone in general,' and a specific ones — 'amethyst,' 'rock crystal,' 'smoky quartz (*rauchtopaz*); light *rauchtopaz*,' as well as the associated name of the mountain *Tal'yan*, located in "the Gemstone Belt" of the Urals near the Murzinka village. According to a common version, the stone got its name from Mount *Tal'yan*, and the mountain is named after the Italian Tartori brothers, who worked in these parts in a reconnaissance expedition in the 18th century. The author considers this version untenable in terms of linguogeography and word formation, and suggests a different solution, which is also based on the internal form

of “Italian,” but the motivation is not related to the dedication to specific persons. Not the oronym *tal'yan*, but the name of the stone *tal'yan* is the primary name (marked not only in the Urals). The stone is included in the circle of realia to which the folk tradition attributed an Italian (“overseas,” “Roman,” “European”) origin and value (accordion *talyanka*, *Tal'yan* plate, *Tal'yan* window, etc.). It was named *Italian* because of its similarity to Italian (Venetian) glass, well known in Europe and Russia. The motivational parallel supporting this decision is the Old Russian word *venisa*, which names garnet, another coloured stone, which has the internal form “Venetian.”

KEYWORDS: gemstone names, historical lexicology, semantic and motivational analysis, etymology, word formation, motivational parallel

FOR CITATION: Berezovich E. L. On the Russian Folk Gemonymy: *Tal'yan*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 4. Pp. 61–76. DOI: 10.31857/S013161170016215-5.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project 20-18-00269 “Mining Industries and Early Factory Culture in Language, “Naive” Writing and Folklore of Ural Region” (Perm State National Research University). The author thanks Il'dar I. Artem'ev, Sergei A. Beloborodov, Lyudmila A. Budrina, Galina I. Kabakova, and Dmitrii V. Spiridonov for their valuable advice in preparing the article.

Русская народная геммонимия — почти парадоксальное сочетание, поскольку *геммонимы* — названия драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней — были малоизвестны в народной среде (как и сами реалии, слишком дорогие и трудные для добычи). Впрочем, это утверждение, возможно, будет поколеблено, когда этот пласт лексики, практически не изученный, будет подвергнут всестороннему исследованию. В статье анализируется слово *тальян* и его производные, которые обозначают драгоценные (прозрачные) камни вообще, а также их разновидности — аметист, горный хрусталь и др.

Из диалектных словарей такие лексемы отмечены, кажется, только в «Словаре русских народных говоров»: екатеринб. (невьян.) *тальянчики*, *тальяшки* ‘драгоценные камни’: «Называются так потому, что итальянцы разыскали и открыли в данной местности первую копи» (Булич, 1896) [Мызников (гл. ред.) 2010: 254]. Паспортизирующая помета «Булич, 1896» должна быть понята так: данные извлечены из ответов лингвиста

и этнографа С. К. Булича на вопросы «Программы для собирания особенностей народных говоров» (СПб., 1895–1896). Насколько широко функционировали *тальянчики* и *тальяшки* во времени и пространстве — и собрал ли их еще кто-то, кроме Булича?

Эти слова отмечаются в краеведческой и минералогической литературе и «привязаны» к Среднему Уралу. Приведем некоторые примеры из трудов XIX — нач. XX вв. Так, уральский краевед Н. К. Чупин фиксирует интересующие нас факты на 20 лет раньше Булича: «Местные крестьяне называли прежде, а иногда называют и теперь, кристаллы бесцветного горного хрусталя *строганцами*, а также и *тальянками* или *тальянчиками* (последнее название произошло оттого, что в 1760-х годах присланы были для поисков цветных камней около Мурзинской слободы мастера — итальянцы родом)» [Чупин 1873: 12]. Автор известного геммологического словаря, вышедшего в 1877 г. (переиздан в 1888 и 1896) — М. И. Пыляев — помещает слово *тальянчик* в рубрику «дымчатый и бесцветный кварц», где перечисляет названия разновидностей кварца, среди которых «горный хрусталь (*смоляк* и *тальянчик* у горных рабочих в Екатеринбургe)» [Пыляев 1896: 225]. Пыляев тоже повторяет историю с итальянцами: «В 1766 году, во время управления екатеринбургскою гранильною фабрикою генерала Данненберга, приглашенные им итальянцы раскрыли во всей полноте разнообразные богатства Мурзинской слободы. Еще до сих пор тамошние жители показывают *Тальяшковую гору*, где итальянцы производили свои работы; от них, вероятно, и горный хрусталь получил местное название *тальяшков* или *тальянчиков*» [Там же: 36]. Гора у Мурзинки (современное название села), названная у Пыляева *Тальяшковой*, в других источниках преимущественно обозначается как *Тальян*¹; это слово широко употреблялось в народной речи и в литературе, ср. контекст из «Самозветов» Мамина-Сибиряка: «Вон тут, на Тальяне добывали, а ноне изубожилося все» [Вовчок (гл. ред.) 1964: 202]. Этот же топоним встречается и как обозначение всех копей недалеко от Мурзинки: «Память об участии италианцев в открытии месторождений цветных камней сохранилась в названии *Тальян*, под которым сльвут копи близ с. Кайгородского и по левую сторону Нейвы, близ Мурзинки, а также в народном названии кристаллов горного хрусталя *тальяшки*» [Краснопольский 1906: 100] (то же повторяется в [Кривошеков 1910: 561]).

Говоря об упоминаниях изучаемых слов в литературе, нельзя обойти труды крупнейшего отечественного минералога — академика А. Е. Ферсмана, который не только много работал с цветными камнями непосред-

¹ Из найденных нами источников первое упоминание этой горы содержится в труде Н. С. Попова, изданном в 1801 г.: «Тальян в полуверсте от Мурзинской слободы» [Попов 1801: 107]. Разумеется, само название появилось раньше.

ственно в районе Мурзинки, но и владел отменным языковым слухом и вкусом, что делало его внимательным к народной речи. Описывая уральские аметисты, Ферсман отмечает, что «месторождения Мурзинского района давали камни очень высокого качества, причем, благодаря кроваво-красному отблеску, особенно ценились камни Тальяна» [Ферсман 1962: 177–178]. Ферсман знает и использует нарицательное слово *тальян* (с производными), вкладывая в него разные смыслы: ‘драгоценные камни’ («По-видимому, в местном народном быту сложилось также уже ныне не употребляемое слово *тальяшки*, или *тальянчики*, для драгоценных камней, что некоторые связывали с деятельностью итальянцев в конце XVIII в.» [Ферсман 1962: 359]), ‘дымчатый кварц’ («На Урале дымчатый кварц назывался также смоляком, струганцем, тальяном, хрустале-смазень, раухтопазом...» [Ферсман 1962: 172]), ‘аметист (?)’ («...одна из ям аметистов около Мурзинки получила название *Тальяна*, а самые кристаллы иногда еще и сейчас называются *тальяшками*» [Ферсман 1960: 74]).

Информация такого рода передается в последующую литературу — вплоть до самой современной — и транслируется десятки раз. Обобщая те сведения, которые представлены у геологов, минералогов, краеведов, дадим следующую картину.

Во второй половине XVIII в. в районе Мурзинки (ныне село в Пригородном районе Свердловской области) работала разведывательная экспедиция, в которой участвовали итальянцы — братья *Тортори* (реже эта фамилия предстает в формах *Тартори*, *Тартари*, *Тортари*, *Тартирри*). Были обнаружены цветные камни, в том числе очень высокого качества, — аметист, топаз, горный хрусталь, дымчатый кварц и др. Место добычи в честь итальянцев было названо *Тальян* или *Тальяшковая гора*², а добываемые в этом месте камни (а затем и другие аналогичные) получили метонимическое обозначение *тальяны*, *тальяшки*, *тальянчики*. Значения этих слов в литературе указываются разные: ‘бесцветный горный хрусталь’, ‘аметист’, ‘дымчатый кварц (раухтопаз)»; ‘светлый раухтопаз’, ‘драгоценные камни вообще’.

В 2019–2021 гг. мы провели полевые разыскания, спрашивая информантов (уральских любителей камня, занимающихся его добычей и обработкой), знают ли они слово *тальян* и что оно значит. Результаты таковы. Десять респондентов, проживающих в Екатеринбурге, Мурзинке (а также в находящемся недалеко от нее Реже, Кайгородском, Южакове), знают топоним *Тальян* (копь около Мурзинки). Два информанта называют еще один *Тальян*, который находится около села Кайгородское; его обозначают

² В работе Е. В. Семеновой указано, что в документе (того времени?) это выглядит *Талиан*, но сам документ, увы, не приводится [Семенова 2008: 133].

как *Кайгородский Тальян*³: «У нас Кайгородский Тальян есть, тянется почти километр жила, начинается у церкви в нашей Кайгородке. Там аметисты. Почти 20 километров расстояние между двумя Тальянами, Кайгородским и тем, который у Мурзинки. Думаю, они в одно время были названы, добыча ведь тут шла» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Половине информантов известно и название камней, которое употребляется обычно в форме *тальян*, *тальяны* и обозначает аметист, ср.: «У нас на Тальяне аметисты на весь мир знаменитые, они не бледные, а яркие, красным отсвечивают. У стариков тальянами назывались. Я своей Людочке брошку сделал с тальяном» (Кайгородское), «Тальяны — аметисты. Это уральское слово, нигде больше не слышал. Уже почти никто не говорит, только для истории. Они высокого качества, тальяны, особенно с Ватихи» (Реж) [ЛТЭК].

Казалось бы, картина складывается вполне ясная — и можно допустить, что слово *тальяны*, обозначающее цветные камни (в родовом или видовом смысле), имеет сугубо локальную привязку и связано в конечном счете с итальянцами, работавшими в районе Мурзинки. Но есть обстоятельства, мешающие однозначному принятию этой версии.

Первое из них связано с **лингвогеографией**. *Тальяны* фиксируются не только на Среднем Урале. Сотрудники Топонимической экспедиции Уральского университета отметили это слово и в Красносельском районе Костромской области, славном своими ювелирными традициями, — костр. *тальян* ‘любой цветной камень’: «Брошки, кольца, сережки делала с тальянам, тальяны камешки. Нам привозили красненьки, синеньки, зелененьки. В крапана <закрепляющие крючки> вставляла тальяны» (Сидоровское); ‘любая цветная вставка в ювелирное изделие (в том числе стеклянная)’: «Были кольца простые, а были с тальянами, тальян вот у меня голубой» (Алеево), «Тальяны девки любили, а щас посмотри, что за тальяны, — простые стекляшки» (Светочева Гора) [ЛКТЭ].

Еще одна «внеуральская» фиксация *тальянов* неожиданна, поскольку принадлежит цитировавшемуся выше Александру Евгеньевичу Ферсману. Будущий академик родился и жил в детстве в Санкт-Петербурге, а лето проводил в Крыму, под Симферополем, где полюбил искать камни: «Еще сейчас я помню, как мы, дети, особенно восторгались горным хрусталем в кристаллах, прозрачных, как бы отшлифованных “драгоценных

³ Стоит отметить, что второй Тальян — *Кайгородский* — упоминается и А. Е. Ферсманом: «*Кайгородский Тальян*. Небольшая, хотя и вытянувшаяся по простиранию копь аметистов, не дававшая никогда хороших камней» [Ферсман 1962: 346]. В одной из быличек, записанных во второй половине XX в. в Мурзинке, упоминается еще *Верхний Тальян* («На Верхнем Тальяне робыли, рассказывал Григорий Никонович Конев о своем дедушке, у них глубина шахты была 12 метров» [Кругляшова (сост.) 1991: 102]); по всей видимости, имеется в виду какая-то часть Тальяна, находящегося у Мурзинки, но уточнить это не представляется возможным.

камнях», которые мы тщательно заворачивали в вату и называли *тальянчиками*» [Ферсман 1975: 9]; «Наши *тальянчики* увлекали наше воображение в какой-то сказочный мир, которого мы не могли понять. Мы строили целые легенды, связывая их со сказками “Тысячи и одной ночи”, и в нашем воображении рисовались где-то в глубине, за неведомыми дверями, подземные пещеры с громадными кристаллами сверкающих самоцветов» [Ферсман 1956: 8]. Как видим, в разных работах Ферсман называет *тальянчиками* крымские самоцветы своего детства, хотя есть у него и труды (см. выше), где он приписывает слову «уральскость». Разумеется, это может быть проекцией «взрослых» знаний на детские воспоминания, но не менее (если не более) вероятно предположение, что чуткий к слову академик действительно слышал это название в своем детстве. Более того, Ферсман высказывает еще одну версию относительно происхождения интересующего нас слова: «*Тальянчиками* называют ограненные природные камни, от французского глагола *tailler* ‘гранить’. Это слово принесено было в Россию итальянскими камнерезами» [Там же]. Эта версия вряд ли состоятельна: глагол *tailler*, который действительно употребляется во французском языке по отношению к резьбе по камню и к гранению, не дает дериватов, называющих собственно камни (а трудно себе представить, чтоб такой дериват возник непосредственно на русской почве). Если пытаться пойти от французских слов *taillant* и устар. *taillon* (реальных производных от *tailler*, которые могли бы фонетически дать *тальян*), то эти слова означают ‘режущую часть лезвия, активную часть режущего инструмента’ или ‘подрезаемую часть гусиного пера (для письма)’, что едва ли могло превратиться в ‘аметист’ и т. п. в процессе заимствования⁴.

Второй аргумент, позволяющий поставить под сомнение версию о номинации горы и камня в честь братьев Тортори, касается **словообразования**. Источники указывают, что первично было название горы (*копи*) *Тальян*, а потом появилось название камня, ср. еще один текст: «Вот у Мурзинки гора Тальян есть. Сейчас спроси местных: почему *Тальян*? Не ответят. А было время, аж с самой Италии за самоцветами итальянцы приезжали, аметист добывали, были такие братья Тартирри. От итальянцев и пошло название, только букву *и* забыли. Да оно и удобнее *Тальян* звать, чем *Итальянская гора*. И камни потом ласково называли *тальяшками*» [Артемьев 2012: 193]. Как говорилось, название горы фиксируется в двух вариантах: *Тальян* и *Тальяшковая гора*. Оба варианта не соответствуют моделям образования географических названий на основе обозначений этносов. *Тальяшковая гора* прямо указывает на производность от слова *тальяшки* (камни). Что касается *Тальяна*, то соответствующего

⁴ Сердечно благодарю Г. И. Кабакову и Д. В. Спиридонова за помощь при анализе французской этимологической версии.

бессуффиксального названия этноса (**тальян*) не отмечено. Следовательно, при образовании топонима на основе этнического имени ожидалось бы *(*И*)*тальянец* или *(*И*)*тальянская гора* (первое, конечно, маловероятно). Таким образом, для топонима *Тальян* тоже следует предполагать в качестве производящей основы нарицательное название камня *тальян*. По отношению к нарицательному обозначению камня «дедикативный» (посвятительный) мотив предполагать трудно, поскольку он характерен для искусственной номинации — и должен был бы закрепиться за конкретной разновидностью минералов (а не за разными), да и выглядело бы название более «официально» и менее «простонародно».

Итак, самоцветные камни (и гора) вряд ли могли быть названы именно в честь братьев Тортори (и нет, кажется, никаких документов, в которых «акт наречения» был бы так или иначе отражен). Но каким же может быть «положительное» решение относительно происхождения геммонима *тальян* и соответствующего топонима?

Нет сомнений, что производящая основа здесь *тальян* — ‘итальянский’, на это однозначно указывает словообразование. Эта основа хорошо известна общенародному русскому языку и говорам; нам интересны те образования от нее, которые указывают на **предметы материальной культуры, которым приписывается итальянское происхождение**.

В первую очередь, среди них следует назвать просторечное слово *тальянка*, обозначающее популярнейший народный музыкальный инструмент — гармонь (чаще однорядную, реже двухрядную и даже трехрядную), считавшуюся итальянской. Ее укорененность в русской народной традиции такова, что в ряде дефиниций к слову указывается, что это гармонь «русского строя» (см., к примеру, [Чернышев (гл. ред.) 1963: 86]). Сродни культурной адаптации глубокая словообразовательная адаптированность этой лексемы в системе народного языка, ср. хотя бы текст частушки: «У нас *тальянчиков* — четыре, *Ростальянчиков* — один; *Растальянивай, тальянчикек*, На водочку дадим» [Симаков 1913: 620, № 3165].

Известна в говорах и другая *тальянка* — чаще *тальянский плат*, *платок* (арх., влг., вят., костр., ярсл., ср.-урал., печор., смол., перм., оренб., том., сиб.) [Мызников (гл. ред.) 2010: 254; Сороколетов (гл. ред.) 1992: 93; Добровольский СЭС: 712; Малеча 2002: 106; ЛКТЭ; КСГРС]⁵: так называли обычно дорогой привозной платок (шелковый, сатиновый, иногда шерстяной), ср. эпитеты в дефиниции В. Добровольского: «дорогой, заграничный» [Добровольский СЭС: 712], — а также контексты: без указ. м. «Мне доколь будет носить / Дорогой такой подарок / Тальянский платочек» [Добровольский

⁵ Отмечен также вариант *итальянский*, говорящий об осознаваемой «итальянкости» тех предметов, которым даются изучаемые названия (ср., например, влг. *итальянский платок* ‘большой нарядный платок’ [Матвеев (ред.) 2009: 354].

СЭС], оренб. «Батенька мне говорит: «Ты што всё под тальянкой иль индейкой ходишь? Тебе надо простой платок купить» [Малеча 2002: 106], влг. «Тальянские платки у богатых баб были, красны таки, красивая расцветка» [КСГРС] и др. Показательно, что эта номинация встает в ряд других диалектных обозначений «иностранных» платков (реже сарафанов, ситца и др.) — *аглицкой платок, французский (хранцузский) платок, немецкий платок* etc. (примеры и их анализ см. в [Березович 2019: 190–193; Березович 2007: 199–200]), под которыми понимаются «заморские» платки — часто без конкретной привязки к «стране-изготовителю», ср. еще арх. «Завяжу этот цветок Во тальянский во платок, Во немецкий узелок» [Ефименко 1877: 71]. С точки зрения словообразования важно отметить наличие формы *тальян платок*, которая лишней раз демонстрирует связь *тальян, тальянка* < *итальянский*: «Своей душечке он тальян платок купил, А на шеюшку да цепочку с земчужком, А на ручушку да он золот перстенек» [Соболевский 1902: 644]. Разумеется, коннотация дорогого и иностранного проявляется у слов на *тальян-* не только по отношению к платкам, ср. контексты типа томск. «То ли тальянски, то ли французски каки-то <смешок> сапоги — шибко хороши» [Иванцова (ред.) 2012: 166]. Показательно, что в русских былинах (по знаменитому своду Гильфердинга) есть *тальянская земля* (встречается в текстах 11 раз) [Бобунова, Хроленко 2006: 172], но нет *французской* или *испанской* (учитывая и варианты типа *хранцузский, гишпанский* etc.): отсюда следует, что слово *тальянский* могло иметь обобщенную и недифференцированную семантику, указывающую на принадлежность к романскому (европейскому) миру вообще.

Мы не ставим своей задачей дать обзор всей той лексики, которая указывает на итальянское происхождение того или иного предмета / явления (реальное или вымышленное). Упомянем лишь еще один пример — *тальянское окно* влг., смол., прикам., яросл., карел., арх., онеж. 'широкое двустворчатое окно', яросл. 'окно из трех частей' [Мызников (гл. ред.) 2010: 254; КСГРС; Подюков (ред.) 2012: 230], *итальянское окно* влг. 'полуциркульное окно', пск., твер. 'большое окно со сдвоенной рамой' [Сыщиков 2006: 79], дон., карел. *тальянка* 'широкое окно' [Дегтярев и др. (ред.) 2003: 524; Герд (гл. ред.) 2005: 438]. «Итальянскость» окна, как в примерах выше, предполагает его «богатство»: прикам. «Тальянское окно если было у кого, говорили: о-о, они богатые, у них даже тальянское окно» [Подюков (ред.) 2012: 230]. Эти термины — диалектные вариации литер. *итальянское окно* 'широкое окно, имеющее три-четыре створки'. Логично предположить, что это сочетание, в свою очередь, является результатом культурной адаптации архитектурного термина *венецианское окно*, под которым понимается двойное окно с колонкой посередине и двумя арочками, перекрытыми общей аркой слегка стрельчатой формы в верхней части,

с круглым отверстием в тимпане и обведенными общим наличником [Власов 2004]. *Тальянское окно* имеет в мурманских говорах закономерный вариант — *тальянское стекло*: «Это тальянское стекло, окольница, где стёкла вставлены, или стекольница, а то, где цветы, подушка» [Герд (гл. ред.) 2005: 327]; акцент на «стеклянности» ставится также в дон. *тальянка* ‘застекленная веранда’: «При доми была тальянка, ана имела многа мелких крушкоф» [Дегтярев и др. (ред.) 2003: 524].

Упоминание о множестве «мелких кружков» из последнего контекста выводит нас на образ знаменитого **венецианского (муранского) стекла** и изделий из него, в том числе мозаики. Разумеется, нет гарантии, что носители донских говоров, называющие стекло из мелких кружков *тальянкой*, имели в виду ассоциацию с венецианским стеклом, но в любом случае последнее было знакомо русской традиции издавна, причем соответствующая лексика бытовала и в обиходно-разговорном языке, ср. в русском языке XVII в. *стекло веницейское*: «А у кого будет... волосатик... к тому ж зелию прибав три золотника желти да три золотника стекла веницейского да чесноку толченого...» (XVII в.) [Мжельская (ред.) 2006: 91]. Показательны и зафиксированные в XVII в. обозначения сосудов из этого стекла, ср. *скляница виницейская*: «И тот цвет сверборинной в скляницах виницейских перепустит водку скляницу полную цвету» [Там же], *венецейка, веницейка, виницейка, венеция* ‘сосуд определенного объема из стекла особого сорта (венецианского стекла?)’: «А мѣлокое серебро вынявъ из воды положить в сткляницу въ добрую в чистую в виницѣйку» [Бархударов (гл. ред.) 1975: 75; Мжельская (ред.) 2006: 90–91].

Знакомство с венецианским стеклом, очевидно, определило номинативную судьбу такого прекрасного минерала, как **гранат**. В русском языке XVI–XIX вв. для его обозначения использовалось слово *вениса* с множеством вариантов (*винисса, винуса, винюса, виница, венис, виниса, финиса, винисб, венисб* и др., см. подборку данных из разных источников в [Макеева 1986: 66–67; Казанский (гл. ред.) 2010: 208]; самый ранний (кажется) контекст в деловой письменности датируется 1579 г.: «Да двои серги съ каменьемъ серавики да винисы. И серги винисы пропали преже литовского приходу» (цит. по: [Макеева 1986: 67]). Один из основателей русской минералогии, академик В. М. Севергин, описывая камень, обращает внимание на его «разноцветность» и «стекловатость»: «Признаки и свойства венисы <...> суть следующие. Цвет бурой и зеленой, притом печеновой, красновато- и желтовато-бурый, оливковой, спаржевой, темно-зеленой и иногда почти черной. <...> кристаллы <...> на поверхности на кресте струистые, иногда пестрые, более или менее светятся, а внутри всегда почти мало светятся, средним лоском между стекловатым и вошчаным» [Севергин 1807: 182–183]. Это яркое описание, думается, служит дополнительным

мотивирующим контекстом для этимологической реконструкции *венисы*. А. Е. Аникин — вслед за Маценауэром и Фасмером — предполагает, что это слово следует производить от франц. назв. Венеции — *Venise*; «возможно, стоит учитывать франц. *venise* ‘тонкое обработанное стекло’, а также венец. *Venes(s)ia* или англ. *Venice* ‘Венеция’. Слово *вениса* могло быть сначала обозначением камня, чем-то напоминающего венецийское стекло» [Аникин 2012: 244]. Данное этимологическое решение не является единственным: И. И. Макеева более сочувственно относится к иранской версии происхождения слова, высказанной Н. В. Горяевым (из перс. *benefsè*) [Макеева 1986: 68]. Иранская версия основана на том, что многие камни, в том числе гранаты, доставлялись на Русь с Востока. Этот факт бесспорен, однако гранаты были хорошо известны и на Западе; кроме того, Севергин указывает ряд российских мест добычи гранатов, известных к XVIII в., — на Среднем Урале, Белом море, в бассейне Вилюя и др. [Севергин 1807: 184].

Помимо фонетической, семантической и культурологической обоснованности «венецианской» версии происхождения *венисы*, у этого слова есть, как нам представляется, и мотивационная параллель. **Отношения мотивационного параллелизма следует предположить для *венисы* и *тальяна*** (собственно, это и заставило нас отвлечься на пассаж о названии граната), поскольку оба камня, по всей видимости, напоминали цветное венецианское (итальянское) стекло. Верно и обратное: стекла на протяжении веков используются для имитации цветных камней, при этом кобальтовое, хрустальное, агатовое, авантюриновое и др. виды стекол широко применялись в Венеции и вообще в Италии — или же были там изобретены [Собчак, Собчак 2002: 355–358]. Тем самым *вениса* и *тальян* становятся мотивационными «подпорками» друг для друга. Эти слова вполне могли «встретиться» на одной территории — скорее всего, в Самоцветном поясе Урала, где добывались соответствующие камни.

* * *

Итак, народный геммоним *тальян* (*тальянчик* и др.), называющий разные виды прозрачных цветных камней, этимологически означает «**итальянский (камень)**». От этого слова образовано название горы (копи) *Тальян* на Среднем Урале — в той зоне, которая славится на весь мир красивейшими самоцветами. Мотивирующей средой для возникновения названия стало представление о сходстве аметиста, дымчатого кварца и других камней с итальянским (венецианским) стеклом, которое было широко известно в Европе (в том числе и в России). Так появилось не только слово *тальян*, но и имя другого цветного камня — *вениса*, называющего гранат; указанные геммонимы реализуют одну и ту же мотивационную модель,

и, возможно, *тальян* в некоторой степени «наведен» *венисой*. Последнее бытовало и в живой речи, и в книжной, — и фиксируется в письменных источниках с XVI в. *Тальян* же был фактом исключительно народной речи, что проявляется в его диффузной семантике, а также в мотивационном соответствии другим диалектным и общенародным словам, называющим «нечто итальянское», «заморское» (гармонь, платок и др.), а значит, дорогое, красивое etc. В памятники письменности слово *тальян* не попало, поэтому говорить о времени его появления трудно. Ясно, что оно могло возникнуть не позднее XVIII в. (название горы *Тальян* отмечено в источниках в 1801 г.), но вполне вероятно, что слово бытовало и значительно раньше: первые сведения об обнаружении самоцветов близ Мурзинки относятся к 60-м годам XVII в. (разумеется, нет гарантии, что слово возникло именно в районе Мурзинки, но такая вероятность наиболее высока). Через столетие, когда в этих местах работала экспедиция с участием итальянцев братьев Тортори, слово *тальян* могло получить новый мотивационный импульс — и начать восприниматься как результат посвятительной номинации. Новый свет на происхождение этого слова могут пролить историки, изучив обстоятельства работы Тортори на Урале (весьма запутанные), однако, надемся, итоговая картина не претерпит существенных изменений. Думается, история *тальяна* является не только частным фактом: она раскрывает ряд моментов, имеющих типологическую значимость для изучения русской народной геммонимии как языкового и культурного феномена.

Источники

Артемьев И. И. Кайгородская быль: рассказы / Уральский минералогический музей В. А. Пелепенко «Музей камня». Екатеринбург: Квадрат, 2012. 287 с.

Барсов Е. В. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. СПб.: Типография Майкова, 1873. 116 с.

Добровольский СЭС — Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Том 27. Ч. 4. М.: Типография А. В. Васильева, 1903. 776 с.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М.: Типография Ф. Б. Миллера, 1877. 221 с. (Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30. Труды этнографического отдела. Кн. 5, вып. 1).

Краснопольский А. А. Геологическое описание Невьянского горного округа. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. 106 с. (Труды геологического комитета: Нов. сер.; Вып. 25).

Кривошеков 1910 — Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историческо-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. / сост. действ. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва И. Я. Кривошековым. Пермь: Издание Верхотурского земства, 1910. 823 с.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Попов Н. С. Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь: Пермское губернское правление, 1801. 109 с.

Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд., значит. доп. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1896. 403 с.

Севергин В. М. Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия. Т. 1. СПб.: Имп. АН, 1807. 668 стб.

Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. Ярославль: Типография К. Ф. Некрасова, 1913. 670 с.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. 7. СПб, 1902. 708 с.

Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: Типография Поповой, 1873. 272 с. (Приложение к «Сборнику Пермского Земства»).

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с.

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975. 320 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

- Березович Е. Л.* К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 174–212.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 2: Мир человека. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. 314 с.
- Власов В. Г.* Венецианское окно // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. 2. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 496–497.
- Вовчок П. А.* (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964. 207 с.
- Герд А. С.* (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова. Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 992 с.
- Дегтярев В. И.* и др. (ред.). Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари: Астрель: Издательство АСТ, 2003. 608 с.
- Иванова Е. Э.* Названия копей Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 107–134.
- Иванцова Е. В.* (ред.). Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. Т. Б. Банкова, З. М. Богословская, В. П. Васильев и др. Т. 4. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 366 с.
- Казанский А. А.* (гл. ред.). Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова» / отв. ред. С. С. Волков. СПб.: Нестор-История, 2010. 492 с.
- Кругляшова В. П.* (сост.). Предания и легенды Урала: фольклорные рассказы / сост., вступ. слово и коммент. В. П. Кругляшовой; ил. Г. С. Метелева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1991. 287 с.
- Макеева И. И.* История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ин-т русского языка АН СССР. М., 1986. 266 с.
- Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. 496 с.
- Матвеев А. К.* (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Т. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 358 с.
- Мжельская О. С.* (ред.). Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 2. СПб.: Наука, 2006. 339 с.
- Мызников С. А.* (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 43. СПб.: Наука, 2010. 350 с.
- Подюков И. А.* (ред.). Словарь русских говоров Южного Прикамья / Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Вып. II. Пермь: ПГГПУ, 2012. 501 с.
- Семенова Е. В.* Екатеринбургская история / под ред. Н. И. Тимофеева. Екатеринбург: Фонд Тимофеева, 2008. 590 с. (Геммология. История и художественное наследие камнеобработки в России. Спецкурс).
- Собчак Н., Собчак Т.* Энциклопедия минералов и драгоценных камней. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 478 с.
- Сороколетов Ф. П.* (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 27. СПб.: Наука, 1992. 400 с.

- Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства. СПб.: Фил. факультет СПбГУ, 2006. 292 с.
- Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. М.: АН СССР, 1960. 392 с.
- Ферсман А. Е. Избранные труды. Т. 7. М.: АН СССР, 1962. 592 с.
- Ферсман А. Е. Занимательная минералогия: Очерки. 4-е изд. Л.: Детская литература, 1975. 238 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка / ред. Г. А. Качевская, Е. Н. Толикина. Т. 15. М.–Л.: АН ССР, 1963. 1287 с.

References

- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 6. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p. Iss. 8. Moscow, Vinogradov Russ. Lang. Inst. RAS Publ., 2014. 352 p.
- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 320 p.
- Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura. Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture. Ethnolinguistic study]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 599 p.
- Berezovich E. L. [Toward a reconstruction of the image of the German world in the linguistic consciousness of Arkhangelsk Pomors]. *Antropologicheskii forum*, 2019, no. 42, pp. 70–108. (In Russ.)
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T. *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny. Part 2: Mir cheloveka* [Dictionary of the language of Russian folklore: Vocabulary of the epic. Part 2: The world of man]. Kursk, Publ. House of Kursk State Univ., 2006. 314 p.
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Ed. by G. A. Kachevskaya, E. N. Tolikina. Vol. 15. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1963. 1287 p.
- Degtyarev V. I. and others (eds.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [The big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 608 p.
- Fersman A. E. *Puteshestviya za kamnem* [Travel for the stone]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960. 392 p.
- Fersman A. E. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 7. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962. 592 p.
- Fersman A. E. *Zanimatel'naya mineralogiya* [Interesting mineralogy]. 4th ed. Leningrad, Detskaya Literatura Publ., 1975. 238 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Resp. eds. I. S. Lutovinova, L. P. Mikhailova. Iss. 6. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg State Univ., 2005. 992 p.

- Ivanova E. E. [Names and naming patterns of the gemstone mines of the Urals]. *Voprosy onomastiki*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 107–134. (In Russ.)
- Ivantsova E. V. (ed.). *Polnyi slovar' dialektnoi yazykovoi lichnosti* [Complete dictionary of dialectal linguistic personality]. Vol. 4. Tomsk, Publ. House of Tomsk Univ., 2012. 366 p.
- Kazanskii A. A. (ch. ed.). *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu. Iss. 5. Slovar'-spravochnik "Mineralogiya M. V. Lomonosova"* [Dictionary of the language of M. V. Lomonosov. Materials for the dictionary. Iss. 5. Dictionary-reference book "Mineralogy by M. V. Lomonosov"]. Resp. ed. T. S. Volkov. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010. 492 p.
- Kruglyashova V. P. (comp.). *Predaniya i legendy Urala: fol'klornye rasskazy* [Traditions and legends of the Urals: folklore stories]. Sverdlovsk, Central Ural Book Publ. House, 1991. 287 p.
- Makeeva I. I. *Istoriya nazvanii dragotsennykh kamnei v russkom yazyke XI–XVII vekov. Diss. kand. filol. nauk* [Gemstone names in the Russian language of the 11th–17th centuries. Dr. filol. sci. diss.]. Moscow, 1986. 266 p.
- Malecha N. M. *Slovar' govovor ural'skikh (yaitskikh) kazakov* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Vol. 1. Orenburg, Orenburg Book Publ. House, 2002. 496 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' govovor Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 4. Ekaterinburg, Publ. House of Ural Univ., 2009. 358 p.
- Myznikov S. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govovor* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 43. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 350 p.
- Mzhel'skaya O. S. (ed.). *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries]. Iss. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 339 p.
- Podyukov I. A. (ed.). *Slovar' russkikh govovor Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region]. Iss. 2. Perm, PSHPU Publ., 2012. 501 p.
- Semenova E. V. *Ekaterinburgskaya istoriya* [The history of Ekaterinburg / N. I. Timofeev (ed.)]. Ekaterinburg, Fond Timofeeva Publ., 2008. 590 p.
- Sobchak N., Sobchak T. *Entsiklopediya mineralov i dragotsennykh kamnei* [Encyclopedia of minerals and precious stones]. St. Petersburg, Neva Publ.; Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 478 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govovor* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 27. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 400 p.
- Syshchikov A. D. *Leksika krest'yanskogo derevyannogo stroitel'stva* [Lexicon of peasant wooden construction]. St. Petersburg, Philol. facult. of St. Petersburg State Univ. Publ., 2006. 292 p.
- Vlasov V. G. [The Venetian window]. *Novyi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* [New encyclopedic dictionary of fine arts]. Vol. 2. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004, pp. 496–497.
- Vovchok P. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govovor Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. 1. Sverdlovsk, Central Ural Book Publ. House, 1964. 207 p.

Из истории русского языка

Век девятнадцатый — век нынешний: сравнение процессов иноязычного влияния на русский язык

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
leonid-krysin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170016230-2

АННОТАЦИЯ: В статье предлагается такой аспект изучения иноязычных заимствований, при котором каждый из разных по времени этапов влияния иных языков на русский имеет свою специфику. Сравнение этих этапов показывает, что в первой трети XIX в. наблюдается употребление иноязычных слов в качестве своеобразных вкраплений в русский текст — в том орфографическом виде, в каком эти слова существуют в языке-источнике (французском, английском, немецком и др.). Позднее при необходимости использования иноязычного слова в русском тексте или в русской устной речи происходит транслитерация этого слова русской графикой или его транскрипция в соответствии с грамматическими и фонетическими нормами русского языка. В статье кратко рассмотрены следующие стороны освоения иноязычной лексики русским языком: 1) языки — основные источники лексического заимствования; 2) пути заимствования; 3) формы письменной и устной передачи иноязычного слова; 4) тематические группы лексики; 5) типы заимствуемых слов; 6) социальная среда, через которую осуществляется заимствование; 7) сферы преимущественного употребления иноязычной лексики; 8) отношение общества к языковому заимствованию и к иноязычным

словам; 9) лексикографическое представление иноязычной лексики. Автор считает, что в предлагаемом им сопоставлении разных по времени этапов иноязычного влияния на русский язык могут быть выявлены определенные тенденции и особенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иноязычное влияние, пути заимствования, заимствованное слово, вкрапление, кальки, социальная среда, языковой пуризм
для цитирования: Крысин Л. П. Век девятнадцатый — век нынешний: сравнение процессов иноязычного влияния на русский язык // Русская речь. 2021. № 4. С. 77–84. DOI: 10.31857/S013161170016230-2.

From the History of the Russian Language

The Nineteenth Century and Present Time: the Comparison of Foreign Language Influence on the Russian Language

Leonid P. Krysin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), leonid-krysin@mail.ru

АБСТРАКТ: The article proposes such an aspect of the study of foreign language borrowings, in which each of the stages of the influence of foreign languages on Russian, at different times, has its own specifics. The comparison of these stages shows that in the first third of the XIX century foreign words were used as peculiar inclusions in the Russian text — in the spelling form in which these words exist in the source language (French, English, German, etc.). Later, if it was necessary to use a foreign language word in a Russian text or in Russian oral speech, this word was transliterated by Russian graphics or its transcription in accordance with the grammatical and phonetic norms of the Russian language. The article examines the following aspects of accepting foreign language vocabulary into Russian: 1) languages that are the main sources of lexical borrowing in Russian; 2) ways of borrowing;

3) written and oral forms of a foreign language words in Russian; 4) thematic vocabulary groups; 5) types of borrowed words; 6) the social environment through which the words are borrowed; 7) the scope of the predominant use of foreign language vocabulary; 8) the attitude of society towards linguistic borrowing and foreign words; 9) lexicographic presentation of foreign language vocabulary. The author believes that in his comparison of stages of a foreign language influence on the Russian language at different periods, certain interesting tendencies and peculiarities can be identified.

KEYWORDS: foreign language influence, ways of borrowing, borrowed word, blotting, tracing, social environment, linguistic purism

FOR CITATION: Krysin L. P. The Nineteenth Century and Present Time: the Comparison of Foreign Language Influence on the Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 4. Pp. 77–84. DOI: 10.31857/S013161170016230-2.

Эта заметка представляет собой попытку в краткой, почти тезисной форме наметить возможный анализ процесса иноязычного заимствования на разных временных этапах этого процесса.

Сравнение этапов иноязычного влияния на русский язык в виде лексических заимствований может быть осуществлено по ряду параметров, характеризующих процесс заимствования иноязычной лексики и ее адаптации на русской языковой почве. Кратко эти параметры можно определить следующим образом.

1. Языки — источники заимствования. В XIX веке это главным образом французский язык, в XX — начале XXI — главным образом английский.

2. Пути заимствования. В XIX веке лексические заимствования осуществляются как письменным путем — через разного рода тексты, преимущественно художественные и литературно-критические, так и устным — через речь людей, владевших иностранными языками. В более поздние годы преобладает письменный путь — через научную и публицистическую литературу. Начиная со второй половины XX века особенно велика в этом роль средств массовой информации. С конца XX века и особенно в первые десятилетия века XXI-го несомненна роль Интернета и всей «компьютерной сферы» как посредников для пополнения русского словаря новыми лексическими заимствованиями.

3. Формы письменной или устной передачи иноязычного слова.

В XIX веке широко распространено употребление иноязычного слова в его исконной орфографической и грамматической форме, без транслитерации, в качестве своеобразного вкрапления. Такие вкрапления мы встречаем, например, в произведениях А. С. Пушкина:

Пред ним *roast-beef* окровавленный
И трюфли, роскошь юных лет
(«Евгений Онегин»);

[Онегину]
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова...
(Там же);

В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков *à jour*...
(«Граф Нулин»).

Roast-beef и *beef-steaks* — это прототипы нынешних слов *ростбиф* и *бифштекс*, а *чулки à jour* (кстати, во времена Пушкина можно было говорить и писать «чулков», а современная норма рекомендует только форму «чулок») давно превратились в *чулки ажурные*. Ср. также: Никто не плакал; слезы были бы — *une affectation*. Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить... («Пиковая дама»). Здесь *une affectation* — «неестественность, притворство»; ср. современное *аффектация*, которое в словарях определяется как «неестественная, обычно показная возбужденность в поведении, в речи» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов 2007]).

Особый случай в практике передачи в русском тексте представляли иноязычные собственные имена — фамилии, личные имена, названия географических объектов и т. п. В текстах XIX века здесь нередко встречалась побуквенная транслитерация имени, как это было, например, в первых изданиях перевода известного исторического романа В. Скотта «Айвенго»: название этого романа имело форму *Ивангое* в соответствии с англ. *Ivanhoe*.

В последующие десятилетия — конец XIX — начало XX — начинает преобладать транскрипция заимствуемых слов, в том числе и собственных имен, то есть более или менее близкая передача орфографическими и фонетическими средствами русского языка их звукового облика в языке-источнике.

4. Тематические группы лексики. В XIX веке заимствуются в первую очередь театральные и философские термины, нередко иноязычные элементы (слова и словосочетания) в речи представителей дворянства, владевших иностранными языками, чаще всего — французским (см. об этом [Виноградов 1972, глава X, § 5; Сорокин 1965, глава I]). В конце века приходит много заимствований из экономической и политической сфер. В XX — начале XXI тематический круг заимствуемой лексики значительно расширяется: это техника, наука, информатика, медицина, экономика и финансы, культура, спорт, музыка, мода.

5. Типы заимствуемых слов. В XIX веке, особенно в последней его трети, а также в начале века XX-го наряду с лексическими заимствованиями используется множество калек, главным образом морфемных: *сверх-человек* (нем. *Über-mensch*), *себе-стоимость* (нем. *Selbst-kosten*), *скоро-шиватель* (нем. *Schnell-hefter*), *работо-датель* (нем. *Arbeits-geber*), *небо-скрѐб* (англ. *sky-scraper*) и т. п.; основным их источником был немецкий язык. Отмечены также сравнительно немногочисленные семантические калки — типа *гвоздь* (в сочетаниях *гвоздь выставки*, *гвоздь театрального сезона* и под. — под влиянием семантики французского слова *clou*), *газетная утка* под влиянием соответствующего французского выражения со словом *canard* ‘утка’ (см. об этом в [Сорокин 1965, глава I, § 15 и 16; Грановская 1996]). В конце XX века — волна семантических и сочетаемостных калек: *высокий* в значении ‘лучший, элитный’ (ср. франц. *haut*) — первоначально только в сочетании *высокая мода* (франц. *haute couture*), *теневой* в значении ‘незаконный’, а также ‘не стоящий у власти’: *теневая экономика*, *теневой бизнес*, *теневой кабинет (министров)* (от англ. *shadow economy*, *shadow business*, *shadow cabinet*); *ястреб* в знач. ‘сторонник жесткой, обычно реакционной политики’ — под влиянием этого же значения у англ. *hawk*, — у русского слова *ястреб* в его прямом значении отсутствуют коннотации, на основании которых могло бы возникнуть это переносное значение (ср. наличие отрицательной коннотации у слова той же тематической группы *стервятник*); *продвинутый* в значении ‘находящийся на более высоком уровне, чем раньше; более совершенный’, *горячая точка*, *теневая экономика*, *отмыть деньги*, *мыльная опера*, *постельная сцена* и др. (подробнее об этом см. [Крысин 2004, 221–226]).

6. Социальная среда, через которую осуществляется заимствование и в которой происходит освоение иноязычной лексики: в XIX веке — дворянство и разночинцы, в XX — начале XXI — ученые, деятели культуры, дипломаты, журналисты, музыканты, спортсмены.

7. Сферы преимущественного употребления иноязычной лексики. В XIX веке — устная речь дворянства и разночинцев, художественная литература, литературная критика (ср. публицистику Герцена, Салтыкова-Щедрина, критические статьи В. Г. Белинского, Д. И. Писарева и др.), в XX веке — научная и техническая литература, средства массовой информации, в конце XX — начале XXI — журналистика, медицина, спорт, музыкальная поп-культура, Интернет (ресурсы, средства, жанры Интернета — блоги, форумы, чаты, компьютерные игры и т. п.).

Некоторые новые заимствования широко употребляются в устной речи: *лайк, селфи, троллинг* (ср.: **Троллинг** — вид общения, в котором один из участников — тролль провоцирует конфликт, оскорбляя других пользователей [Коробатов 2014]) и производное *троллить* и т. п. Кроме того, слова, взятые из других языков, могут оставаться приметами словоупотребления определенной социальной среды: ср. многочисленные англицизмы в современном студенческом жаргоне — типа *френд* (друг), *зафрендить* (подружиться), *герла* (девушка), *шузы* (ботинки, обувь вообще) и т. п.

8. Отношение общества к языковому заимствованию и к иноязычным словам. Сходство разных по времени этапов иноязычного влияния на русский язык и, в частности, заимствования иноязычных слов — в преобладании отрицательных и пуристических оценок. Но разница в том, кто их высказывает: в XIX веке — это как правило «одиночки»: писатели, общественные деятели, в XX-м не только деятели культуры и литераторы, но и журналисты, читатели газет, телезрители и др. Преимущественно пуристическое отношение к иноязычным словам, преобладавшее в течение XIX века (см. [Сорокин 1965, глава I, § 18]) и в первые десятилетия века XX-го (см. [Грановская 1996]) сменяется большей терпимостью в оценке вновь заимствуемых иноязычных слов, доходя до почти полного безразличия к использованию многочисленных новых американизмов или даже благосклонному их приятию — например, в молодежной и журналистской среде. Сравнительно недавно заимствованные слова *байкер, бренд, гендерный, грант, дауншифтер, инсайдер, конвертировать, каршеринг, креативный, памперсы, прайм-тайм, ресепшен, риелтор, роялти, селфи, смартфон, спичрайтер, стринги, трансгендер, тренд, хай-тек, экзитпол, экстрим* и многие другие имеют не только достаточно широкое

распространение (как в средствах массовой информации и в Интернете, так и в устной речи), но и попадают в современные толковые словари иностранных слов (см., например, [Захаренко, Комарова, Нечаева 2008; Крысин 2010; Шагалова 2017]).

9. Лексикографическое представление иноязычной лексики. В XIX веке иноязычные слова «растворены» в общих объяснительных словарях. В первые десятилетия XX века издана масса толковых словарей, где собраны только иноязычные слова (см. [Крысин 2004, 881–883]).

В соответствии с тенденциями, которые характеризуют развитие лексикографии в начале XXI века, происходит обогащение словарной статьи иноязычного слова новыми типами лингвистической и энциклопедической информации (подробнее об этом см. [Крысин 2004, 210–221]). Кроме того, современная практика составления и издания толковых словарей иноязычных слов сочетается с разработкой и публикацией терминологических словарей разных отраслей науки и техники, а значительную часть словника таких словарей занимает как раз иноязычная по происхождению терминология.

В подобном (подчеркну — только намеченном!) сопоставлении выявляются тенденции, которыми характеризуются процессы иноязычного влияния, но не жесткое противопоставление этих процессов во времени.

В заключение надо сказать, что иноязычное влияние на русский язык в конце XX — начале XXI века более многообразно и интенсивно, чем в предшествующие периоды его развития. Оно требует углубленного и детального изучения, учитывающего как сравнительно легко обнаруживаемые лексические заимствования, так и разные формы скрытого влияния других языков на русский — не только в лексике, но и, например, в словообразовании, синтаксисе, в использовании разного рода клишированных оборотов и конструкций.

Литература

- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982 (3-е издание). 528 с.
- Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX – XX вв. Ч. 1. Баку, 1996. 446 с.
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
- Коробатов Я. Связанные одной сетью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26215.3/3098536/> (дата обращения: 10.06.2021).
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 944 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 24-е изд. М.: Оникс, 2007. 640 с.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.: Наука, 1965. 565 с.
- Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС, 2017. 571 с.

References

- Granovskaya L. M. *Russkii literaturnyi yazyk v kontse XX – XXI vv. Ch. 1.* [Russian literary language at the end of the 19th – 20th centuries. Part 1]. Baku, 1996. 446 p.
- Korobatov Ya. [Linked by the same net]. 03.04.2014 Available at: <https://www.kp.ru/daily/26215.3/3098536/> (accessed 10.06.2021)
- Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [Russian word, native and foreign]. Moscow, Yazyki Slavyanskoï Kul'tury Publ., 2004. 888 p.
- Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 944 p.
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka. 24-e izd.* [Dictionary of Russian language. 24th ed.]. Moscow, Oniks Publ., 2007. 640 p.
- Shagalova E. N. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov* [Dictionary of the latest foreign words]. Moscow, AST-PRESS, 2017. 571 p.
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka.* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30–90s of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 565 p.
- Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov. 3-e izdanie* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th – 19th centuries. 3rd ed.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982. 528 p.
- Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. *Novyi slovar' inostrannykh slov. Izd. 3-e.* [New dictionary of the foreign words. 3rd ed.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p.

Из истории русского языка

О происхождении термина *крылатые слова* в русском языке

Андрей Викторович Растягаев¹, Юлия Владимировна Сложеникина²,
Самарский государственный институт культуры (Россия, Самара), avr67@yandex.ru¹, goldword@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170016216-6

АННОТАЦИЯ: В русской культуре и науке существует выражение *крылатые слова*, которое восходит к Гомеру. В русской литературе оно появилось в 1760 году благодаря переводу Василия Тредиаковского «Жития канцлера Франциска Бакона». Однако в XVIII веке словосочетание не пополнило лексику русского языка. Актуализация термина произошла только через 100 лет благодаря немецкому ученому Г. Бюхману — автору словаря «Крылатые слова». Немецкий словарь стал прецедентом для российских собирателей идиом. В 1896 году вышел словарь «Крылатые слова» С. Максимова, а в 1896 году — словарь «Ходячие и меткие слова» М. Михельсона. В настоящее время изучение крылатых слов представляет отдельное направление — крылатику. Исследование показало, что отсутствие в лингвистике единого понимания сущности явления обусловлено тем, что в разном историко-культурном контексте крылатыми были различные типы выражений. Во времена Гомера крылатое слово могло принадлежать только лицу, которое прямо или косвенно было связано с царским родом. Слово приравнивалось к делу и имело физическую силу воздействия. Олицетворением крылатого слова у греков выступала богиня Осса. По Овидию, неверная молва, болтовня наполняют человеческие уши, порождают только заблуждение, страх, раздор и ропот. Тредиаковский крылатыми словами называл Аристотелевы философские рассуждения, которые считал мертвыми и пустыми. Крылатые слова оказались востребованными русской культурой и наукой только во второй половине XIX века, потому что наступила эпоха осознанной эстетической игры с чужим текстом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикология, термин, терминология, крылатые слова, топика, тропы, идиомы

для цитирования: Растягаев А. В., Сложеникина Ю. В. О происхождении термина *крылатые слова* в русском языке // Русская речь. 2021. № 4. С. 85–96. DOI: 10.31857/S013161170016216-6.

From the History of the Russian Language

On the Origin of the Term *Krilyatye Slova* (Winged Words) in Russian

Andrei V. Rastyagaev¹, Julia V. Slozhenikina², Samara State Institute of Culture
(Russia, Samara), avr67@yandex.ru¹, goldword@mail.ru²

ABSTRACT: This article studies the idiom *krilyatye slova* (*pithy sayings, literally: winged words*), which is to be considered to be created by Homer. Homer used the phrase *ἔπεα πτερόεντα* in “Iliad” and “Odyssey” 104 times. The study made it clear that in the Russian literature the phrase appeared in 1760 thanks to Vasily Trediakovsky’s translation of “The Life of Francis Bacon”. However, in the 18th century, the phrase didn’t become a part of the vocabulary of the Russian language. The phrase *krilyatye slova* started being used actively only 100 years later thanks to the German scientist G. Büchmann, the author of the dictionary “Geflügelte Wrote”. The German dictionary became a precedent for Russian idiom collectors. In 1896 they published a dictionary “*Winged words*” by S. Maximov and in 1896 a dictionary “*Winged and apt words*” by M. Mikhelson. However, among Russian scientists, there is no common understanding what specific features winged words should have and what elements of language they are. In Homer’s times, a phrase could only be considered a ‘winged word’ if it belonged to a person who was directly or indirectly related to the royal family. The words were equated to the deed and had the physical force of impact. The goddess Ossa, or Fama, was the embodiment of the winged word among the Greeks. According to

Ovid, unfaithful talk, and chatter fill human ears, produce only untruth, delusion, futility, fear, discord, and grumbling. The Russian writer Trediakovsky called Aristotle's philosophical reasoning winged words, he considered them abstract and dead. Thus, the phrase winged words turned out to be in demand by Russian culture and science only in the second half of the 19th century because there came an era of conscious aesthetic play with preceding text.

KEYWORDS: lexicology, term, terminology, winged words, topos, tropes, idiom
FOR CITATION: Rastyagaev A. V., Slozhenikina Ju. V. On the Origin of the Term *Krilatye Slova (Winged Words)* in Russian. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 4. Pp. 85–96. DOI: 10.31857/S013161170016216-6.

Современные лексикологи выделяют крылатологию как раздел науки о языке, изучающий особый разряд фразеологических единиц — крылатые слова (далее — КС). КС заняли «прочное место в языке, став одним из маркеров современного культурного контекста» [Ломакина, Мокиенко 2019: 256–257].

В лингвистике в определение КС традиционно включаются следующие признаки: 1) устойчивость, воспроизводимость; 2) афористичность, образность, экспрессивность, эмоциональность; 3) общеизвестность источника происхождения, т. н. цитатная модальность (фольклорный, литературный, публицистический, научный, из речи исторических деятелей); 4) узуальное распространение [Бабкин 1970; Бельчиков 1990; Гудков 1999, 2020, Душенко 2007, Шишкина, Финкельштейн 1972; Шулежкова 1995 и др.]. О. В. Ломакина и В. М. Мокиенко сводят суть данного разряда языковых единиц к «главной характеристике — прямой зависимости от источника, их воспроизводимости и узнаваемости в готовом виде» [Ломакина, Мокиенко 2019: 256–257]. Однако, несмотря на существование множества терминов-вариантов, до настоящего времени квалификационные признаки КС являются дискуссионными, отсутствует общепринятое определение КС, специальные диахронные исследования генезиса и эволюции КС в русской лексикологии не проводились.

Выражение КС считается заимствованным из поэтического языка Гомера. Начало его функционирования в качестве термина связывают с именем немецкого ученого Г. Бюхмана в связи с выходом в свет в 1864 г. словаря «Крылатые слова» [Vüchmann 1864]. Само выражение в немецком

языке появилось благодаря поэту И. Г. Фоссу — переводчику «Илиады» (1793). Г. Бюхман счел находку Фосса продуктивной и предложил называть данным термином все виды крылатых единиц — словосочетания и выражения, которые вошли в речь из известного источника и закрепились в языке.

В русском языке термин стал применяться после выхода в 1890 г. книги С. В. Максимова «Крылатые слова». Автор в предисловии определяет КС как «принятые с чужих слов на веру, до такой степени общеизвестные, что во всякое время охотно пускаешь их на ветер» [Максимов 1890: 1]. М. И. Михельсон определял КС как «слова, вылетающие из уст говорящего» [Михельсон 1896: 174], отмечал их оригинальность, красоту формы, убедительность, многовековую авторитетность, принятие обществом [Михельсон 1896: I]. Со второй половины XIX в. в лингвистической науке стало складываться новое направление, занимающееся сбором, классификацией и фиксацией устойчивых выражений, основоположником которого можно считать Г. Бюхмана.

Однако новая традиция, ссылаясь на авторитет Гомера, все-таки не учитывала старую культурную традицию. Г. Бюхман перевел на немецкий древнегреческую фразу *ἔπεα πτερόεντα* (лат. *epea pteroenta*) — *geflügelte Worte*. С. В. Максимов ввел в отечественный научный оборот кальку с кальки — крылатые слова. Новая традиция была создана искусственно, механически, что привело к известным противоречиям в трактовке термина.

Большинство исследователей утверждает, что выражение КС прямо восходит к Гомеру. Подсчитана даже частотность его употребления — 46 в «Илиаде» и 58 в «Одиссее». Распространена точка зрения, что Гомер назвал «крылатыми» слова только потому, что они якобы в прямом смысле исходят из уст всякого говорящего и буквально на крыльях летят к ушам адресатов, т. е. выражение КС является стертой метафорой. Однако у Гомера крылатые слова не произносятся, а именно бросаются: «...αὐτὸς δ' αὐτ' Ὀδυσῆα προσαιΐζας λάβε γούνων, καὶ μιν λισσόμενος ἔπεα πτερόεντα προσηύδα...» («Сам подбежал к Одиссею, руками обнял его ноги / И, умоляя, к нему обратился с крылатою речью...» Пер. В. В. Вересаева) (Hom. Od. 22. 343–344).

Древнегреческая традиция овеществляла и материализовала слово, наделяла его свойством орудийности. На это качество указывал в речи «Общечеловеческие корни идеализма» в 1909 г. П. Флоренский: «Недаром древние эллины называли слово “крылатым”: бросишь крылатое слово — оно и летит, само настигая жертву» [Флоренский 1909: 413]. При интерпретации гомеровского текста можно увидеть в крылатом слове орудие возмездия. Слово становится подобным копью, дротику, разящему врага. Но вещественность гомеровского крылатого слова не порождает

художественной образности, поскольку имеет еще более древний генезис. По О. М. Фрейденберг, «слово первоначально означает древесный лист, птицу-небо (ср. крылатое слово), свет, воду; оно, как логос, означает космическую жизнь и миророждение» [Фрейденберг 1997: 122]. КС у Гомера — это не поэтический образ, не метафора в узколингвистическом смысле, а нечто принципиально другое: «...ἔτεα πτερύοντα προσήδα» — бросить крылатое слово может далеко не каждый и не в любой ситуации. Если реконструировать ситуативный контекст, то окажется, что крылатое слово может принадлежать только лицу, которое прямо или косвенно связано с царским родом: «богоравный» сын Одиссея — Телемах, царь Итаки, старый раб царицы Пенелопы — Долион и т. д.

Слово приобретает качество крылатого, когда оно произносится либо в присутствии богов, либо когда о них говорится. В разных ситуациях это может быть присутствие Афины Паллады, апелляция к суду богов, благодарность, обращенная к богам и т. п. КС не произносятся, а изрекаются, вещаются, возвышаются. Сочетание «возвысить голос» также лишено метафорической образности. Слово возвышается именно в пространственном понимании, обращается ввысь, к богам. По О. М. Фрейденберг, такое слово «полно высокого значения и доступно не всем, а только владыкам жизни, “царям-врачам-ведунам”» [Фрейденберг 1997: 122]. Если изначально говорить мог только космос-тотем, позднее — божество, то впоследствии право крылатого слова приобрели жрецы и цари. По-видимому, «крылатое» слово у древних греков латентным образом противопоставлялось «пешему», как позднее поэзия — прозе.

А. Ф. Лосев, рассмотрев вопрос о гомеровской метафоре, оспорил точку зрения М. Парри, считавшего тропы Гомера образцом топоса, традиционной неподвижности и схематизма [Parry 1933: 30–43]. Русский ученый вслед за В. Б. Стенфордом призывал рассматривать гомеровские метафоры с точки зрения их генезиса и эволюции: «...Гомер уже перешел на ступень чисто литературной метафоры, где Стенфорд весьма рельефно рисует разную степень метафоричности, наличную у Гомера. Одно дело — “какое слово вырвалось из ограда твоих зубов?” и другое дело — представление о летящем слове. “Ограда зубов” — это пока является почти буквальным предметом, в то время как представление слова в виде летящего живого существа уже, несомненно, глубоко метафорично» [Stanford 1936: 118–143; Лосев 1960: 160].

Олицетворением «летящего живого слова» у древних была богиня молвы Осса, которая приносила людям известия от Зевса. Это «богиня с крыльями и тысячею глаз, которыми все видит, и тысячею голосов, которыми все провозглашает. Земля родила ее в отместку богам за победу их над ее детьми-гигантами, чтобы эта богиня всюду рассказывала о неблагоприятных

проделках богов» [Михельсон 189: 173]. Именно Осса сообщает Телемаху об Одиссее в начале поэмы и разглашает по Итаке слух о гибели женихов Пенелопы в конце.

Влияние античной традиции заметно и в канонической книге Ветхого Завета — Екклесиасте: «Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальном комнате твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою» (Еккл. 10:20). Исследователи датируют книгу Екклесиаста III в. до РХ. Это время, «когда эллинизм заявил себя с самой отрицательной стороны, а распущенность приобрела необычайные размеры и формы» [Барсов 1993: 528]. Не случайно глава 10 книги Екклесиаста посвящена глупости и мудрости, царям и князьям. Крылатая птица, способная перенести сокровенные слова человека царям помимо его воли, генетически связана с античной Оссой, мстящей людям за их циничное равнодушие к слову.

Схожий образ Оссы, или Молвы (Fama), находим в XII книге «Метаморфоз» Овидия. По Овидию, неверная молва, болтовня, наполняющая человеческие уши, порождает только неправду, заблуждение, тщету, страх, раздор и попот (Ovid: XII.39 63).

В отечественной традиции Нового времени античная Осса утратила прямую связь с мифологией, но сохранила некоторые черты древнего первообраза, прежде всего крылатость. Это дало возможность нового осмысления выражения *крылатое слово*. Так, В. К. Тредиаковский, воспевавшая величие императрицы Анны Иоанновны, пишет мадригал:

Слава воспевает больше уж *крылата*,
Коль монарша здесь сала есть богата... [Тредиаковский 1963: 415].

В стихотворении появляется образ крылатой славы, что вполне объяснимо. С историко-этимологической точки зрения, лексемы *слово* и *слава* являются однокорневыми и в индоевропейском праязыке восходят к общему корню *k¹leu [Черных 2006: 173].

Позднее, в 1760 г., в «Житии канцлера Франциска Бакона» В. К. Тредиаковский обращается к античной традиции [Сложеникина, Растягаев 2012]. Здесь русский переводчик впервые использует само сочетание «крылатые слова» в терминологическом значении: «Наконец, по прошествии многих веков невежества и варварства, в коих пребывали без понятий и без познаний, явилась сия мечтательная Философия, которая, истончена бывши еще жарким образованием упражнявшихся в оной, забавляла людей понятиями скитающимися неопределенно, и чтоб так сказать, *крыластыми словами*, и повсему воздушными Идеями, безтелесными и несущественными» [Тредиаковский 1760: 108–109]. Вслед за Ф. Бэконом Тредиаковский обвинил Аристотеля в схоластике. Крыластые слова — все,

что осталось от философского знания Аристотеля, то, что Тредиаковский называет «Аристотельскими плетнями»: «Сей труд, худо расположенный и к концу преведенный нижними разумами, начинавшими дело выше своих сил, для того что многие из них не разумели еще и подлинника, вместо чтоб подать некоторую твердость знаний правильную и последовательную, производил смешение нестройное, сложенное из разных частей безобразных и несоединяемых. Самое большое худо, зделанное Схоластиками, и наибольшее препятствие от них произшествию знаний было в том, что они пренебрегли всеконечно познания естественныя, а ганялись за качествами сокровенными, за отвлечениями от вещества, и за другими словами, пустыми и не имевшими разума; и притом упражнялись в совопрошениях токмо что любопытных, бездельных, еще и смешных. Логика, или наука умствования, над которою они особливо потели, зделалась вскоре от их старания учением бесполезным, заплетенным, и не вразумительным» [Тредиаковский 1760: 109–110].

Очевидно, что под крылатыми словами Тредиаковский понимает слова отвлеченные, мертвые, пустые и непроницаемые. Они не только лишены разума и силы, но, наоборот, делают научную речь бесполезной, запутанной и невразумительной. П. Флоренский видел в подобных словах не творческое суждение, а только звук пустой, скорлупу, шелуху мысли, как у Тредиаковского — идея, выраженная крылатыми словами, бестелесная и бессущественная. В «Житии канцлера Франциска Бакона» философия Аристотеля превращается в мишень для едких замечаний и уподобляется мракобесию, которое неминуемо должно быть посрамлено философом-просветителем Ф. Бэконом. Для Тредиаковского крылья — это атрибутика и знак учения, состарившегося во мнениях, неопределенно скитающегося, оторванного от природного естества.

Тем не менее отечественная филологическая традиция начала отсчет употребления КС с немецкого составителя словаря Г. Бюхмана, употребившего термин на 104 года позже русского филолога. Очевидно, препятствием стали основные принципы художественного сознания XVIII столетия. По мысли А. В. Петрова, «для эстетического сознания XVIII в. проблема интертекста была прежде всего проблемой заимствования, “подражания образцам” и — шире — проблемой авторства» [Петров 2003: 159]. В. М. Живов определил XVIII столетие как эпоху «нормативной интертекстуальности Нового времени» [Живов 2001: 27]. В сознании пишущего и читающего цитата не воспринималась как точная выдержка из текста. Для человека данной эпохи цитата — готовая формула, топос, определяющий жанровую принадлежность. Именно поэтому во второй половине XVIII в. термин Тредиаковского «крылатые слова» не получил научно-го признания. Сходную ситуацию наблюдаем и в немецкой филологии,

когда переводы поэм Гомера, сделанные в 1781 и 1793 гг. И. Г. Фоссом, не привели к появлению в научном обиходе термина КС — выражение оказалось не востребованным носителями немецкого языка. А вот заглавие книги Г. Бюхмана, вышедшей во второй половине XIX в., напротив, быстро стало «крылатым», поскольку наступила эпоха осознанной эстетической игры с чужим текстом. Таким образом, КС появляются, множатся и начинают составлять особое цитатное пространство. Ко времени выхода словаря С. В. Максимова русскую разговорную и письменную речь обогатили строки Шекспира, Сервантеса, Крылова, Грибоедова, Пушкина и др. А с начала XX в. на первый план выдвигается трансформация КС. Интертекстуальность понимается как сознательная установка, выявляющая специфику крылатого поэтического образа, «его мимикрию, способность к метаморфозам» [Коваленко 2003: 420].

Попробуем с этих позиций объяснить современные проблемы изучения крылатых слов, обозначенные в начале работы. Современный термин, вырванный из трехтысячелетнего культурного контекста Г. Бюхманом, утратил связь со всеми ранее сложившимися традициями его употребления. Если связывать современный термин с исторической памятью эллинизма, то нужно помнить, что его исконное значение мотивировано либо мифологическим образом птицы-неба, либо образом крылатой богини Оссы (Молвы). В древней традиции под крылатым словом мыслилась фраза, слово-действие. Древнегреческая традиция при вторичной сакрализации вошла в старославянский язык: «кунантн — «взять кого-либо под защиту, защитить кого-либо от чего-либо» [Цейтлин и др. (ред.) 1999: 409]. Крылатым было слово, истинность и ценность которого подтверждалась присутствием богов или богоравных царей, оно летело в сакральном пространстве. Если следовать этой традиции, то за пределами группировки т. н. КС должны остаться номинативные единицы — слова и словосочетания, не выражающие законченную мысль. Крылатое слово, имеющее ритмизированную структуру, противопоставлялось прозаическому. Эти факторы также значительно ограничивают состав КС.

У Екклесиаста мифологема слова-птицы распалась на составляющие: слово стало принадлежностью человека, а птица, как подобие Оссы, посредницей между человеческим и сакральным. Она могла нести далеко не высокие помыслы. У Овидия функция Оссы наказывать людей за бездумное транжирство слов еще более усилилась. В трансформированном виде эти идеи находим и в традиции Нового времени: вслед за Тредиаковским крылатыми следует признать отвлеченные слова с выветрившимся смыслом, пересказанные без разумного и душевного усилия.

С точки зрения постструктурализма, понятие КС вообще становится абсурдным. Это направление философской и филологической мысли рассматривает человеческую культуру как единый интертекст, служащий основой всех появляющихся текстов. Основные положения постструктурализма сводятся к идее «смерти автора»: текст порождается сам по себе, индивидуальный текст растворен в явных и неявных цитатах [Ильин 2003: 307–309]. Сознание читателя нестабильно и неопределенно, а поиски цитат, из которого оно состоит, безнадежны. По Р. Барту, любое однажды сказанное слово становится цитатным: «...голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо» [Барт 1994: 384].

Поэтому, если подходить к изучению КС с позиций принципа историзма, смысл которого не в отыскании первоавторства термина, а в изучении проблемы с точки зрения конкретно-исторического содержания той или иной культурной эпохи (парадигмы знания), то необходимо учитывать различные предшествующие культурные дискурсы (практики) его употребления. Тогда оказывается, что выявленные противоречия в принципе неразрешимы, потому что функцию термина КС не выполняют.

Г. Бюхман, а вслед за ним и С. В. Максимов в своих сборниках объединили устойчивые единицы различного генеза, предложив достаточно субъективные их толкования. Такие сборники имеют право быть. Но они должны выполнять не строго научную, а научно-популярную, просветительскую функцию, быть материалом социолингвистического или литературоведческого научного исследования. Так и один из первых русских собирателей цитат, пословиц и метких выражений М. И. Михельсон, отмечая, что все эти «сентенции» коллекционировались с глубокой древности (Аристотель, Плутарх, Квинтилиан, Эразм Роттердамский), все-таки придавал им громадное образовательное значение, а читателями сборника видел любителей русской словесности, интеллигентное общество [Михельсон 1896: I].

Источники

Максимов С. В. Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до́ веку не сломится: По толкованию С. Максимова. СПб.: издание А. С. Суворина, 1890. 486 с.

Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. СПб.: типография Императ. Академии Наук, 1896. 618 с.

Тредиаковский В. К. Житие канцлера Франциска Бакона, перевел с французскаго на российский Василий Тредиаковский, профессор и член

Санктпетербургская Императорская Академии Наук. М.: Печатан при Имп. Московск. Университете, 1760. 161 с.

Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 571 с.

Флоренский П. А. Общечеловеческие корни идеализма: (пробная лекция) // Богословский Вестник. Т. 1. № 2. 1909. С. 284–297; Т. 1. № 3. С. 409–423.

Цейтлин Р. М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.). Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). 2-е изд. М.: Русский язык, 1999. 842 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. II. М.: Русский язык, 2006. 560 с.

Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des Deutschen Volks. 1. Auflage, Haude- und Spenersche Buchhandlung. Berlin, 1864. 292 p.

Parry M. The traditional metaphor in Homer. Classical Philology. Vol. 28, no. 1, 1933, pp. 30–43.

Stanford W. B. Greek metaphor. Oxford, 1936. 290 p.

Литература

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 261 с.

Барсов Н. И. Екклесиаст // Христианство. Энциклопедический словарь. В 2 т. М.: БРЭ, 1993. Т. 1. С. 527–528.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Мысль, 1994. С. 384–391.

Бельчиков Ю. А. Крылатые слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Я. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 246.

Гудков Д. Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.

Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: URSS, 2020. 200 с.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М.: Эксмо, 2007. 864 с.

Живов В. М. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 7–35.

Ильин И. П. Интертекстуальность // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПКи «Интелвак», 2003. Стб. 307–309.

Коваленко С. А. Крылатые строки (слова) // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПКи «Интелвак», 2003. Стб. 419–420.

- Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 256–272.
- Лосев А. Ф. Гомер. М.: Мин-во просвещения РСФСР, 1960. 345 с.
- Петров А. В. «Век» и «столетие» в поэтическом словоупотреблении XVIII в. (историзация художественного сознания и разрушение «нормативной интертекстуальности») // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сб. докладов междунар. научн. конф. Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года. Магнитогорск: МаГУ, 2003. С. 159–173.
- Слозеникина Ю. В., Растягаев А. В. Житие канцлера Франциска Бакона: биография Ф. Бэкона в уникальном переводе Василия Тредиаковского (1760 г.). Василий Кириллович Тредиаковский как мыслитель и переводчик. М.: URSS, 2012. 232 с.
- Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Шишкина И. П., Финкельштейн Р. В. Крылатые слова, их происхождение и значение. Л.: Просвещение, 1972. 168 с.
- Шулержкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 43 с.

References

- Babkin A. M. *Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology, its development and sources]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 261 p.
- Barsov N. I. [Ecclesiastes]. *Khristianstvo. Entsiklopedicheskii slovar'* [Christianity. Encyclopedic dictionary]. Moscow, BRE Publ., 1993, vol. 1, pp. 527–528. (In Russ.)
- Bart R. [The Death of the author]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. pp. 384–391. (In Russ.)
- Bel'chikov Yu. A. [Winged words]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, p. 246. (In Russ.)
- Dushenko K. V. *Slovar' sovremennykh tsitat. 5200 tsitat i vyrazhenii XX i XXI vv., ikh istochniki, avtory, datirovka* [Dictionary of modern quotations. 5200 citations and expressions of the 20th and 21st centuries, their sources, authors, dating]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 864 p.
- Freidenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p.
- Gudkov D. B. *Pretsedentnye imena i problemy pretsedentnosti* [Precedent names and the problems of precedentality]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1999. 152 p.
- Gudkov D. B. *Lyudi i zveri. Russkie pretsedentnye imena i zoonimy v natsional'nom mife. Lingvokul'turologicheskii slovar'* [People and animals. Russian precedent names and zoonims in the national myth. Linguocultural dictionary]. Moscow, URSS Publ., 2020. 200 p.

- Il'in I. P. [Intertextuality]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2003, pp. 307–309. (In Russ.)
- Kovalenko S. A. [Winged strokes (words)]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. A. N. Nikol'yukin. Moscow, Intelvak Publ., 2003. pp. 419–420. (In Russ.)
- Lomakina O. V., Mokienko V. M. [Krylatika in modern cultural context]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2019, vol. 10, no. 2, pp. 256–272. (In Russ.)
- Losev A. F. *Gomer*. Moscow, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1960. 345 p.
- Petrov A. V. [The “century” and “centenary” in 18th century poetical word usage (historicization of artistic consciousness and destruction of “normative intertextuality”).] *Intertekst v hudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse: Sb. докладов mezhdunar. nauchn. konf. Magnitogorsk, 12–14 noyabrya 2003 goda* [Intertext in artistic and publicist discourse: Collection of reports of international scientific conference, Magnitogorsk, 12–14 November 2003]. Magnitogorsk, MaSU Publ., 2003, pp. 159–173. (In Russ.)
- Shishkina I. P., Finkel'shtein R. V. *Krylatye slova, ikh proiskhozhdenie i znachenie* [Winged words, their origin and meaning.]. Lenigrad, Prosveshchenie Publ., 1972. 168 p.
- Shulezhkova S. G. *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ih istochniki i razvitie. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk* [Winged expressions of the Russian language, their sources and development. Dr. philol. sci. abstr. of diss.]. St. Petersburg, 1995. 43 p.
- Slozhenikina Ju. V., Rastyagaev A. V. *Zhitie kanclera Franciska Bakona: biografiya F. Bekona v unikal'nom perevode Vasiliya Trediakovskogo (1760 g.). Vasilii Kirillovich Trediakovskii kak myslitel' i perevodchik* [Life of the Chancellor Francis Bacon: Biography of F. Bacon in a unique translation by Vasili Trediakovski (1760). Vasilii Kirillovich Trediakovsky as thinker and translator]. Moscow, URSS Publ., 2012. 232 p.
- Zhivov V. M. [The XVIII century in the works of G. A. Gukovsky, not blighted by the Soviet chronos]. Gukovskii G. A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII v.* [Early works on the history of Russian poetry of the 18th century]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury, 2001, pp. 7–35. (In Russ.)

«Таежные сюрпризы» в детской прозе Михаила Деменка

Ирина Александровна Маринченко¹, Елена Васильевна Васильева²,

Дальневосточный федеральный университет (Россия, Владивосток),

irmarinchenko@yandex.ru¹, biblioussdvfu@bk.ru²

DOI: 10.31857/S013161170016217-7

АННОТАЦИЯ: Творчество писателя-натуралиста Михаила Степановича Деменка (1937–2016 гг.) внесло значительный вклад в развитие природо-ведческой литературы о Приморском крае. Жизнь и профессиональная деятельность писателя всегда были связаны с уссурийской тайгой: он работал лесным инженером, главным лесничим, директором лесхоза в Анучинском районе Приморья. Тайга стала главной темой его научно-художественной прозы для детей. Сборник рассказов «Птичий секрет» (Владивосток, 1987) знакомит школьников с местной флорой и фауной. Михаил Деменок делится впечатлениями о необычных встречах с таежными обитателями, описывает внешний вид и повадки диких животных и птиц, рассказывает о происхождении их названий, бытующих в речи местных жителей. Богатый познавательный материал вводится в тексты рассказов с помощью конструкций разговорного синтаксиса: элементов диалога, вопросно-ответных конструкций монологической речи, риторических вопросов; вводных слов; неполных, эллиптических и парцеллированных предложений и предложений с частицами и междометиями. Автор использует изобразительные возможности эпитетов, сравнений, метафоры, олицетворения для визуализации таежных реалий. Эмоционально-оценочная и стилистически маркированная лексика усиливает экспрессивность повествования. Природоведческий материал реализуется в форме загадки или парадокса, помогая читателю устанавливать закономерности и взаимосвязи в мире природы, открывать новые грани окружающей действительности.

Статья посвящена исследованию приемов лексической и синтаксической организации речи, из которых складывается авторская «стистика открытий» в произведениях Михаила Деменка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: детская природоведческая литература, Михаил Степанович Деменок, диалогизация речи, разговорный синтаксис, разговорная лексика, компаративная конструкция, компаративный троп, эмоционально-оценочная лексика

для цитирования: Маринченко И. А., Васильева Е. В. «Таежные сюрпризы» в детской прозе Михаила Деменка // Русская речь. 2021. № 4. С. 97–107. DOI: 10.31857/S013161170016217-7.

The Language of Fiction

“Taiga Surprises” in Children’s Prose by Mikhail Demenok

Irina A. Marinchenko¹, Elena V. Vasil’eva², Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok),
irmarinchenko@yandex.ru¹, biblioussdvfu@bk.ru²

ABSTRACT: The work of the naturalist Mikhail Stepanovich Demenok (1937–2016) made a significant contribution to the development of natural science literature about the Primorsky Territory. The life and professional activities of this writer were always linked with the Ussuri Taiga: he worked as a forest engineer, chief forester, director of a forestry enterprise in Anuchinsky region of Primorye. Taiga became the main theme of his stories for children. The book of stories “Bird’s Secret” (Vladivostok, 1987) introduces schoolchildren to the flora and fauna of taiga, describes the habits of wild animals and birds, their exterior and habitat. The author introduces rich cognitive material into the stories through elements of dialogue, question-and-answer structures of monologue speech, rhetorical questions, parenthetical words, parceled and inserted syntactic constructions, incomplete sentences and sentences with interjections and inversion of verbs. The author uses the visual capabilities of epithet, simile and metaphor to visualize taiga realia. Thematic and stylistic variety of vocabulary also plays an important role in the creation of an expressive image of nature. The natural science material

is presented in a form of a riddle or a paradox, helping the reader to establish patterns and relationships in the natural world, to discover new facets of the world around us. The article is devoted to the study of syntactic and lexical features of speech that make up a unique "sense of discovery" in the works of Mikhail Demenok.

KEYWORDS: natural science literature for children, Mikhail Stepanovich Demenok, dialogization, speech syntactic construction, spoken language, comparative construction, comparative trope, emotionally evaluative vocabulary

FOR CITATION: Marinchenko I. A., Vasil'eva E. V. "Taiga Surprises" in Children's Prose by Mikhail Demenok. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 4. Pp. 97–107. DOI: 10.31857/S013161170016217-7.

Познавательная книга играет важную роль в жизни ребенка, рассказывая об окружающей действительности и способствуя расширению детского кругозора. Особое место в познавательном чтении занимает природоведческая тема: в научно-художественной прозе для детей содержится богатый познавательный материал, который аккумулирует знания человека о природе, развивает эстетическое восприятие мира и нравственное отношение к нему. У каждого автора есть свои излюбленные приемы передачи накопленных природоведческих знаний в тексте — именно они создают неповторимый стиль произведений И. И. Акимушкина, В. В. Бианки, Б. С. Житкова, К. Г. Паустовского, М. М. Пришвина, Г. А. Скребицкого, Н. И. Сладкова и других детских писателей-натуралистов.

Описание природы является одной из основных тем в творчестве приморского писателя Михаила Степановича Деменка (1937–2016 гг.). Его жизнь и профессиональная деятельность всегда были связаны с тайгой. Работая лесным инженером, главным лесничим, директором Анучинского лесхоза, Михаил Деменок регулярно делал фенологические наблюдения в таежных урочищах, где «вонзаются в небо островерхие ели и кедры, под дремучими кронами которых весело зеленеют юные кедрушки и елочки» (с. 63)¹, и в просторной Арсеньевской долине, где «перелески чередуются с прогалинами и луговинами, где стайками разбежались березки» и «отсвечивает небесной синевой, сверкает россыпью солнечных лучей извилистая лента реки Арсеньевки в купах ивняка» (с. 18). А еще на протяжении многих лет он записывал рассказы знакомых лесников

¹ Здесь и далее цит. по изд. [Деменок 1987].

и собственные впечатления о необычных встречах с животными и птицами. Эти «странички блокнота с записями таежных сюрпризов» (с. 79) легли в основу научно-художественной прозы М. С. Деменка.

Сборник детских рассказов «Птичий секрет», выпущенный Дальневосточным книжным издательством в 1987 году [Деменок 1987], знакомит читателей с природой Приморского края. Пятьдесят шесть коротких рассказов описывают флору и фауну Анучинского района. В предисловии к изданию говорится, что книга представляет собой «своеобразный лесной календарь, из которого можно узнать много поучительного и интересного о жизни таежных обитателей: о находчивых барсуках и королевском уже, о воздушной акробатке вороне и об отчаянном кабане в ледяной кольчуге» (с. 2). Рассказы адресованы школьникам 6–12 лет, чье восприятие отличается «созерцательной любознательностью» [Подласый 2003: 70], а мышление и память носят преимущественно эмоционально-образный характер. В этом возрасте, по мнению психологов, активно проявляется интерес ко всему яркому, необычному, желание сравнивать, находить сходные и отличительные черты, причинно-следственные зависимости, чтобы «познать прекрасный мир чудес» [Подласый 2003: 77].

Михаилу Деменку понятна и близка детская страсть к новым впечатлениям. Недаром опытный лесничий, образ которого объединяет все произведения сборника «Птичий секрет», изо дня в день обходит «свои заветные лесные уголки за Анучино» (с. 18), присматриваясь и прислушиваясь к сигналам, которые подает природа: *Вот таежную тропинку вдоль и поперек прочертили волнистые бугорчатые бороздки. Здесь поработал санитар земли — неутомимый крот, уничтожая личинок, вредителей леса. Возле трухлявого ствола разбросаны восковые шарики. На земле крестиками отпечатаны следы птицы. Осиное гнездо разорил пернатый хищник — ястреб-осоед. Совсем рядом из черемуховых зарослей полились звуки флейты: «Фиул-фиул». Это поет иволга* (с. 30). Автору доставляет удовольствие изучать жизнь тайги, разгадывать ее загадки и делиться знаниями со своими читателями. Знакомясь с книгой, школьники вовлекаются в активный процесс научного познания природы, постижения ее свойств и закономерностей. Каждый рассказ о среде обитания, пищевых привычках, формах взаимодействия и конкуренции диких животных представляет собой маленькое открытие, происходящее на наших глазах. Введение познавательного материала в тексты рассказов осуществляется с помощью различных приемов лексической и синтаксической организации речи, из которых складывается своеобразная «стилистика открытий».

Речевое взаимодействие с читателями строится в форме монолога, прагмалингвистические характеристики которого соответствуют жанрам короткого рассказа и фенологического очерка, а также коммуникативному

намерению рассказчика представить тайгу во всей полноте — такой, как он видит ее ежедневно и какой она хранится в памяти других людей.

Наиболее типичным коммуникативным регистром речи в сборнике «Птичий секрет» является репродуктивный: в нем «...говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний...» [Золотова (ред.) 2004: 29]. Репродуктивный регистр речи используется как средство текстовой проекции особенностей восприятия действительности автором высказывания. Так, например, глаголы движения в форме настоящего времени, непосредственно отражающие действия говорящего, придают повествованию черты репортажа: *Иду по становому хребту горы Шишканиха среди заиндевших таежных великанов — кедров, дубов, похожих издала на гигантские кораллы. Вхожу на ровную как стрела просеку. <...> Стою, отдыхаю, слушаю мартовский лес* (с. 5); *Поднимаюсь на вершину сопки Космос, что в Муравейском лесничестве, прозванную так анучинскими лесорубами за труднодоступность и головокружительные спуски, подъемы, виражи лесовозной дороги. <...> Смотрю на серую ленту дороги, которая вьется по косогорам, и дух захватывает* (с. 55); *Шагаю по пойме ключа Высокого и люблюсь узорными кружевами из пушистой изморози на заиндевших деревьях* (с. 75).

Зачин частей текста, рассказывающих об интересных явлениях и закономерностях таежной жизни, отличается многообразием форм чужой речи (прямая, косвенная речь, вводные слова и т. д.), в которой источником знаний о природе родного края выступает опыт наблюдений и воспоминания самого писателя и его земляков: лесников, охотников, пчеловодов. В подобных историях раскрываются грани взаимодействия человека и животных: *Дед Егор глянул на солнце и сказал, что скоро прибежит мать кормить малышей. И верно, через некоторое время возле нашего улья появилась бурундучиха с пучком зеленой травки в зубах* (с. 40); *Среди сеянцев кедра неторопливо расхаживали куры и деловито склевывали кузнечиков. — Говорят, что гуси Рим спасли. Правда ли это — не знаю. А вот что мои пеструшки питомник уберегли, это точно, — довольно улыбнулся дед Егор* (с. 46); *Помнится, в разгар сенокосной страды молодые косари по совету, а то и по приказу старших, привязывали к конным косилкам жердочку. В то время как жатка двигалась по лугу, жердочка мягко скользила по изумрудной траве, вспугивая перепелок с гнездовий и не давая им попасть под лезвие косы* (с. 75). Читатели узнают, как повадки обитателей тайги повлияли на происхождение некоторых названий, бытующих в речи местных жителей: *В урочище Гордеевской речки, что извиляется между сопок, где отсвечивает небесной синевой ключевая вода в бочажках-разводьях, есть одно примечательное место под названием Белкины бревна... По словам*

старожил-очевидцев, здесь полвека назад промчался пал... А после налетел ураганный ветер и повалил кедры с гроздьями спелых шишек. В кронах поверженных таежных великанов и нашли приют себе сотни белок (с. 63).

Различные стилистические функции присущи конструкциям **внутренней речи повествователя**. Столкнувшись с чем-либо загадочным или необычным, рассказчик старается проникнуть в его суть. Такие размышления приобретают форму внутреннего монолога: *Возле ручья я обратил внимание на круглые вмятины, что извилисто тянулись в сторону противопожарной полосы. В одном месте следы пересекали цепочку оледенелых «стаканчиков» — косуля пробежала рано утром. И вмятины повели в сторону, куда убежала лань. «Постой, постой, так это же волки! Редкие гости! Давненько их не было в нашем лесу!» (с. 79).* Догадка, в отличие от описательной части, оформляется как прямая речь, что позволяет автору фонетическими, лексическими и грамматическими средствами более экспрессивно передать удивление, вызванное неожиданным появлением волков на этом таежном кордоне.

В сборнике «Птичий секрет» нет традиционного для детской литературы героя-сверстника, поэтому Михаил Деменок наполняет монологическую речь элементами **диалога**, создающими атмосферу живого доверительного общения с читателями. **Вопросно-ответные конструкции в монологической речи** облачают познавательный материал в форму эвристической задачи, загадки или парадокса. Вопросы к самому себе — это возможные варианты решений на этапе оценки непонятого явления. Более пристальное наблюдение позволяет автору-повествователю прийти к правильному заключению: *На зернистом снегу свежее вмятины со штришками — следки косули; **рассыпаны брусничные капельки**. Кровь?! Наверное, косуля в опасности? Наклонился — и невольно улыбнулся: **алые шарики ягод омелы, лесного полупаразита**, я принял за капли крови (с. 86); *И вдруг впереди, внизу, метрах в ста, замечаю какой-то **подозрительный рыжий предмет, похожий на трухлявый пенёк**. Но тогда почему же на нем нет белой шапки снега? Похоже, что это изюбр. Потихоньку крадусь к нему. Вдруг ясно различаю — **это тигр!** (с. 96).**

В диалог включаются сведения о происхождении названий зверей и птиц:

- Лис, наверно, пожаловал в гости, — сказал лесник, заглянул в кусты и замер в недоумении. — Уж приполз, — прошептал он.
- **Это королевский уж**, — пояснил я, подойдя к нему.
- Почему королевский?
- **Такое имя ему дали натуралисты за яркую и нарядную расцветку кожи. Вон как блестят и переливаются зеленые, желтые и коричневые пятна на его приплюснутой голове (с. 22).**

Беседы с опытными таежниками содержат полезные сведения о климатических явлениях природы, основанные на народных приметах:

- *Ох и снежной нынче будет зима!*
- *По каким приметам судите?*
- *А вот как высоко поднялась изморозь на плакун-траве* (с. 58).

Активизируют внимание читателей, побуждая их к совместному размышлению, синтаксические и лексические средства живой разговорной речи (**риторические вопросы, разговорные слова и выражения, междометия, частицы** и т. д.): *Просто в голове не укладывалось: как смогла маленькая белка заготовить столько мха и надрать с липок лыка?* (с. 32); *Если бы и появились в пойме лесные обитатели, то, спрашивается, чем бы они питались?* (с. 82); *Фу! У ключа, где искрилась иссиня-черная верховодка, треснул сучок* (с. 83); *На глинистой земле вокруг черного, потрепанного ствола дерева — круглые знакомые вмятины, а у черного зева дупла — рыбы кости. Неужто енот-рыболов?* (с. 12).

Радостное волнение при встрече с удивительным передает **эмоционально-оценочная лексика, экспрессивные конструкции с частицами** (*вот так, так это/же/ и др.*), **вводные слова** (*оказывается, значит, видно и др.*) и **восклицательная интонация**: *Вот так диковина, первый раз вижу голубиное гнездо на земле!* (с. 27); *Что за диво лесное — этот солнечный цветущий луг!* (с. 46); *Так вот, оказывается, какие на самом деле эти сосны: безводье и засуха им нипочем!* (с. 49); *Вечером того же дня вспугнул на пойме ключа вальдшнепа — и это после продолжительных заморозков-утренников!* (с. 79).

Ряды однородных членов усиливают выразительность описаний, показывая сказочные природные богатства края: *Передо мной расстился луг-суходол: такое полыхало разнотравье и разливался нежный аромат от розовых и желтых лилий, красных пионов, белых соцветий калины и чубушника, что и уходить не хотелось* (с. 46); *У подножья сопки тропа обрывается. Лиственные деревья смешались с хвойными. Словно щупальцами осьминогов, обвиты они лианами винограда, лимонника, актинидии* (с. 32); *Склоны сопки поросли дубняком, липой, березой, кленом, осиной. В неширокой пойме встречаются рощи бархата и ореха* (с. 95); *Надо было видеть, с каким азартом к соснам сбегались со всех сторон вездесущие белки, слетались сойки, дятлы, поползни, синички и с каким рвением вся эта братия набрасывалась на спелые шишечки, вылуцивая жирные, вкусные семечки* (с. 49).

Атмосфера непринужденного общения поддерживается также благодаря использованию **бессоюзных, неполных, эллиптических и парцелированных конструкций, синтаксического параллелизма**. Образное описание деталей усиливает художественную конкретизацию изображаемого: *Меж снежной навеси — ожерелья розовых шишек* (с. 73);

*Белки сейчас не видно — сидит в гнезде, укутавшись, как шалью, пушистым хвостом (с. 73); Кабанов этой зимой мало — нет корма (с. 96); Пройдет по полосе человек — **видать**. Зверь **прокопытит** — тоже видно. А, случись, **полыхнет** огонь — он тут же **наскочит** на преграду, **захлебнется** (с. 92); Утята шумно забили крыльями и, обдавая себя **дождем брызг**, бросились к зарослям. За ними погнались лисята. Но безуспешно (с. 69).*

Сборник детских рассказов «Птичий секрет» наполнен яркими ассоциациями, достаточно нетривиальными сравнениями, метафорами, эпитетами. Средства изобразительности усиливают выразительный и предметно-вещественный аспекты речи, придавая «такую степень ее предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления» [Сковородников, Копнина 2011: 256]. Меткость авторского взгляда на мир природы особенно видна в **компаративных структурах и тропах**, где результаты познания приобретают форму сравнения, аналогии, тождества, уподобления и т. д. Подмеченные автором качества животных и растений лежат в основе обновления их стереотипных характеристик. Неожиданные, порой комичные образы сравнения привлекают внимание, вызывают эмоциональный отклик у читателя, способствуя усвоению сложного природоведческого материала. Так, писатель сравнивает факты из мира дикой природы с профессиональной деятельностью современного человека и делает это в шуточной форме. Дербенник иволжистый (плакун-трава) за свое умение чутко реагировать на влажность воздуха получает название травы-синоптика в одноименном рассказе: *Сколько выпадет снега зимой? На этот вопрос могут ответить, пожалуй, только **синоптики**. Но, оказывается, в уссурийской тайге растет **травянистое растение, по которому опытные таежники с первыми заморозками определяют толщину будущего снежного покрова** (с. 57). Охотничьи повадки вороны ассоциируются с цирковой эксцентрикой: *Ворона на моих глазах в который уж раз выронила яйцо из клюва, потом спланировала вниз, схватила его на лету когтями, а пролетев немного, повторила все сначала. «**Не ворона, а воздушная акробатка**», — подумал я (с. 15). Манера кабанов добывать пищу напоминает рассказчику технологию бурения горных пород и вызывает восхищение находчивостью и сноровкой животных: *Уткнув длинные морды в землю, кабаны один за другим вставали на дыбы и, стоя на передних ногах почти вертикально, энергично ввинчивались клыкастыми мордами в почву. Под тяжестью туловища кабаны добирались до лакомых корешков бобового растения леспедецы. **Геологи-бурильщики, да и только!** (с. 62).***

В предложениях с **лексемами сравнительной семантики** отмечают тонкие детали сходства и различий между представителями царства

животных: *Передний* (волк. — И. М., Е. В.) был рослым, с крупную овчарку. Да он и **походил** на нее: **такая же** широкая серая мускулистая грудь, **такие же** стоячие, как у овчарки, уши. Бежавший следом легкой рысью другой волк был **поменьше** ростом и **совершенно отличался** от первого окрасом, он был красновато-рыжий, как шакал (с. 80); Присмотрелся — небольшой зверек! **Ни дать ни взять** белый пушистый колонок: **такая же** острая мордочка, **такие же** быстрые движения, **только** размером **меньше** почти в два раза. Это был горноста́й (с. 78).

Компаративность на уровне словообразования выявляется в сложных прилагательных с образом сравнения в их структуре: *Вот пахнула волна сырого, прохладного воздуха, и вокруг замельтешили карминово-красные резные листья кленов* (с. 52); *Передо мной у кромки тропинки лежала охристо-рыжая шкурка косуленка, слегка притрушенная мелкозернистым снежком-поземкой* (с. 91); *Я легонько потряхнул березку, и мне на голову посыпались бочкообразные сочные плоды актинидии* (с. 53); *Верхушка каждого деревца была увенчана одной или двумя кустистыми шарообразными омелами* (с. 86); *В гуще ее лавроподобных листочков копошились серые птицы с хохолками, время от времени издавая мягкие звуки* (с. 86).

Изобразительные возможности **метафоры** позволяют писателю в наглядной форме передать личные наблюдения о переменчивом приморском климате и живописных ландшафтах края: *Капризен в тайге ноябрь, последний месяц осени. Погода крутит, ломается. За день десять перемен: то улыбочиво светит солнце, хоть в пору багульника расцветать, то вдруг налетит темная косматая туча, обложит полнеба — и застрочит холодный дождик, который постепенно переходит в мокрый снег* (с. 71); *За ночь ветер-северик начисто вымел и надраил до радужного блеска ноздреватый лед на речке Арсеньевке* (с. 101); *В тот же день я показал художнику заветные лесные уголки за Анучино: Черепашье озеро, обрамленное изумрудными купами ивняка; крутолобые сопки с вечнозелеными гривами могильных сосен и гирляндами огней цветущего багульника...* (с. 20); *Слева толпятся гряды сопок Партизанской долины, окутанной в синеватую дымку: среди них особенно выделяется заснеженная шапка Педана. Справа как на ладони лежит Арсеньевская долина* (с. 74).

Используя переплетения сравнений и компаративных тропов, Михаил Деменок рассказывает о разнообразии форм и размеров «лесных домишек» обитателей тайги: *Иду по редколесью, смотрю: на развилке козьей ивы сложены крест-накрест сухие хворостинки — старое гнездо-решето дикого голубя* (с. 27); *В пышной раскидистой кроне кряжистого дуба темнело гнездо, похожее на мохнатую шапку. Из гнезда то и дело высывалась голова коршуна с черноватым клювом* (с. 27); *На рогатулине подвешена корзиночка — гнездо певуны (иволги. — И. М., Е. В.)* (с. 31); *Не сидится*

в **гнездах-шарах**, сделанных из веточек и мха, попрыгуньям-белкам (с. 72); В развилке ствола сереет **шерстяной комочек гнезда**, в котором шевелятся желтоватые головки дроздят (с. 32); Среди поваленного сушняка-буреломника **горка слежавшихся веток** — бывшая **постель** дикой свиньи и ее полосатых детенышей (с. 32); Сделано оно (**гнездо** ежа. — И. М., Е. В.) просто: туго сбитая **копнушка сухой травы размером с футбольный мяч** — вот и все сооружение (с. 24).

Автор включает в текст бытующие в народе меткие прозвища-характеристики животных: **бурундук** — **полосатик**, **сова** — **лупоглазая**, **сорока** — **стрекотунья**, **енот** — **рыболов**, **медведь** — **древолоз**, **птица дубонос** — **черноголовый кузнец**, **тигр** — **кабаний пастух** и др.: Вдруг замечаю на рассыпчатой влажной дресе отпечатки круглых когтистых лапок: **лесная собака** — **енот** покинул свое зимнее убежище (с. 11); Возле кустов орешника юркнул зверек. По буроватой окраске меха с продольными полосками нетрудно узнать в нем **бурундука**. **Полосатик** заготовливал корм: собирал лещинные орешки, набивая ими свои защечные мешочки (с. 61); Еще издали увидел знакомую вершину кедра, а рядом, радуя глаз, тянулся к солнцу разлапистый кедровый подлесок! Значит, славно поработал **черноголовый кузнец-дубонос!** (с. 67). Свойство ворон преодолевать привычную осторожность, чтобы заполучить ценный корм, также находит отражение в многочисленных прозвищах птицы: За долгие годы работы в тайге мне приходилось видеть **ворон-воровок**, раскапывающих снег и поедающих спрятанную охотником тушу зверя; и **ворон-грабительниц**, разоряющих птичьи гнезда; и ворон, подобно орлам, нападающих на зайчат; и ворон, отлавливающих лягушат в лужах... А этих иначе и не назовешь, как **вороны-мышеловки** (с. 90).

Конструкции тождества, в которые включаются слова ограниченной сферы употребления, обогащают словарный запас читателей сборника «Птичий секрет»: **Глубокая тропа** — **наброды** — на ноздреватом мартовском снегу уходит в сторону горы Шишканиха (с. 9); Из его рассказа выяснилось, что в мое отсутствие в питомнике появились опасные вредители — **древесные кобылки**. Те самые **кузнечики**, на которых хорошо берется чебак, сиг, ленок (с. 46).

Обзор приемов синтаксической и лексической организации речи, которые используются для введения природоведческого материала в сборнике рассказов «Птичий секрет», показывает, что автору важно не только поделиться интересными наблюдениями из жизни обитателей тайги, но и вовлечь школьников в процесс активного исследования природы, разделить с ними радость открытий. Атмосферу непосредственного общения обеспечивают приемы диалогизации речи, передающие ход и логику рассуждений рассказчика. Это многочисленные конструкции прямой и косвенной речи, вопросно-ответные конструкции монологической речи,

риторические вопросы; бессоюзные, неполные, эллиптические и парцеллированные предложения. Для выражения экспрессии используется эмоционально-оценочная и стилистически маркированная лексика: просторечные и разговорные слова, вводные конструкции, экспрессивные конструкции с частицами и междометиями. Игровой характер представления познавательного материала в форме загадки или парадокса усиливает его эмоциональное и интеллектуальное воздействие на читателей. Яркие запоминающиеся образы таежных реалий возникают благодаря разнообразным компаративным структурам и тропам, отражающим взгляд писателя на мир природы. Такое сочетание синтаксических и лексических средств организации речи и создает авторскую «стилистику открытий» в детской природоведческой прозе Михаила Деменка.

Литература

- Деменок М. С. Птичий секрет: Рассказы о природе. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1987. 104 с.
- Золотова Г. А. (ред.). Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
- Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов. М.: Владос, 2003. 368 с.
- Сковородников А. П., Копнина Г. А. Образность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 255–257 [Электронный ресурс]. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (дата обращения: 09.06.2021).

References

- Demenok M. S. *Ptichii sekret: Rassказы o prirode* [Bird's secret: Stories about nature]. Vladivostok, Far Eastern Book Publ., 1987. 104 p.
- Podlasyj I. P. *Pedagogika: 100 voprosov – 100 otvetov* [Pedagogy: 100 questions – 100 answers]. Moscow, Vldos Publ., 2003. 368 p.
- Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. [Figurativeness]. Kozhina M. N. (ed.). *Stilisticheskii enciklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011, pp. 255–257. (In Russ.) Available at: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (accessed 09.06.2021).
- Zolotova G. A. (ed.). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS Publ., 2004. 544 p.

Образное поле «музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен»

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zoyp@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170016218-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается функционирование единиц образного поля «Музыка» в тексте романа Е. Водолазкина «Брисбен». Это поле носит в произведении текстообразующий характер и рассматривается в нем как ключевое. В этом поле объединяются слово *музыка* и его производные, названия музыкальных инструментов, наименования музыкальных жанров, наименования музыкальных темпов, интервалов, способов извлечения звука, приемов игры, названия музыкальных произведений и другие музыкальные термины. Эти лексические единицы подвергаются в тексте метафоризации или входят в состав сравнений, а также выступают как предметы сравнения в компаративных конструкциях. Показано, что употребление метафор и сравнений с этими единицами связано с композицией романа и служит средством сопоставления разных временных планов в нем. Делается вывод, что для плана прошлого (детства и юности героя) характерно использование музыкальных терминов как образов сравнения при изображении мира звуков; при этом передаются непосредственные впечатления персонажа. В повествовании о настоящем героя преобладают, напротив, компаративные конструкции, в которых единицы поля «Музыка» употребляются как предметы сравнения, характеризующие исполнительскую деятельность музыканта. Высокая степень интенсивности и эмоциональной напряженности метафор и сравнений, используемых в рамках темпо-

рального плана настоящего, существенно отличается от образных характеристик в контекстах, посвященных прошлому героя, и отражают его эволюцию. Отмечается, что функционирование единиц образного поля «Музыка» связано в романе с развитием его сквозных тем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора, сравнение, компаративная конструкция, образное поле, текстообразующая роль, темпоральный план, роман Е. Водолазкина «Брисбен»

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Образное поле «музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Русская речь. 2021. № 4. С. 108–119. DOI: 10.31857/S013161170016218-8.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX — начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

The Language of Fiction

Figurative Field “Music” in the Novel “Brisbane” by E. Vodolazkin

Natalia A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow),

ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the functioning of the units of the image field “music” in the text of the novel “Brisbane” by Eugene Vodolazkin. The images connected to music have a text-forming nature in the novel. The image field ‘music’ includes the word *music* itself and its derivatives, names of musical instruments, names of musical genres, musical tempos, intervals, methods of sound extraction, playing techniques, names of musical works and other musical terms. These lexical units are subject to metaphorization in the text or are part of similes, and act as objects of comparison in comparative constructions. It is shown that the use of metaphors and similes

with these units is associated with the composition of the novel and serves as a means of comparing different tenses in it. The article shows that the past (the childhood and youth of the hero) is characterized by the use of musical terms as images of comparison when depicting the world of sounds; it helps to convey the impressions of the character directly.

In the story of the hero's present, on the contrary, prevail musical images that are used as comparative constructions that characterize the performing activity of a musician. The high degree of emotional intensity of metaphors and similes used within the present tense differs significantly from the figurative characteristics in contexts dedicated to the hero's past and reflect his evolution. It is noted that the functioning of the units of the image field "music" is associated in the novel with the development of its pervasive themes.

KEYWORDS: metaphor, simile, comparative construction, figurative field, text-forming role, temporal plan, E. Vodolazkin's novel "Brisbane"

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Figurative Field "Music" in the Novel "Brisbane" by E. Vodolazkin. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 4. Pp. 108–119. DOI: 10.31857/S013161170016218-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project 19-512-23004 "Metaphorical picture of the world of modern Russian and Hungarian prose of the late XX – early XXI century (comparative analysis)".

Музыкальные термины неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов. Так, в работе Н. Г. Ткаченко представлена тематическая классификация музыкальных терминов, прослежена их история [Ткаченко 1998]. В исследовании О. Н. Надольской описано функционирование в русском языке терминологии музыкального исполнительства [Надольская 2021]. Исследовалось метафорическое употребление музыкальных терминов. В работе С. Б. Козинца и К. А. Соломатина был рассмотрен процесс метафоризации ряда музыкальных терминов (*аллегро, бекар, стаккато, крещендо, диминуэндо, форте, каденция, контрапункт, синкопа* и др.) [Козинец, Соломатин 2011] на материале современной публицистики и художественной прозы. В работе А. Г. Сидоровой, посвященной интермедийности современных художественных текстов, отмечается музыкальная метафорика [Сидорова 2006]. В исследовании

Д. Е. Хохонина на широком языковом материале дано описание музыкальной метафоры в русском языке и выделены основные направления метафорических переносов в этой сфере [Хохонин 2015]. Рассматривалось также метафорическое представление самих музыкальных реалий. Например, в работе О. С. Камышовой проанализированы метафорические обозначения музыки и музыкантов [Камышова 2008]. Особое внимание уделялось музыкальной метафоре в поэтической речи: изучалось тропеическое функционирование музыкальной лексики в русской лирике, в отдельных поэтических идиостилях [Гервер 2001; Кожевникова 1986; Петрова 1998; Давыдова 2006; Макарова 2020 и др.]. В то же время недостаточно исследовано употребление музыкальных терминов в роли метафор и сравнений в русской прозе. Не определены их функции в конкретных текстах с учетом индивидуально-авторских стиливых особенностей.

В современной русской прозе выделяются произведения, в которых семантическое поле «Музыка» играет текстообразующую роль. К таким произведениям относится роман Е. Водолазкина «Брисбен» (2018), главным героем которого и повествователем является музыкант. Неслучайно критики сравнивают этот роман с музыкальным произведением — двухголосной фугой [Юзефович 2018]. Единицы поля «Музыка», помимо прямых употреблений, часто служат в этом романе средством образной характеристики изображаемых реалий, персонажей, абстрактных понятий.

Цель нашей статьи — рассмотреть образное поле «Музыка», выступающее как ключевое в этом тексте. Термин «ключевое образное поле» вводится по аналогии с понятием «ключевая метафора». Под ним понимается совокупность образных средств, обладающая общим семантическим компонентом, характеризующаяся концептуальной значимостью в произведении и выполняющая в нем текстообразующую роль. Единицы такого поля регулярно повторяются в тексте, при этом они могут использоваться в компаративных конструкциях и как образ, и как предмет сравнения. В образное поле «Музыка» в романе «Брисбен» входят само слово *музыка* и его производные, названия музыкальных инструментов, наименования музыкальных жанров, наименования музыкальных темпов, интервалов, способов извлечения звука, приемов игры, названия музыкальных произведений и другие музыкальные термины.

Для темпоральной структуры романа характерно взаимодействие двух временных планов: прошлого и настоящего героя, что находит отражение и в нарративной организации произведения. Эти планы различаются характером использования единиц образного поля «Музыка». В прошлом героя, прежде всего в его воспоминаниях о детстве, наиболее широко используются метафоры, сравнения и конструкции параллелизма, связанные с восприятием мира звуков в разных его проявлениях. Герой

романа в детстве наделен особой восприимчивостью звука. Как отмечает Д. А. Романов, в контекстах, описывающих детство и юность Глеба Яновского, преобладают слуховые метафоры, они «воспроизводятся в тексте романа с той или иной регулярностью, что создает устойчивый образ необычного мира, в котором существует ребенок» [Романов 2021: 166]. Метафорическое представление звуков, относящееся к темпоральному плану прошлого, фиксирует преимущественно объективную их характеристику (длительность, способ извлечения звука, характер звучания конкретного музыкального инструмента и т. д.). В настоящем же героя отдельные впечатления сменяются рефлексией над событиями жизни, которые осмысляются сквозь призму музыки. Кроме того, в центре его внимания оказывается эмоциональное переживание музыки, связанное с его исполнительской деятельностью и взаимодействием с залом.

Рассмотрим подробнее функционирование образных средств в каждом из отмеченных темпоральных планов романа. В воспоминаниях героя о детстве и юности окружающие его реалии воспринимаются через призму звуков разного характера: *Накануне первого дня учебы Глеб сидел перед Федором и, наблюдая за его длинными пальцами, пытался воспроизвести ритм. За окном трезвонили, поворачивая, трамваи. В ответ кротко звякала в буфете посуда.* Различные звуки получают образную характеристику посредством метафор и сравнений, связанных с миром музыки. Наиболее часто при этом используются наименования музыкальных инструментов — **марака**: *Ранец пах кожей, и еще водой и маслом, и ядовитой пластмассой пенала, в котором громыхали ручки и карандаши. При спокойном движении мальчика громыхание было умеренным, но когда он переходил на бег, звук многократно усиливался. Отбивавшийся четкий ритм напоминал оркестровую погремушку мараку; струнные инструменты: Бабушка мыла окна совсем по-другому. Сначала — тряпкой, тряпкой же вытирала, а последние штрихи наводила смятой в ком газетой. На промокишую газету раз за разом накладывалась свежая, образовывалась такая как бы луковица, скрипящая и визжащая при соприкосновении со стеклом. Подобный звук издают **струнные инструменты**, если ногтями большого и указательного пальцев проехать вниз по струне; **колокол**: за частой дробью бриза вдруг приходит медленная сила больших волн, и море гудит как гигантский раскачавшийся **колокол**.*

Наряду со звучанием музыкальных инструментов в тексте романа средством образной характеристики служат лексические единицы, обозначающие способ извлечения звука — **стаккато**: *Два коротких звонка отсылали слушателя к воздушному **стаккато**; приемы игры и мелизмы — **пиццикато, форшлаг**: «Эти каштаны висели на ветках зелеными ежиками, иногда желтели. Будучи сбитыми метким броском палки, ежики лопались*

на лету, распались на половинки, освобождая полированные красавицы-каштань. Они ударялись об асфальт с мелодичным звуком, несколько раз подпрыгивали и замирали где-нибудь у бордюра. Гладкие, блестящие, с обаятельной неполированной макушкой. За глуховатым **пиццикато** каштана всякий раз раздавался звонкий **форшлаг** палки. Из всего летевшего с дерева она хотя и приземлялась последней, зато уж не отделялась одной нотой. А однажды прозвучала как удар барабана: ударившись о ветку, отлетела к дороге и упала на припаркованные Жигули»; **длительность** — **восьмушка**: Начиная со второго класса Клещук порой заходил к Глебу после уроков. Его короткие прикосновения к кнопке звонка давали две образцовые **восьмушки**; **музыкальный интервал** — **малая секста**: Один раз на глазах у соседней он [Микола] запустил в Катерину ножовкой, которая вонзилась в дверь Глеба и некоторое время раскачивалась с короткой грустной мелодией. Глебу даже показалось, что доминировала там **малая секста**, на которой построена, скажем, История любви Франсиса Лея (до-ми-ми-до-до и т. д.); **музыкальный лад** — **мажор**: Издавая негромкие жалобные звуки (к собственным вещам Яновских прибавились подарки дяди Курта), машина влилась в движение улицы. Через полчаса она ввехала в ворота коллегиума — с похожими вроде бы песнями, но уже в **мажоре**. Новая жизнь встречала их радостным скрипом автомобиля.

Кроме того, в контекстах, посвященных прошлому, используются лексемы музыка и мелодия, которые служат для образной характеристики языка, речи, — **музыка**: «[дед Мефодий] Попросил у внука листок бумаги и каллиграфическим почерком написал на нем Символ веры. Объяснил незнакомые слова и спел его от начала до конца. Протянул Глебу: як вивчиш — скажеш мені. Глеб выучил через час. Удивленному деду пояснил: **музыка**. **Музыка** слов. Фразы Символа веры он запоминал как **музыкальные**; Из питерских звуков можно было бы отметить полуденный выстрел пушки, но не это сразило Глеба наповал. Его потрясла русская речь, какой он еще никогда не слышал. У нее была своя изысканная **мелодия** и, уж конечно, слова; Хрустального звучания русский язык, лучше которого Глеб никогда не слышал. Он влюбился в отдельные его звуки, общие интонации, ритм — во всё, что составляет **музыку** русского языка. В сравнении с музыкой, которую он играл, эта имела совершенно иную природу. И эта **музыка** исполнялась Лизой.

Источником образных ассоциаций для героя служат в романе и названия музыкальных произведений, например **Реквием**: Он слушал Реквием бесконечное число раз. Прежде представлял себе черного человека, который приходит к Моцарту с заказом. <...> Теперь же он не представлял себе ничего, потому что музыка входила в него без образов и осмысления. Так входит в нас сырая октябрьская резкость, когда мы устраиваем смотр павшим листьям — бурым, разложившимся до нестрашных листовенных скелетов. На

глазах выступают слёзы — от ветра, холода, запаха прели, — особенно у стариков. Старики слезливы. И уж всякий листопад кажется им **реквиемом** и связывается в их головах понятно с чем, и не надо тут даже черного человека.

Окружающие героя реалии и процессы воспринимаются героем как явления, обладающие музыкальным ритмом: Глеб медленно встал и, качаясь в такт стуку колес, двинулся к заклинившим дверям. <...> Глеб присел на скамью у дверей и теперь качался сидя — качался, качался... — уже не у дверей... уже на своем прежнем месте... потому что не вставал... и никуда не ходил... а качаться, конечно, качался. Это был особый **ритм**, не имевший никакого отношения к Попутной песне, потому что музыка Глинки писалась с мыслью о паровозе (он назывался тогда парходом) и уж точно не о вагонах с их задумчивым **ритмом** — точно не о них. Как ни крути, в вагонах нет этого паровозного бодрячества. Помимо образа ритма в тексте романа регулярно используется выражение **в такт**: Глебу предстояло исполнить Турецкий марш Моцарта — вещь для исполнения перед публикой беспроигрышная. <...> Торжество ритма было самой сутью Турецкого марша и проявлялось во всём, вплоть до того, как ветви плакучей ивы **в такт** музыке раскачивались на ветру; Репертуар будущего концерта Глеб довел до автоматизма <...> Эта музыка звучала в его голове, когда на велосипеде он ехал в консерваторию на очередное занятие. Ему казалось, что **в такт** ей он объясняет своим немецким ученикам правила русской грамматики.

Наряду со звуковым восприятием окружающего мира в контекстах, относящихся к прошлому героя, отражается зрительное, внешнее сходство объектов с музыкальными реалиями, например: Глеб впервые заметил, что у Кислицына невероятно большая голова, под которой болталось маленькое тело. Его друг напоминал **восьмушку** на верхней линии нотного стана — ту, у которой мачта с хвостиком уходит вниз. **Ре**, по всей видимости. Или **фа**.

Взросление героя отражается в появлении в тексте романа музыкальных образов, связанных с эротическими переживаниями персонажа: Ты обнимаешь виолончель, как мужчину, произнес его механический голос. Анна отложила виолончель, встала и, развернувшись к Глебу, села ему на колени: могу обнимать тебя... <...> Анна сжимала и отпускала его бедра, и, лежа на ее кровати, он чувствовал себя **виолончелью**; Катино тело распрямлялось на его теле, натягивалось **гитарной струной** <...>.

Музыка в прошлом героя выступает не только как образ, но и как предмет сравнения. Так, в детском восприятии музыка сначала соотносится с воздушным кораблем, а затем, в результате занятий сольфеджио, появляются дополняющие его технические образы: До сольфеджио музыка казалась ему слетевшей с небес, не имеющей в своей красоте никаких

объяснений. Но объяснения существовали, и они были похожи скорее на математику, чем на музыку. Воздушный корабль, на котором пустился в плавание Глеб, имел, оказывается, довольно мрачное машинное отделение, где ухали маховики и остро пахло смазкой.

С одной стороны, музыка опредмечивается, с другой — персонифицируется: Это было в оперном театре, куда бабушка повела его слушать Евгения Онегина. Первым, что его поразило, было то, как разыгрывался оркестр. Огромный зал, полный **обломков** мелодий. Грандиозная **свалка** звуков, навсегда, казалось, освободившихся от музыки и создавших новую общность, ср.: Музыка **дышала**, и на каждом **вдохе** сопровождалась ударом тарелок и барабана. Персонифицируются и музыкальные инструменты: Его радовало всё — кроме футляра, потому что футляр напоминал ему гроб. Всякий раз, когда Глеб его открывал, домра виделась ему **широкобедрой красавицей**, принесенной не из музыкальной школы, а с кладбища Берковцы — тогда еще пустынного, но уже огромного. Укладывая же домру в футляр, он представлял ее **потерянной возлюбленной**, навсегда увозимой на кладбище. Этот футляр отравлял ему жизнь; Порой, когда Глеб брал в руки гитару, ему представлялось, что это Валя. У гитары, в сущности, **женские формы**. Одновременно названия музыкальных инструментов могут включаться в состав зооморфных компаративных конструкций: Домра напоминала Глебу **улитку с вытянутой шеей**, бросить которую было бы предательством.

В настоящем героя преобладает использование единиц поля «Музыка» как предметов сравнения, при этом сокращается число их употреблений в качестве образов сравнения. Если они и представлены в тексте, то они отражают уже не непосредственные впечатления героя, а его осмысление жизни: — Ну да... Понимаешь, в жизни одни события уравниваются другими. Одна и та же мелодия может прозвучать вначале в **миноре**, а затем в **мажоре**. Или наоборот. — Тогда расскажи про **мажор**.

Темпоральный план настоящего в романе характеризуется использованием метафор и сравнений, обладающих высокой степенью эмоциональной напряженности и интенсивностью. Они связаны с изображением концертного исполнения музыки, реакции и состояния самого музыканта. В тексте развивается ряд образных параллелей, прежде всего «Музыка — водная стихия»: Несколько задумчивых фраз на фортепиано, и музыка обрушивается **водопадом**. Аранжировка виртуозно соединяет разные **потоки** — оркестровый, фортепианный и вокальный, — то сплетая их, то заставляя звучать порознь, но всякий раз с мощью, рождающей глубинный, композитором не предусмотренный земной гул; Вера берет первые ноты Вальса. <...> На зал обрушивается **волна за волной**, и от их ударов (барабаны) сотрясаются ряды кресел, и **пена на гребнях волн** (тарелки) повергает зрителей в трепет. В центре **шторма** — дирижер Хубер. Его отчаянное

стремление справиться со **стихией** повторяют вскочившие с мест зрители, их движения синхронны с дирижерскими.

Эти же образы водной стихии используются в романе и для характеристики реакции слушателей, оваций зала: *С последней нотой Токкаты наступают секунды тишины. Музыка была столь насыщена, что с ее окончанием пространство не успевает заполниться другими звуками. <...> Этому безмолвию исполнитель знает цену: оно предшествует ураганным овациям. Так перед ударом **цунами море** отступает на сотни метров, и обнажается суша. Но где-то далеко, у самого горизонта, гигантская, пусть пока и невидимая, уже несется первая **волна**; Мрак зала и прожектора сцены. За последним аккордом Токкаты следует пауза, а потом — **цунами**. Только это не цунами, потому что накрывшая нас **волна** оваций не опрокидывает — наполняет. Вера ждет, пока волна схлынет, и, бросив взгляд на меня в круге света, вступает с Ноктюрном.*

Образы водной стихии, рисующие реакцию зала и исполнителя, взаимодействуют с образами электрических разрядов, передающими накал эмоций зрителей в восприятии артиста: *Играя Ніч яка місячна, с болью сердечной наблюдаю, как босиком по холодной росе аудитория Карнеги-холла бредет в неизвестном направлении. <...> Вспыхивающие в партуре **искры** собираются в полноценную **шаровую молнию**. Не отрываясь слезу за тем, как сияющий **сгусток электричества** медленно проплывает над залом; В эти трепетные мгновения Глеб видел, как в темноте зала возникали **электрические разряды** — высоко, на уровне верхних ярусов. Над бархатом лож они висели мелкими переливающимися **искрами**. Иногда по несколько раз за концерт; В покоренных мной залах я разбрасывал, бывало, **снопы искр**, по электрической части я был большим умельцем, но **молнии** с небес не сводил прежде никогда. И вот уже два человека в белых халатах выводят кого-то под руки по центральному проходу (в последнем примере происходит реализация отмеченной метафоры).*

Помимо образной параллели «Музыка — водная стихия» в тексте романа используются образные параллели «Музыка — полет авиалайнера»: *Вера берет первые ноты Вальса. Играет его с той же страстью, что на концерте. Но в Вальсе доминирует не она и не я — здесь раскрывается вся мощь оркестра. Мелодия делает разворот над залом, как над аэропортом **делает разворот авиалайнер**. Он совершает круг, второй, третий и всё не садится — не потому, что не может, а от нежелания покидать небо; «Музыка — цветок»: Десять первых и самых знаменитых нот Токкаты взвиваются над оркестром, как **тропический, вырастающий в течение ночи цветок**.*

Характер исполнения Глебом музыкальных произведений изображается с помощью метафоры матрицы и отливки с нее: *Прежняя свержмелодия*

*не выходила за пределы тональности исполняемого произведения, а нынешняя — выходила. Это гудение было как прообраз музыки, как ее небесный зйдос. Он не предшествовал музыке и не рождался ею, а точнее — и предшествовал, и рождался, поскольку совершенно не зависел от времени. Глеб обращался к той **небесной матрице, с которой отливалась играемая им музыка**. Такая **отливка** не может быть идеальной, потому что идеальна лишь **матрица**. Глебово гудение восстанавливало не прописанные композитором места и делало произведение глубже и объемнее.*

Высокая степень интенсивности и эмоциональной напряженности метафор и сравнений, используемых в рамках темпорального плана настоящего, предполагает гиперболизацию описаний, которые существенно отличаются от образных характеристик в контекстах, посвященных прошлому героя, и отражают его эволюцию.

Таким образом, единицы образного поля «Музыка» пронизывают весь текст романа. Характер компаративных конструкций с этими единицами связан с композицией романа и служит средством сопоставления разных временных планов в нем.

Музыка непосредственно соотносится в тексте романа с наиболее значимыми его темами, прежде всего с темой времени, ср., например: *Вера Михайловна приводила на его уроки многих старших своих учеников, чтобы показать им, что такое настоящее тремоло. Самому же Глебу оно напоминало время: было таким же ровным и поглощало ноты так же, как время — события; Музыка — это вечность, спросил Глеб. Отец Петр покачал головой: музыка — это не вечность. Но она напоминает о вечности — глубокая музыка. Что же такое вечность, спросил Глеб. Это отсутствие времени, предположил Мефодий, а значит, отсутствие смерти. В конечном счете это Бог, сказал отец Петр, — Тот, Кого ты ищешь.* Наряду с темой времени единицы рассматриваемого образного поля выделяют в тексте тему небесного как высшего начала, в противовес земному. Итак, компоненты образного поля «Музыка» объединяют разные контексты и отражают развитие сквозных тем романа.

Литература

- Гервер Л. Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М.: Индрик, 2001. 248 с.
- Давыдова А. В. Музыкальные образы в русской лирике начала XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006. 21 с.
- Камышова О. С. Метафорическое обозначение музыки и музыкантов в художественной речи // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2008. № 16. С. 78–82.

- Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 253 с.
- Козинец С. Б., Соломатин К. А. Метафоризация музыкальных терминов в русском языке // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, сер. Филология, 2011. № 6 (2). С. 276–279.
- Макарова С. А. Художественные смыслы музыкальной терминологической лексики в лирике И. Л. Сельвинского // Русская речь. 2020. № 2. С. 105–114.
- Надольская О. Н. О русской музыкально-исполнительской терминосистеме // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1. С. 225–228.
- Петрова Т. С. Музыкальный образ мира в творчестве К. Д. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/327-vypusk-3-ivgu.html> (дата обращения: 10.06.2021)
- Романов Д. А. Метафорическая картина детского сознания в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сборник научных статей. М.: Аквилон, 2021. С. 260–271.
- Сидорова А. Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 24 с.
- Ткаченко Н. Г. К истории музыкальной терминологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 5. С. 69–80.
- Хохонин Д. Е. Лексика семантической сферы «Музыка» в метафорическом использовании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 22 с.
- Юзефович Г. Л. Роман в три октавы – о том, как устроен «Брисбен» 08.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://omsk-news.net/other/2018/12/11/244287.html> (дата обращения: 10.06.2021)

References

- Davydova A. V. *Muzikal'nye obrazy v russkoy lirike nachala XX veka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Musical images in Russian lyric poetry of the early 20th century. Author's abstract of the cand. diss.]. Arkhangel'sk, 2006. 21 p.
- Gerver L. L. *Muzyka i muzykal'naya mifologiya v tvorchestve russkikh poetov (pervye desyati-letiya XX veka)* [Music and musical mythology in the works of the Russian poets (the first decades of the 20th century)]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 248 p.
- Kamyshova O. S. [Metaphorical representation of music and musicians in the language of literature]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta*. 2008, no. 16, pp. 78–82. (In Russ.)
- Khokhonin D. E. *Leksika semanticheskoy sfery "Muzyka" v metaforycheskom ispol'zovanii. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexicon of the semantic sphere "Music" in metaphorical use. Author's abstract of the cand. diss.]. Voronezh, 2015. 22 p.

- Kozhevnikova N. A. *Slovoupotreblenie v russkoy poezii nachala XX veka* [Word usage in the Russian poetry of the early 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 253 p.
- Kozinets S. B., Solomatin K. A. [Metaphorization of musical terms in Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo, ser. Filologiya*, 2011, no. 6 (2), pp. 276–279. (In Russ.)
- Makarova S. A. [Literary meanings of the musical terminological lexical units in I. I. Sel'vinsky's lyric poetry]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2020, no. 2, pp. 105–114. (In Russ.)
- Nadol'skaya O. N. [About the Russian musical and performing terminology system]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2021, no. 1, pp. 225–228. (In Russ.)
- Petrova T. S. [Musical world image in K. D. Bal'mont's works]. *Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennye iskaniya XX veka. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva and artistic quest of the 20th century. Interuniversity collection of scientific papers]. Ivanovo, Ivanovo gos. un-t, 1998. Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/327-vypusk-3-ivgu.html> accessed 10.06.2021 (In Russ.)
- Romanov D. A. [Metaphorical picture of the child consciousness in the novel "Brisbane" by E. Vodolazkin]. *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoy khudozhestvennoy prozy: sbornik nauchnykh statei* [Metaphorical world image of the modern prose: A collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2021, pp. 260–271.
- Sidorova A. G. *Intermedial'naya poetika sovremennoy otechestvennoy prozy (literatura, zhivopis', muzyka). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Intermedial poetics of the modern Russian prose (literature, painting, music). Author's abstract of the cand. diss.]. Barnaul, 2006. 24 p.
- Tkachenko N. G. [Towards the history of musical terminology]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei* [Language, consciousness, communication. A collection of articles]. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, Filologiya, 1998, no. 5, pp. 69–80. (In Russ.)
- Yuzefovich G. L. [A three-octave novel – about how "Brisbane" works] 08.12.2018. Available at: <http://omsk-news.net/other/2018/12/11/244287.html> (accessed 15.06.2021).

Книжные новинки

Славяно-русская палеография как искусство (о новой книге Л. П. Жуковской)

Олег Викторович НИКИТИН, Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск), olnikitin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170016219-9

АННОТАЦИЯ: Статья анализирует избранные работы известного историка языка, слависта и палеографа Л. П. Жуковской (1920–1994). Новое издание включает монографию «Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР)» как первый опыт систематического обобщения данных о школах древлеписания и именах палеографов XVIII–XX вв. и дополнено статьями ученого разных лет, ставшими библиографической редкостью. Обращается внимание на отличное знание Л. П. Жуковской первоисточников и ее умение выделить основные открытия и достижения прошлых столетий. Отмечается всплеск интереса к палеографии со стороны первых славистов. Говорится о роли И. И. Срезневского, Н. С. Тихонравова, И. В. Ягича, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, В. Н. Щепкина, М. Н. Сперанского и других ученых в развитии теории и практики изучения древнерусских текстов. Автор монографии дает краткую характеристику советского периода лингвистического источниковедения и пишет об оживлении палеографической деятельности в 1950–1960-е гг. В статье указывается на то, что впервые в истории филологии Л. П. Жуковская собрала и проанализировала все значимые события и имена строителей палеографического дела в России за три века, предприняла современную периодизацию направлений в изучении памятников письменности, показала сильные и слабые стороны научной методологии исследователей и перспективы дальнейшего изучения рукописей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: палеография, древняя рукопись, славистика, история русского языка, письменная культура, Л. П. Жуковская

для цитирования: Никитин О. В. Славяно-русская палеография как искусство (о новой книге Л. П. Жуковской) // Русская речь. 2021. № 4. С. 120–128. DOI: 10.31857/S013161170016219-9.

Book News

Slavic-Russian Paleography as an Art (On a New Book by L. P. Zhukovskaya)

Oleg V. Nikitin, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), olnikitin@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes the book of selected works of the famous language historian, Slavist and paleographer L. P. Zhukovskaya (1920–1994). The new edition includes the monograph “The development of Slavic-Russian paleography (in pre-revolutionary Russia and in the USSR)” as the first experience of systematic generalization of data on schools of ancient writing and names of paleographers of the 18th–20th centuries. It is supplemented with articles by a scientist of different years, which have become a bibliographic rarity. We draw attention to L. P. Zhukovskaya’s excellent knowledge of primary sources and her ability to highlight the main discoveries and achievements of the past. The analysis of Slavic-Russian paleography in the 19th century is of great value for historical and linguistic science. On the part of the first Slavists there was a great interest in this science. The book discusses the role of I. I. Sreznevsky, N. S. Tikhonravov, I. V. Yagich, A. I. Sobolevsky, E. F. Karsky, V. N. Shchepkin, M. N. Speransky and other scientists in the development of the theory and practice of studying ancient Russian texts. The author of the monograph gives a brief description of the Soviet period of linguistic source studies and notes the revival of paleographic activity in the 1950s and 1960s. The article points out that for the first time in the history of philology L. P. Zhukovskaya collected

and analyzed all the significant events and names of the founders of paleography in Russia for three centuries, undertook a modern periodization of the directions in the study of written monuments, showed the strengths and weaknesses of the scientific methodology of researchers and the prospects for further study of manuscripts.

KEYWORDS: palaeography, ancient manuscript, Slavic studies, history of the Russian language, scribe culture, L. P. Zhukovskaya

FOR CITATION: Nikitin O. V. Slavic-Russian Paleography as an Art (On a New Book by L. P. Zhukovskaya). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 4. Pp. 120–128. DOI: 10.31857/S013161170016219-9.

На рубеже XX века известный писатель, литературный критик и философ В. В. Розанов, размышляя о ценности исторических сочинений и воспоминаний для культуры народа, неожиданно вспомнил то самое *древлеписание*, хранившее веками память о событиях, лицах и характерах ушедших времен. Он в своей парадоксальной стилистике текста уловил самую суть этой науки, выразил ее духовное предназначение: «Если есть вид литературы, который всегда безгрешен и иногда свят, — то это палеография. Что такое палеография? — Собираение старых писем, никому (лично) не нужных — все равно XII или XIX века; за тысячу лет назад или за 50 лет. Вы умерли; казалось — вы никому не нужны. И вот, когда вы забыты всем миром и, так сказать, испытываете пустыню небытия, около вашей могилы начинает копаться какая-то любящая рука — разбирает надпись на могильной плите, поправляет землю и иногда воткнет цветок: вы вдруг среди ледяного небытия согреваетесь человеческою теплотою, и для вас начинается еще вторая, удивительно интимная и милая жизнь» [Розанов 1990: 241].

Этот высокий пафос разделяла и Л. П. Жуковская, пожалуй, один из самых крупных и авторитетных российских археографов, если использовать этот старинный термин, второй половины XX века. Перед ее глазами прошли сотни неизвестных ранее рукописей, переплетов книг и целые собрания, ожидавшие своего часа еще с тех далеких времен, когда нарушилась связь традиций — классической дореволюционной с ее вниманием к компаративистике и древностям и новой советской, поменявшей курс от истории изучения памятников духовной культуры в сторону более прагматичную, чтобы избежать упреков и возможных преследований

за приверженность «буржуазным» течениям. Немногие классики того далекого времени, в числе которых академики В. М. Истрин, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский и Е. Ф. Карский, профессора Н. Н. Дурново, М. Н. Приселков и А. М. Селищев, еще успели до конца 1930-х гг. издать отдельные интересные тексты и описать древнерусские памятники, но позже наступил вынужденный перерыв, который отчасти восполняли исследования наших историков Н. С. Чаева, Л. В. Черепнина и других. В это непростое время, в конце 1940-х — начале 1950-х, вошла в науку Лидия Петровна Жуковская со своим неподдельным интересом к истории языка, палеографии и фонетике северо-восточной Руси, вниманием к графике и почеркам древнерусских текстов, их вариативности и локальной принадлежности (см. подробнее: [Баранкова 2020]).

Во введении к новой книге «Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР)» Л. П. Жуковская дает краткий обзор методов палеографии, объясняет ее практическое значение, показывает, что эта вспомогательная дисциплина играет ключевую роль, например, в датировке древнерусских рукописей, в установлении подлинности изучаемого текста, в нахождении новых сведений об исторических событиях и лицах прежних времен, наконец, в распознавании реальных фактов языка [Жуковская 2020: 24–33]. По сути дела, ни один современный исследователь, чьи интересы связаны с изучением текста как явления культуры, не может обойтись без использования методов палеографии.

Когда же зародилась эта наука и какие этапы проходила в своем развитии? Л. П. Жуковская впервые в отечественной филологии сделала успешный опыт периодизации историографии «древлеписания», назвала наиболее значимых ученых, проанализировала их открытия и достижения. Понятно, что древнерусские книжники отлично владели письменной традицией и понимали, что деловое письмо предназначалось для утилитарных целей, а церковное — для культовых. Поэтому и стилистика почерка была разной: в первом случае скорописная, с вариативным написанием литер, во втором — кириллическая, со строгими одномерными буквами. Самые ранние научные работы в этой области появились, по мнению Л. П. Жуковской, позднее, в XVIII столетии. Автор книги называет имена старообрядцев А. Денисова, М. Петрова и Л. Федосеева, предпринявших в 1717 г. попытку проанализировать старинные рукописи, установить их подлинность, провести исследование переплета, пергамента и чернил [Жуковская 2020: 35]. В монографии приводятся интересные выписки из сочинений указанных авторов, подтверждающие высокий профессиональный уровень знания археографии рукописей в то время: «В языке анализируемого текста составители ответов отмечают несоответствие языку рукописей XII в. и, наоборот, совпадение с написаниями,

современными для XVII в.: *роскии* вместо старого *роускии*, *латіни* вместо *латыни*, *даде* вместо старого *дастъ* и т. п.» [Жуковская 2020: 35].

Толчком к научному изучению рукописей явились петровские преобразования, которые поставили перед светской наукой конкретные задачи. Одной из них была необходимость написания истории своего государства. Л. П. Жуковская справедливо отмечает, что первые труды в этой области В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина больше носили собирательский характер, хотя и включали открытые авторами тексты и краткие комментарии к ним. Так, В. Н. Татищев привлек к работе «Русскую Правду» и «Судебник Ивана Грозного». И. Н. Болтин, анализируя сочинения М. М. Щербатова, «показал необходимость самого тщательного критического рассмотрения источников, в том числе и древних рукописей» [Жуковская 2000: 44].

В XVIII веке начали издавать старинные тексты, применяя научную для того времени методологию расшифровки и комментирования рукописей, что способствовало становлению палеографии. Как отметила Л. П. Жуковская, на этом поприще трудились и литераторы (Н. И. Новиков), и историки, видные государственные деятели (Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Мусин-Пушкин). Особенно высоко Л. П. Жуковская ценила заслуги А. И. Мусина-Пушкина: «Известно, что он имел комиссионеров для покупки рукописей в разных городах страны. Особенно много ценного вывез он из Ярославля, где у него имелось поместье. В Ярославле — старом культурном центре древнерусского государства — было в то время значительное количество разных памятников старины, в том числе и древних рукописей. Так, именно в Ярославле был найден важнейший памятник древнерусской литературы “Слово о полку Игореве”. Мусину-Пушкину удалось приобрести также древнейший список Лаврентьевской летописи, Завещание Владимира Мономаха, ранее неизвестные списки “Русской Правды” и другие древнерусские и старорусские памятники письменности. Библиотека Мусина-Пушкина в Москве была богатейшим собранием древних памятников письменности» [Жуковская 2000: 45].

Первое палеографическое исследование XIX века принадлежало А. Н. Оленину. Это его письмо графу А. И. Мусину-Пушкину о Тмутараканском камне, опубликованное в 1806 г. А. Н. Оленин, как рассказывает Л. П. Жуковская, вступил в спор с академиком П. С. Палласом, некорректно распознавшим текст на камне, и предложил свой вариант, основываясь на внимательном изучении палеографических особенностей артефакта: «Заслуга А. Н. Оленина заключается не только в том, что он правильно прочитал надпись на Тмутараканском камне и сделал из этого правильные исторические выводы, но и в том, что он доказал ее подлинность и, следовательно, древность. Для этой цели Оленин использует не

только исторические факты, почерпнутые из древних рукописей или их изданий <...>, но и производит сравнение букв надписи с буквами древних памятников, время происхождения которых не вызывает сомнения или попутно устанавливается самим А. Н. Олениным. На таблицах, приложенных к “Письму”, воспроизведены начертания букв в виде азбуки и строчки слитного текста из отдельных рукописей» [Жуковская 2000: 49].

Представляют большой интерес и другие очерки Л. П. Жуковской о первооткрывателях-палеографах XIX века, включенные в книгу. Так, она положительно оценивала Н. М. Карамзина как популяризатора исторических знаний, исследователя дипломатики и сфрагистики [Жуковская 2000: 52], писала о деятельности Румянцевского кружка, о трудах митрополита Евгения (Болховитинова), о палеографических открытиях К. Ф. Калайдовича. Особо ценным, по мнению Л. П. Жуковской, является труд последнего «Иоанн, экзарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий» (М., 1824). И другие имена отечественных историков и филологов не остались без внимания Л. П. Жуковской. Например, говоря о вкладе в палеографию П. М. Строева, она заметила, что «он выполнил первое научное описание целого собрания рукописей», имея в виду его обзор библиотечной коллекции Волоколамского монастыря [Жуковская 2000: 64]. Примечательны наблюдения автора книги о начальных опытах изучения водяных знаков, предпринятых И. П. Лаптевым и К. Я. Тромониным. Первый ученый опубликовал 28 таблиц водяных знаков на бумаге со 150 образцами [Жуковская 2000: 66]. К. Я. Тромонин издал альбом, включивший более 2000 бумажных знаков.

Среди известных палеографов были и первые русские слависты А. Х. Востоков и И. И. Срезневский. Особенно Л. П. Жуковская отмечает вклад Александра Христофоровича в развитие этой науки, которая до XIX века не имела четкой системы и методологии. Лингвистический анализ древних текстов как раз восполнял данный пробел и позволил ученым указывать не только формат рукописи, материал, из которого она сделана, заниматься датировкой документов, но и значительно расширить поле филологического источниковедения. Так, например А. Х. Востоков, по справедливому заключению Л. П. Жуковской, «обращал особое внимание на необходимость точной передачи текста» с соблюдением всех старинных форм языка [Жуковская 2000: 69]. Деятельность И. И. Срезневского — новый этап в научной истории палеографии. Можно согласиться с Л. П. Жуковской в том, что книга И. И. Срезневского «Славяно-русская палеография», в которой изложена традиция древлеписания с XI по XIV вв., является очень ценным пособием, поскольку в нем впервые приводятся новые сведения о палеографических работах у западных славян, анализируются датированные памятники, в том числе и материальной культуры,

приводятся образцы разных почерков и т. п. В книге представлен разнообразный в жанровом отношении материал [Жуковская 2000: 96].

В обзоре Л. П. Жуковской есть необычные разделы, которые могут быть полезны как читателям, только подступающим к изучению рукописных памятников, так и академическим филологам. Так, автор рассказывает о подделках документов, о пособиях по древнерусской скорописи, об издании Архангельского Евангелия 1092 года. Довольно большие по содержанию получились очерки об А. И. Соболевском, Е. Ф. Карском, Н. М. Каринском, В. Н. Щепкине.

Освещая 1930–1940-е годы в истории палеографии, Л. П. Жуковская отмечала, что «господство вульгарно-социологической школы М. Н. Покровского до середины 30-х годов не способствовало всестороннему изучению исторического прошлого» [Жуковская 2000: 136]. Деятельность лингвистов, воспитанных в классических традициях дореволюционной школы, также была ограничена, а в отдельные годы практически свернута. Л. П. Жуковская откровенно писала о том, что «это был период господства в советском языкознании так называемого “нового учения о языке” Н. Я. Марра и его учеников, нигилистически отрицавших все традиции филологической науки прошлого» [Жуковская 2000: 137]. Лишь отдельные книги учебного характера могли появляться в то время (Л. П. Жуковская упомянула известную «Хрестоматию» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, учебник М. Д. Приселкова, альбомы Н. В. Степанова и А. М. Селищева, учебник Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина и др.).

1950–1960-е гг. в истории палеографии характеризуются Л. П. Жуковской как период оживления интереса к источниковедению. По ее мнению, это было связано с открытием в 1951 г. нового типа памятников — берестяных грамот. Успешная работа по историко-лингвистическому изучению этих уникальных артефактов Древней Руси проводилась и позднее А. А. Зализняком и В. Л. Яниным.

Со времени выхода в свет первого издания книги Л. П. Жуковской (1963) уже прошло почти 60 лет. Методология палеографии обогатилась новыми подходами, были открыты и изданы интересные памятники письменности, продолжают выходить крупные исторические словари русского языка, охватывающие огромные пласты текстов с XI по XVIII века, стала более совершенной компьютерная обработка документов. Но классическая монография Л. П. Жуковской не устарела и занимает почетное место в кругу исследователей этой занимательной науки.

Настоящее издание дополнено несколькими статьями ученого, позволяющими узнать ее с другой стороны, поскольку интересы Лидии Петровны не ограничиваются исключительно палеографией. Здесь перед нами открывается Жуковская — историк языка, орнаменталист,

диалектолог... Это статьи: «Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.)», «Экслиттеральные способы определения разных почерков», «Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника», «Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия “второе южнославянское влияние”)».

Для нынешних и будущих исследователей ее творчества хорошим подспорьем являются «Хронологический список трудов Л. П. Жуковской за 1951–1993 гг.» и «Литература о Л. П. Жуковской и ее трудах», помещенные в заключительной части книги.

Итак, филологическая биография этого яркого ученого продолжается и сейчас в памяти благодарных учеников, в замечательных статьях и книгах, поражающих глубиной проникновения в стихию исторического документа, увлеченностью автора, его погруженностью в еще не познанный до конца мир искусства древнерусского слова с такими причудливыми почерками, орнаментами и старинными традициями древлеписания. Л. П. Жуковская была одной из тех, кто возрождает интерес научного сообщества к именам забытых палеографов, их открытиям и находкам. В своих архивных и библиотечных раскопках она подобна классическим историографам и первооткрывателям-славистам XIX века.

Завершить наш обзор хочется вновь словами В. В. Розанова, говорившего с грустью о том, что «следовало бы каждому человеку иметь для себя подобного копуна. Что-то египетское, какая-то вечность; какая-то бесполезная любовь, для коей несть “ни болезнь, ни воздыхания”...» [Розанов 1990: 241].

Только для Л. П. Жуковской палеографическое искусство никогда не было «бесполезной любовью». Она жила этим изысканным миром кириллических и скорописных букв, водяных знаков и бесконечных снимков с подлинных портретов далекого времени, которые пробуждались под пером мастера и наполнялись красками высокого словесного творчества.

Литература

Баранкова Г. С. Лидия Петровна Жуковская (к столетию со дня рождения) // Жуковская Л. П.

Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). Избранные работы. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 7–22.

Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). Избранные работы. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2020. 440 с.

Розанов В. В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1992. 592 с.

References

- Barankova G. S. [Lidiya Petrovna Zhukovskaya (to the centennial since birth)]. *Zhukovskaya L. P. Razvitie slavyano-russkoi paleografii (v dorevolyutsionnoi Rossii i v SSSR). Izbrannye raboty* [Development of Slavic-Russian palaeography (in prerevolutionary Russia and in USSR). Selected writings]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2020, pp. 7–22. (In Russ.)
- Rozanov V. V. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1992. 592 p.
- Zhukovskaya L. P. *Razvitie slavyano-russkoi paleografii (v dorevolyutsionnoi Rossii i v SSSR). Izbrannye raboty* [Development of Slavic-Russian palaeography (in prerevolutionary Russia and in USSR). Selected writings]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2020. 440 p.